

Жорж Сименон

Мегрэ путешествует

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

Что происходило в отеле "Георг Пятый", пока в Париже шел дождь, Мегрэ спал, а несколько человек делали все, что могли

- Самые коварные дела - те, что вначале выглядят такими простыми, что ты не придаешь им большого значения. Они вроде тех болезней, которые начинаются почти незаметно, с чего-то неопределенного, что называют просто "недомогание". Когда такую болезнь наконец начинают принимать всерьез, часто бывает слишком поздно.

Мегрэ сам сказал это инспектору Жанвье как-то вечером, когда они вместе возвращались на набережную Орфевр через Новый мост.

Но в эту ночь Мегрэ ничего не говорил по поводу событий, которые разворачивались рядом с ним, потому что крепко спал рядом с мадам Мегрэ в своей квартире на бульваре Ришар-Ленуар.

Если бы он и ожидал неприятностей, то думал бы не об отеле "Георг Пятый", о котором в газетах чаще пишут под заголовком "Светская хроника", чем под заголовком "Происшествия". Он подумал бы о дочери одного депутата, которую был вынужден пригласить в свой кабинет, чтобы порекомендовать ей в будущем воздержаться от некоторых эксцентричных поступков. Хотя Мегрэ и говорил с ней отеческим тоном, она очень плохо восприняла его совет.

- Кто бы вы ни были, вы только служащий, и я добьюсь, чтобы вас уволили!

Правда, ей только что исполнилось восемнадцать.

В три часа утра пошел слабый, мелкий дождь. Его едва можно было разглядеть, но все же его хватило, чтобы отлакировать тротуары и мостовые улиц и усилить блеск фонарей, как слезы усиливают блеск глаз.

В половине четвертого на четвертом этаже отеля "Георг Пятый" зазвенел звонок в комнате, где дремали горничная и лакей. Оба спящих открыли глаза. Лакей первым заметил, что лампа, которая зажглась, была желтого цвета, и сказал:

- Это Жюля.

Его слова означали, что звонили Жюлю, коридорному, который сейчас понес одному из постояльцев бутылку датского пива.

Гостиничные слуга и служанка снова заснули каждый в своем кресле. После этого довольно долго было тихо, потом снова прозвучал звонок. Это произошло в тот момент, когда Жюль (ему было больше шестидесяти лет, но он продолжал дежурить по ночам) вернулся с пустым подносом.

- Ну вот опять! - проворчал он сквозь зубы и не спеша направился к номеру 332, где светилась сигнальная лампа над дверью. Он постучал в эту дверь, немного подождал и, поскольку ничего не услышал в ответ, тихо открыл ее.

В гостиной номера - темнота и ни одного человека.

Немного света пробивалось в нее только из спальни. И оттуда же непрерывно доносились стоны, слабые, словно стонало животное или ребенок.

Маленькая графиня лежала на своей кровати, полузакрыв глаза, чуть приоткрыв рот и прижав обе ладони к груди примерно там, где находится сердце.

- Кто это? - простонала она.

- Коридорный, госпожа графиня.

Жюль хорошо знал графиню, и она тоже отлично его знала.

- Я умираю, Жюль. Не хочу умирать! Скорее позовите врача. Есть врач в отеле?

- В такой час - нет, госпожа графиня, но я скажу медсестре.

За час с небольшим до этого Жюль принес в этот номер бутылку шампанского, бутылку виски, содовую воду и ведро со льдом. Все эти бутылки и стаканы по-прежнему стояли в гостиной, кроме бокала для шампанского, который лежал перевернутым на ночном столике.

- Алло! Скорее позовите мне медсестру!..

Мадемуазель Розэ, дежурная телефонистка, не удивилась этому, вставила в одно из многочисленных гнезд коммутатора первый штепсель, потом так же вставила второй.

Жюль услышал далекий звонок, а потом сонный голос:

- Алло... Медсестра слушает...

- Вы не могли бы сейчас же спуститься в номер 332?

- Жюль, я умираю... - донеслось с кровати.

- Вот увидите, госпожа графиня: вы не умрете.

Жюль не знал, что ему делать, пока он ждет медсестру. Он зажег лампы в гостиной, заметил, что бутылка из-под шампанского пуста, а бутылка виски выпита только на три четверти.

Графиня Пальмиери продолжала стонать, сжимая ладонями грудь.

- Жюль...

- Да, госпожа графиня?..

- Если ко мне придут слишком поздно...

- Мадемуазель Женеврие сейчас спустится.

- Если все-таки ко мне придут слишком поздно, скажите им, что я отравилась, но не хочу умирать...

В этот момент медсестра с серым лицом, которое было почти одного тона с ее сединой, вошла в комнату, сначала для приличия тихо постучав в дверь. Ее тело под белым халатом еще пахло постелью. В руках у нее был пузырек Бог знает с чем коричневатого цвета, а карманы раздулись от коробочек с лекарствами.

- Она говорит, что отравилась...

Мадемуазель Женеврие прежде всего огляделась, заметила корзину для бумаг, вынула оттуда коробочку из-под лекарства и прочла надпись на этикетке.

- Попросите телефонистку вызвать доктора Фрера...

Это срочно...

Можно было подумать, что теперь, когда рядом был кто-то, чтобы ее лечить, графиня покорила своей судьбе: она больше не пыталась говорить, и ее стоны сделались еще слабее.

- Алло! Скорее позвоните доктору Фрера. Да нет, это я не для себя. Это медсестра сказала, чтобы вызвать.

В первоклассных отелях и в некоторых кварталах Парижа такое происходит настолько часто, что в дежурной части парижской полиции, если ночью поступает вызов, например из XVI округа, почти всегда кто-нибудь спрашивает:

- Гарденал?

Это название медикамента сделалось нарицательным: его стали использовать в значении "отравление снотворным", как говорят "берси" в значении "пьяница".

- Принесите мне горячей воды...

- Кипяченой?

- Не важно, лишь бы была горячая.

Мадемуазель Женеврие пощупала графине пульс и приподняла ей верхнее веко на одном из глаз.

- Сколько таблеток вы проглотили?

Графиня ответила голосом маленькой девочки:

- Не знаю... Уже не знаю... Не дайте мне умереть...

- Конечно, не дам, моя милая... Все-таки выпейте вот это...

Медсестра поддержала графиню за плечи и поднесла стакан с лекарством к ее губам.

- Это серьезно?

- Пейте!

В двух шагах оттуда, на проспекте Марсо, доктор Фрер торопливо оделся и схватил чемоданчик. Чуть позже он вышел из спящего дома и сел в машину, которая была припаркована у края тротуара.

Отделанный мрамором вестибюль отеля "Георг Пятый" был безлюден. В одной его половине сидела только ночная дежурная по приему въезжающих, которая читала газету, пряча ее под столом из красного дерева, а во второй - только консьерж, который не делал ничего.

- В триста тридцать второй... - объявил ему врач, проходя мимо.

- Я знаю.

Ему уже все рассказала телефонистка.

- Вызвать машину "Скорой помощи"?

- Посмотрю, надо ли.

Доктор Фрер уже бывал в большинстве номеров этого отеля. Так же, как медсестра, он постучал - вернее, стукнул в дверь один раз, в каком-то смысле символически, вошел в номер, снял шляпу и направился в спальню.

Жюль, после того как принес кувшин горячей воды, отошел в угол.

- Отравление, доктор... Я дала ей...

Врач и медсестра обменялись несколькими словами, и это было похоже на стенограмму или на связь с помощью кодов, а в это время у графини, которую медсестра по-прежнему поддерживала, прошло несколько сильных приступов тошноты и началась рвота.

- Жюль!

- Да, доктор?

- Скажите, пусть позвонят в американскую больницу в Нейи, чтобы оттуда прислали машину.
Во всем этом не было ничего из ряда вон выходящего.

И вот телефонистка с наушниками на голове уже говорила другой телефонистке, дежурившей ночью там, в Нейи:

- Точно не знаю, моя милая. Что-то случилось с графиней Пальмиери, там наверху у нее врач.
В номере 332 зазвонил телефон.

Жюль снял трубку и объявил:

- "Скорая помощь" будет здесь через десять минут.

Врач в это время укладывал в чемоданчик шприц, которым только что сделал укол.

- Мне ее одеть?

- Только заверните в одеяло. Если заметите где-нибудь чемодан, положите туда что-нибудь из ее вещей, - что ей потребуется, вы знаете лучше меня.

Через четверть часа после этого два санитары спустили маленькую графиню по лестнице, а потом подняли и положили в машину "Скорой помощи".

Доктор Фрер в это время садился в свой автомобиль:

- Я буду там одновременно с вами.

Он знал этих санитаров. И санитары тоже знали его.

А в больнице доктор был знаком и с дежурной из приемного покоя, которой сказал несколько слов, и с молодым дежурным врачом. Эти люди говорили мало, все время словно на языке кодов, потому что привыкли работать вместе.

- Сорок первая свободна...

- Сколько таблеток?

- Она этого не помнит. Нашли пустую упаковку.

- Рвота была?

Эта медсестра была так же хорошо знакома доктору Фреру, как та, что работала в "Георге Пятом". Пока она хлопотала возле больной, врач наконец зажег папиросу.

Промывание желудка. Пульс. Снова укол.

- Остается только дать ей выспаться. Меряйте пульс каждые полчаса.

- Да, доктор.

Врач спустился вниз на лифте, точно таком же, как в отеле, и дал дежурной из приемного покоя несколько указаний, которые та записала.

- Вы сообщили в полицию?

- Пока нет...

Он посмотрел на черно-белые настенные часы. Четверть пятого.

- Соедините меня с полицейским комиссариатом на улице Берри.

На другом конце провода, в комиссариате, фонарь освещал стоявшие перед дверью велосипеды. В самом помещении двое молодых полицейских играли в карты, а их капрал варил себе кофе на спиртовке.

- Алло! Комиссариат на улице Берри. Доктор... как фамилия? Фрер? Пишется через "е"? Хорошо. Я вас слушаю. Подождите минуту.

Капрал схватил карандаш и стал записывать на клочке бумаги то, что ему сообщали.

- Да... Да... Я сообщу, что вы сейчас отправляете нам ваш акт... Она умерла?

Положив трубку, он сказал двум другим дежурным, которые смотрели на него:

- Гарденал... В "Георге Пятом".

Для капрала это означало всего лишь еще одну работу. Он со вздохом снова поднял трубку:

- Центральный пост? Это комиссариат на улице Берри.

Это ты, Маршал? Как там у вас? Здесь тихо. Потасовка?

Нет, их не оставили в комиссариате. Один из этих типов знает кучу важных людей, понимаешь? Я был вынужден позвонить комиссару, и он сказал, чтобы я их отпустил.

Речь шла о скандале в ночном кабаре на улице Понтье.

- Хорошо! У меня тут другое. Гарденал. Ты записываешь? Графиня. Да, графиня. Настоящая или нет, про это ничего не знаю. Пальмиери. "П" - Поль, "а" - Артур, "л" - Леон, мягкий знак, "м"... Да, Пальмиери.

Отель "Георг Пятый." Номер 332. Доктор Фрер. Американская больница в Нейи... Да, говорила. Она хотела умереть, потом расхотела... Знакомое дело...

В половине шестого инспектор Жюстен из VIII округа опросил ночного консьержа "Георга Пятого" и при этом записал несколько слов в свою записную книжку. После этого он поговорил с официантом Жюлем, а потом направился в Нейи, в больницу, где ему сказали, что графиня спит и угрозы для ее жизни нет.

В восемь часов утра дождь по-прежнему шел, но небо было ясным, и немного простуженный Люка сел за стол в своем кабинете на набережной Орфевр, где его дожидались поступившие за ночь донесения.

В них он обнаружил - в виде нескольких официальных фраз - следы потасовки на улице Понтье десятка девиц, нескольких пьяниц, нападения с ножом на улице Фландрии и еще нескольких происшествий, которые не выходили за рамки обычного.

Кроме того, шесть строчек сообщили ему, что графиня Пальмиери, урожденная Ла Серт, пыталась покончить жизнь самоубийством.

Мегрэ пришел на Набережную в девять часов и был немного озабочен историей с дочерью депутата.

- Шеф обо мне не спрашивал?

- Пока нет.

- В донесениях есть что-нибудь важное?

Люка одну секунду поколебался, но в конце концов решил, что попытка самоубийства, даже если она произошла в "Георге Пятом", не может считаться чем-то важным, и ответил:

- Ничего.

Он и не подозревал, что в этот момент совершает крупную ошибку, которая осложнит жизнь комиссару Мегрэ и всей уголовной полиции.

Когда в коридоре прозвучал звонок, комиссар взял несколько папок с делами, вышел из кабинета и вместе с остальными начальниками служб направился к главному шефу. Там речь зашла о делах, которые были в производстве у разных комиссаров, но о графине Пальмиери Мегрэ не говорил, потому что не знал о ней.

В десять часов он вернулся в свой кабинет и с трубкой во рту начал писать отчет о вооруженном нападении, которое произошло за три дня до этого и виновников которого он надеялся вскоре арестовать благодаря тому, что они потеряли на месте преступления альпийский берет.

Примерно в этот момент некто Джон Т. Арнольд, который, надев халат поверх пижамы, ел первый завтрак в отеле "Скриб" на Больших бульварах, снял трубку телефона:

- Алло, мадемуазель! Будьте добры позвать полковника Уорда, отель "Георг Пятый".

- Сию минуту, месье Арнольд.

Месье Арнольд был здесь давним клиентом и жил в "Скрибе" почти круглый год.

Телефонистка из "Скриба" и телефонистка из "Георга Пятого" никогда не видели друг друга, но были знакомы, как случается у телефонистов.

- Алло! Милая, соедини меня, пожалуйста, с полковником Уордом.

- Это для Арнольда?

Арнольд и полковник имели привычку звонить друг другу по несколько раз в день, а звонок в десять утра был у них традицией.

- Он еще не просил подать первый завтрак. Мне все-таки позвать его?

- Подожди, я спрошу своего абонента.

Штепсель сменил гнездо.

- Месье Арнольд? Полковник еще не требовал первый завтрак. Мне разбудить его?

- Он не оставил записку?

- Мне ничего об этом не говорили.

- Сейчас действительно десять?

- Десять часов десять минут.

- Позовите его.

Снова перемещение штепселя.

- Позвони ему в дверь, моя милая. Если он будет ворчать, тем хуже.

И на этом канале наступила тишина. Телефонистка "Скриба" соединила еще трех абонентов, причем одного из них - с Амстердамом, прежде чем позвонила сама:

- Алло! Моя милая, ты не забыла про моего полковника?

- Я нажимаю его звонок не переставая. Он не отвечает.

Через несколько минут "Скриб" снова вызвал "Георга Пятого".

- Послушай, моя милая. Я сказала своему абоненту, что полковник не отвечает. Он говорит, что это невозможно, что полковник ждет его звонка в десять часов, что это очень важно.

- Я еще раз позвоню полковнику. - Потом, когда и эта попытка не дала результата:

- Подожди минутку. Я спрошу у консьержа, не вышел ли полковник. - Тишина. - Нет, его ключа нет на доске. Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Джон Т. Арнольд в своем номере терял терпение.

- Мадемуазель, что такое? Вы забыли о моем заказе?

- Нет, месье Арнольд. Полковник не отвечает. А консьерж не видел, чтобы он выходил, и его ключа нет на доске.

- Пошлите коридорного постучать в дверь.

На четвертом этаже, где жил полковник Уорд (между ним и графиней Пальмиери было пять номеров), работал уже не Жюль, а сменивший его другой коридорный, итальянец по имени Джино.

Этот коридорный снова связался с консьержем:

- Там не отвечают, а дверь заперта на ключ.

Консьерж повернулся к своему помощнику:

- Сходи посмотри.

Помощник в свою очередь позвонил в дверь, потом постучал и тихо позвал:

- Полковник Уорд...

Затем вынул из кармана отмычку и сумел открыть дверь.

Ставни в номере были закрыты, и в гостиной на столе горела непогашенная лампа. В спальне - тоже свет, кровать постелена на ночь, пижама развернута.

- Полковник Уорд...

На стуле висела одежда темного цвета, а на ковре лежали носки и пара туфель, одна из которых была перевернута подошвой вверх.

- Полковник Уорд!

Дверь ванной была напротив. Помощник консьержа сначала постучал в нее, потом открыл ее толчком и смог выговорить только:

- М!..

Он решил было позвонить по телефону из спальни полковника, но ему так не хотелось оставаться в этом месте, что он предпочел уйти. Закрыв за собой дверь номера, этот человек бегом спустился по лестнице, забыв про лифт.

Внизу три или четыре постояльца собрались вокруг консьержа, который смотрел для них расписание трансатлантических авиалиний. Помощник шепнул на ухо своему начальнику:

- Он умер...

- Минуту... - Затем консьерж, который только теперь начал воспринимать смысл того, что услышал, спросил:

- Что ты говоришь?

- Он лежит мертвый. В своей ванне.

Консьерж по-английски попросил клиентов потерпеть одну минуту, прошел через холл и наклонился над столом регистрации въезжающих.

- Месье Жиль в своем кабинете?

Кто-то из регистраторов жестом ответил "да". Тогда консьерж прошел в левый угол вестибюля и постучал там в дверь:

- Простите меня, месье Жиль. Я только что велел Рене подняться к полковнику. Похоже, полковник лежит мертвый в своей ванне.

Месье Жиль был одет в полосатые брюки и черный шевиотовый пиджак. Он повернулся к своей секретарше:

- Немедленно вызовите доктора Фрера. Он, должно быть, сейчас ходит по вызовам. Пусть его найдут.

Месье Жиль знал то, чего еще не знала полиция. И консьерж месье Альбер тоже знал.

- Что вы об этом думаете, Альбер?

- Разумеется, то же, что и вы.

- Вам сообщили про графиню?

Ответом стал кивок.

- Я иду наверх...

Но, поскольку месье Жиллю не хотелось идти туда одному, он выбрал себе в спутники одного из молодых людей в куртках и с напояженными волосами, которые регистрировали въезжающих. Проходя мимо консьержа, снова занявшего свое место, месье Жиль сказал ему:

- Дайте знать медсестре. Пусть она немедленно спустится в номер 347.

Вестибюль не был пуст, как ночью. Три американца по-прежнему обсуждали, каким рейсом им лучше лететь.

Только что приехавшая пара заполняла карточки за регистрационным столом. Цветочница была на своем обычном месте, и продавщица газет тоже - обе недалеко от киоскера, продававшего театральные билеты. В креслах сидели и ждали несколько человек, среди них - старшая продавщица знаменитого кутюрье, которая принесла коробку с платьями.

Наверху, в ванной комнате номера 347, у директора больше не хватало смелости смотреть на тучное тело полковника, которое лежало в ванне в смешной позе: голова была под водой, наружу выступал только живот.

- Вызови мне...

Звонок телефона рядом в спальне привел директора в себя, и он бросился туда.

- Месье Жиль? - Это был голос телефонистки. - Я смогла найти доктора Фрера у одного из его пациентов на улице Франциска Первого. Он будет здесь через несколько минут.

Молодой регистратор спросил:

- Кого я должен вызвать?

Разумеется, полицию. Когда происходит несчастье такого рода, это необходимо. Месье Жиль был знаком с полицейским комиссаром своего квартала, но эти двое не любили друг друга. Кроме того, полицейские из комиссариата иногда вели себя недостаточно тактично, а это не могло не вызывать беспокойства в таком отеле, как "Георг Пятый".

- Вызови мне уголовную полицию.

- Кого?

- Начальника.

Месье Жиль и начальник уголовной полиции часто оказывались рядом на званых обедах, и, хотя сказали друг другу лишь несколько фраз, этого было достаточно, чтобы считаться знакомыми.

- Алло! Это начальник уголовной полиции? Извините, месье Бенуа, что я вас беспокою. Говорит Жиль, директор "Георга Пятого". Алло! Сейчас только что случилось... Я хочу сказать... Я только что узнал... - Он не знал, как говорить про такое. - К несчастью, речь идет о важном лице, о человеке, известном во всем мире...

О полковнике Уорде... Да, Дэвид Уорд. Минуту назад один из моих служащих обнаружил его мертвым в ванне. Нет, больше я ничего не знаю. Я решил, что лучше сразу позвонить вам. С минуты на минуту я жду врача.

Бесполезно просить вас...

Просить, разумеется, о том, чтобы не было шума. Директор совершенно не хотел, чтобы журналисты и фотографы осаждали его отель.

- Нет... Разумеется, нет... Обещаю вам, что никто ни к чему не прикоснется... Я лично буду в этом номере.

Сейчас как раз пришел доктор Фрер. Хотите поговорить с ним?

Доктор, еще ничего не знавший, взял трубку, которую ему подавали:

- Доктор Фрер слушает. Алло! Да... Я был у больного и только что пришел. Что вы сказали? Я не могу утверждать, что это один из моих пациентов, но я с ним знаком. Всего один раз мне пришлось лечить его от безобидного гриппа.

Как так? Наоборот, очень крепкое, несмотря на ту жизнь, которую он ведет... которую он вел, если хотите... Извините меня: я еще не видел тело... Разумеется... Да... Да... Я вас понял... До скорой встречи, господин начальник полиции.

Вы хотите снова поговорить с директором? Нет?

Доктор положил трубку и спросил:

- Где он?

- В ванне.

- Начальник уголовной полиции советует ни до чего не дотрагиваться, пока он кого-нибудь не пришлет.

Месье Жиль обратился к молодому человеку из службы приема:

- Можешь идти вниз. Пусть служащие ждут людей из полиции и, когда те придут, проведут их наверх по-тихому. И пожалуйста, никакой болтовни на эту тему в вестибюле... Понятно?

- Да, господин директор.

***

В кабинете Мегрэ раздался звонок.

- Вы не можете на минуту подняться ко мне?

Комиссара уже в третий раз отрывали от работы с тех пор, как он начал писать отчет по поводу вооруженного ограбления. Он зажег трубку, которая погасла, потому что он за ней не следил, прошел по коридору и постучал в дверь начальника.

- Входите, Мегрэ. Садитесь...

К дождю начали примешиваться лучи солнца, и один из них блестел на медной чернильнице начальника полиции.

- Вы знаете, кто такой полковник Уорд?

- Я видел его имя в газетах. Это тот, у которого три или четыре жены, да?

- Его только что нашли мертвым в его ванне в "Георге Пятом".

Мегрэ выслушал это с полнейшей невозмутимостью, потому что его ум все еще был занят делом о вооруженном грабеже.

- Думаю, будет лучше всего, если туда поедете вы сами. Врач, который более или менее постоянно обслуживает этот отель, сейчас сказал мне, что у полковника еще вчера было прекрасное здоровье и, насколько ему известно, тот никогда не страдал болезнью сердца. Этим займется пресса, и не только французская, а многих стран...

Мегрэ терпеть не мог истории со слишком известными людьми, которых можно трогать только в перчатках.

- Я еду туда, - сказал он.

Опять придется отложить отчет! С недовольным видом Мегрэ открыл дверь комнаты инспекторов и стал думать, кого выбрать себе в спутники. Жанвье был на месте, но тоже занят вооруженным ограблением.

- Вот что: зайди ко мне в кабинет и попробуй продолжить мой отчет. А ты, Лапуэнт... - Молодой Лапуэнт поднял голову. Он был вне себя от счастья. - Надень шляпу: ты пойдешь со мной.

Потом комиссар сказал Люка:

- Если меня будут спрашивать, я в "Георге Пятом".

- Это по поводу отравления?

Люка покраснел: вопрос сорвался у него с языка сам собой.

- Какого отравления?

- Графини... - пробормотал Люка.

- О чем ты говоришь?

- Сегодня утром в донесениях было что-то про графиню с итальянской фамилией, которая пыталась покончить с собой в "Георге Пятом". Я ничего не сказал вам только потому, что...

- Где это донесение?

Люка порылся в куче бумаг, громоздившейся у него на столе, и вынул оттуда листок - донесение на официальном бланке.

- Она не умерла, вот почему я...

Мегрэ прочел те несколько строк, о которых вспомнил его помощник.

- Ее смогли опросить?

- Не знаю. Кто-то из VIII округа ходил в больницу в Нейи. Я пока не знаю, была ли графиня в состоянии говорить...

Мегрэ не знал, что в эту же ночь, чуть раньше двух часов утра, графиня Пальмиери и полковник Дэвид Уорд вышли из такси перед отелем "Георг Пятый" и консьерж несколько не удивился, увидев, что они вместе идут к нему за своими ключами.

Жюль, коридорный, дежуривший на их этаже, тоже не удивился, когда, отвечая на звонок из 332 номера, увидел полковника у графини.

- Как обычно, Жюль! - сказала графиня.

Это означало: бутылка "Крага" сорок седьмого года и непочатая, даже не открытая бутылка "Джони Уокера": полковник опасался пить виски, которое открыл не сам.

Люка ожидал выговора, но вместо этого Мегрэ изумленно посмотрел на него, словно был не в состоянии поверить, что самый давний товарищ по работе мог оказаться таким бестолковым. И от этого Люка почувствовал себя виноватым больше, чем от любого выговора.

- Идем, Лапуэнт.

По пути они столкнулись с одним мелким негодяем, которого комиссар вызвал к себе.

- Приди ко мне сегодня днем.

- Во сколько часов, шеф?

- Во сколько захочешь.

- Мне брать машину? - спросил Лапуэнт.

Машину они взяли, и Лапуэнт сел за руль.

В "Георге Пятом" портье уже имел на этот счет указания:

- Оставьте машину здесь. Я ее припаркую.

Все получили указания. Пока двое полицейских шли по "Георгу Пятому", двери тут же открывались перед ними, и они мгновенно оказались в 347-м номере, где уже находился директор, предупрежденный по телефону.

Мегрэ не часто выпадал случай работать в "Георге Пятом", но все же его вызывали в этот отель два или три раза, так что он был знаком с месье Жилем и теперь пожал ему руку. Доктор Фрер ждал в гостиной возле столика на одной ножке, куда поставил свой черный чемоданчик. Это был хороший человек, очень спокойный, лечивший влиятельных людей и знавший почти столько же их тайн, сколько сам Мегрэ. Только он вырос в другом мире, куда полицейским редко случалось входить.

- Он мертв?

Врач кивнул.

- Когда примерно умер?

- Точное время позволит установить только вскрытие, если будет приказ его провести - а я предполагаю, что такой приказ будет.

- Это не несчастный случай?

- Подойдите посмотреть...

Мегрэ так же, как месье Жиль, не оценил по достоинству то зрелище, которое представляло собой голое тело в ванне.

- Я его не двигал, потому что с медицинской точки зрения это было бесполезно. На первый взгляд это похоже на один из тех несчастных случаев, которые происходят в ваннах чаще, чем принято считать. Человек поскользнулся, голова ударилась о край, и...

- Я знаю... Только от этого не остаются следы на плечах. Вы это хотите сказать?

Мегрэ тоже заметил два более темных, чем кожа рядом, пятна, похожих на кровоподтеки, на плечах мертвеца.

- Вы думаете, ему помогли умереть, да?

- Не знаю... Я бы предпочел, чтобы этот вопрос решил судебно-медицинский эксперт...

- Когда вы в последний раз видели полковника живым?

- Примерно неделю назад, когда приходил сделать укол графине.

Месье Жиль нахмурился. Может быть, он хотел избежать разговора об этой женщине?

- Графине с итальянской фамилией?

- Графине Пальмиери.

- Той, которая этой ночью пыталась покончить с собой?

- По правде говоря, я не уверен, что она пыталась всерьез. Что она проглотила много фенобарбитала, это точно. Но я знаю, что она постоянно принимает его по вечерам. Она приняла большую дозу, но сомневаюсь, что проглотила так много, чтобы это могло привести к смерти.

- Имитация самоубийства?

- Этот вопрос я как раз задаю себе...

Оба, и доктор, и Мегрэ, часто имели дело с женщинами - и почти всегда это были красивые женщины, которые из-за ссоры, разочарования или любовной истории принимали столько снотворного, чтобы оно вызвало симптомы отравления, но не поставило под угрозу жизнь.

- Вы говорите, что полковник был у графини, когда вы делали ей укол?

- Я делал ей эти уколы два раза в неделю, когда она жила в Париже. Витамины В и С. Ничего серьезного у нее не было. Переутомление... Понимаете?

- А полковник?..

Месье Жиль предпочел ответить на этот вопрос сам:

- Полковник и графиня были в очень близких отношениях... Но жили в разных номерах, и я всегда спрашивал себя отчего, потому что...

- Он был ее любовником?

- Это была признанная, можно сказать, узаконенная обществом близость.

Еще два года назад, если я не ошибаюсь, полковник потребовал у жены развод, и в их кругу ожидали, что, став свободным, он сразу женится на графине.

Мегрэ чуть не спросил с притворной наивностью: "В каком кругу?"

Зачем спрашивать? Тут зазвонил телефон, и Лапуэнт взглянул на шефа, чтобы понять, что делать. Было заметно, что обстановка отеля произвела впечатление на молодого инспектора.

- Ответь...

- Алло? Что? Да, он здесь... Да, это я...

- Кто это? - спросил Мегрэ.

- Люка. Он хотел бы сказать пару слов.

- Алло, Люка...

Для того чтобы исправить свою утреннюю ошибку, Люка созвонился с американской больницей в Нейи.

- Простите меня, шеф. Я же никогда не прощу себе этого! Она не вернулась в отель?

Графиня Пальмиери только что вышла из своей палаты, где ее оставили одну, и сбежала из больницы. Никто даже не подумал помешать ей сделать это.

Глава 2

В которой продолжается рассказ о людях, чьи имена все время появляются в газетах - и не в рубрике "Происшествия"

Примерно в этот момент произошел случай, сам по себе незначительный, но который тем не менее, должно быть, влиял на настроение Мегрэ в течение всего этого расследования. Осознавал это Лапуэнт или комиссар приписал ему то, чего не было?

Уже немного раньше, когда месье Жиль заговорил о круге, к которому принадлежали графиня Пальмиери и полковник Уорд, комиссар едва не спросил: "Какой это круг?"

Это напомнило ему о том, что он пережил однажды, когда только начинал служить в полиции. Ему было примерно столько же лет, сколько теперь Лапуэнту, и его послали провести простую проверку данных в тот самый квартал, где он находился теперь, куда-то между площадью Этуаль и Сеной, - название улицы он уже не помнил.

Это еще было время особняков, "усадеб", как их иначе называли. У молодого Мегрэ было чувство, что он попал в другой мир. Больше всего его поразило то, какой полной была тишина, как далеко был этот мир от толпы и оглушительного рева городского транспорта. Здесь были слышны только пение птиц и ритмичный стук копыт, когда лошади несли на себе в Булонский лес всадниц и всадников в светло-зеленой одежде.

Даже служебные постройки здесь выглядели так, словно хранили какую-то тайну. Во дворах шоферы начищали до блеска машины, а иногда на крыльце или у окна можно было увидеть камердинера в полосатом жилете или дворецкого в белом галстуке.

О жизни "господ", почти всегда носивших известные имена - имена, которые по утрам люди читали в "Фигаро" или "Галуа", тогдашний инспектор Мегрэ почти ничего не знал, и когда он звонил у одного из этих величественных подъездов, в горле у него стоял комок.

Сегодня в 347-м номере он, конечно, больше не был тем давнишним новичком. Да и большинство особняков исчезли, и многие еще недавно тихие улицы стали торговыми.

Но все же он был в том месте, которое пришло на смену аристократическим кварталам, и отель "Георг Пятый" высился посреди этих мест как центр особого мира, с которым комиссар был мало знаком.

Имена тех, кто еще спал или завтракал в соседних номерах, печатали газеты. Сам этот проспект, улица Франсиска Первого и проспект Монтеня представляли собой отдельный мир, где на домах были таблички с именами великих кутюрье, а в витринах, даже если это была простая витрина магазинчика, торговавшего рубашками и блузками, можно было увидеть вещи, которых больше не найти нигде.

Лапуэнт жил в скромных меблированных комнатах на левом берегу. Не растерялся ли он от всего этого? Не чувствовал ли, как когда-то давно сам Мегрэ, невольное почтение к этой роскоши, существование которой вдруг открыл для себя?

"Полицейский - идеальный полицейский - должен чувствовать себя свободно в любой среде".

Мегрэ сам сказал это однажды. Всю свою жизнь он старался забыть о поверхностных различиях, которые существуют между людьми, старался соскрести с людей верхний слой краски, чтобы увидеть под разнообразными внешними обликами голую человеческую суть.

Однако в это утро что-то раздражало комиссара в окружавшей атмосфере - раздражало против его воли. Директор, месье Жиль, был прекрасным человеком, несмотря на полосатые брюки, некоторую профессиональную слащавость манер и боязнь скандалов. Таким же был и врач, который привык лечить знаменитых людей.

Между ними словно существовало что-то вроде сговора. Они говорили теми же словами, что и все остальные люди, и все-таки - на другом языке. Когда они произносили "графиня" или "полковник", эти слова приобретали значение, непонятное для простых смертных.

В общем, эти люди были посвящены в своего рода тайну. Они принадлежали - пусть лишь на самых малых ролях - к особому миру, и комиссар, желая быть вежливым и честным, не хотел сразу, без причины, вести себя по отношению к этому миру враждебно.

Все это Мегрэ смутно почувствовал, пока клал на место телефонную трубку и поворачивался к врачу, чтобы спросить у него:

- Как вы считаете: если бы графиня действительно приняла такую дозу барбитурата, способную бы ее убить, была бы она в состоянии после вашего лечения, полчаса назад, например, встать на ноги без посторонней помощи и выйти из больницы?

- Она ушла?

Ставни в спальне были по-прежнему закрыты, но в гостиной их открыли, и в спальню проникло немного солнца - вернее, один солнечный блик. Врач стоял возле столика, на котором лежал его чемоданчик, директор отеля - возле двери в гостиную, а Лапуэнт - справа и немного позади Мегрэ.

Мертвец по-прежнему лежал в ванне, и ванная комната, дверь которой оставалась открытой, была самым ярко освещенным помещением в номере.

Снова зазвонил телефон. Директор поднял трубку. Перед этим он взглянул на комиссара, словно попросил разрешения.

- Алло, да?.. Это я... Он поднимается вверх?

Все посмотрели на директора, а он с озабоченным лицом пытался найти нужные слова. В этот момент кто-то открыл снаружи дверь, выходящую в коридор.

Вошедший, мужчина лет пятидесяти, с серебристо-седыми волосами, смуглый от загара, в светло-сером шерстяном костюме, оглядел по очереди всех, кто был в комнате, и наконец заметил месье Жилья.

- А! Вы здесь... Что случилось с Дэвидом? Где он?

- Увы, месье Арнольд...

Директор жестом указал на ванную комнату, а потом, совершенно естественно перейдя на другой язык, спросил по-английски:

- Как вы узнали?

- Я сегодня утром пять раз звонил ему по телефону, - ответил месье Арнольд на том же языке.

Это их знание языков усилило раздражение Мегрэ. Он понимал английский, хотя не без труда, но до того, чтобы говорить по-английски свободно, ему было далеко.

А вот врач перешел на тот же язык:

- Увы, мистер Арнольд, нет ни малейшего сомнения в том, что он мертв...

Новопришедший встал на пороге ванной комнаты. Он долго стоял там, глядя на тело в ванне, и было видно, как шевелятся его губы, словно он беззвучно читает молитву.

- Нелепый несчастный случай, не так ли?

Бог знает почему он снова перешел на французский, на котором говорил почти без акцента.

Именно в этот момент и произошел тот случай. Мегрэ находился около стула, на котором лежали брюки покойного. На этих брюках была тонкая платиновая цепочка.

Один ее конец был пристегнут к пуговице на поясе брюк, а к другому концу, лежавшему в кармане, вероятно, был прикреплен какой-то предмет - ключ или часы.

Машинально, чисто из любопытства, комиссар протянул руку к этой цепочке. Но раньше, чем он успел ее коснуться, человек по фамилии Арнольд повернулся в его сторону и сурово взглянул на него, давая понять, что Мегрэ поступает неприлично или невежливо.

Слова тут слишком грубы, это было гораздо тоньше: всего лишь взгляд, едва скользнувший по комиссару, и едва заметное изменение лица Арнольда. Мегрэ выпустил цепочку из пальцев и принял позу, за которую ему тут же стало стыдно, потому что это была поза виноватого человека.

Заметил ли это Лапуэнт? Отвернулся он от Мегрэ или повернул голову в сторону по другой причине?

Их было трое на Набережной, тех, кто обожал комиссара так, что это было почти культом, и над кем из-за этого шутили - Люка, его самый давний почитатель, Жанвье, который когда-то был таким же молодым, неопытным и пылким, как Лапуэнт, и, наконец, сам "мальш Лапуэнт", как его называли.

Что он почувствовал, разочарование или только беспокойство, когда увидел, что шеф, как и он сам, поддался влиянию.

Мегрэ отреагировал на жест помощника и повел себя жестче. Он понимал, что это тоже, возможно, ошибка, но не мог поступить иначе.

- Это я хотел бы задать вам несколько вопросов, мистер Арнольд!

Англичанин не спросил у комиссара, кто он такой, а повернулся к месье Жилю, который объяснил:

- Это комиссар Мегрэ из уголовной полиции.

Легкое движение головы - неопределенный жест, который едва можно назвать кивком. Это было почти невежливо.

- Могу ли я спросить вас, кто вы такой и почему пришли сюда сегодня утром?

Арнольд снова посмотрел на директора с таким изумленным видом, словно этот вопрос был по меньшей мере чем-то удивительным.

- Мистер Джон Т. Арнольд - это...

- Пожалуйста, дайте ему ответить самому!

Англичанин попросил:

- Не могли бы мы пройти в гостиную?

Перед тем как пройти туда, он снова заглянул в ванную комнату, словно для того, чтобы еще раз отдать последние почести умершему.

- Я вам еще нужен? - спросил доктор Фрер.

- Если бы я знал, где вас можно найти, то...

- Я держу секретаршу в курсе моих передвижений по городу... Номер моего телефона есть в отеле.

Арнольд сказал по-английски месье Жилю:

- Пожалуйста, велите подать мне сюда скотч.

А Мегрэ, перед тем как вернуться к своему разговору, поднял трубку телефона:

- Мадемуазель, соедините меня с кем-нибудь из прокурорских.

- Прокурорских кого?

Здесь не говорили на языке набережной Орфевр. Мегрэ назвал номер.

- Будьте добры позвать к телефону прокурора или кого-нибудь из его заместителей... Это комиссар Мегрэ... Да...

Пока Мегрэ ждал, месье Жиль успел негромко сказать:

- Не могли бы вы попросить этих господ действовать без шума, входить в отель так, словно ничего не произошло, и...

- Алло! Господин прокурор, я в отеле "Георг Пятый".

Здесь только что нашли мертвым в ванной комнате полковника Дэвида Уорда... да, Уорда... Тело еще лежит в ванне, и некоторые признаки заставляют предположить, что кончина полковника не была случайной... Да... Именно так мне и сказали...

Прокурор на другом конце провода только что произнес:

- Вы знаете, что Дэвид Уорд был очень важным лицом!

Несмотря на это, Мегрэ слушал его без нетерпения.

- Да... Да... Я останусь здесь... Прошлой ночью в отеле было еще одно происшествие. Я скоро расскажу вам обо всем... Да... До скорой встречи, господин прокурор.

Пока он говорил, в номере ненадолго появился коридорный в белой куртке, а мистер Арнольд уселся в кресло и зажег сигару, кончик которой перед этим медленно и аккуратно обреза.

- Я спросил вас...

- Кто я и что здесь делаю... Теперь моя очередь спрашивать: знаете ли вы, кто такой... хотя теперь я должен говорить: кто такой был мой друг Дэвид Уорд?

В конце концов, это могла быть не наглость, а врожденная уверенность. Арнольд здесь вел себя как у себя дома. Директор, который не решался прервать его, наконец сделал это так, как школьник в классе просит разрешения выйти в туалет.

- Извините меня, господа... Не мог бы я спуститься вниз, чтобы дать некоторые указания?..

- Мы ждем людей из прокуратуры.

- Да, я слышал.

- Вы нам понадобятся. Кроме того, я жду специалистов из службы опознания и фотографов, а еще судмедэксперта...

- Не мог бы япустить хотя бы часть этих господ через служебный вход? Вы должны меня понять, комиссар... Если в вестибюле будут слишком много ходить и если...

- Я понимаю...

- Благодарю вас.

- Месье Арнольд, вам сейчас подадут ваше виски...

Может быть, и вы что-нибудь выпьете, господа?

Мегрэ отрицательно покачал головой и пожалел об этом, потому что он тоже охотно выпил бы глоток спиртного.

- Я слушаю вас, месье Арнольд. Что вы говорили?..

- Я говорил, что вы несомненно читали имя моего друга Дэвида в газетах, как все люди... Чаще всего перед этим именем ставят слово "миллиардер". И если считать во франках, это верно. В фунтах - нет...

- Сколько ему было лет? - оборвал Арнольда Мегрэ.

- Шестьдесят три года. Дэвид не сколотил себе состояние, а, как говорят у нас, родился с серебряной ложкой во рту. Его отец владел самыми крупными проволочными заводами в Манчестере, а основал их его дед... Вы слушаете меня?

- Я вас слушаю.

- Сказать, что этот бизнес шел сам по себе и Дэвиду не приходилось им заниматься, было бы слишком смело, но он не требовал от Дэвида много сил - встречи время от времени с директорами, консультации административного характера, подписи...

- Он не жил в Манчестере?

- Почти не жил.

- Если верить газетам...

- Газеты раз и навсегда выбрали себе двадцать-тридцать человек, о жизни которых рассказывают в мельчайших подробностях. Но это не значит, что все, что в газетах говорится, правда. Например, в том, что было напечатано о разводах Дэвида, есть много неточностей. Но я собирался объяснить вам не это. Я хочу, чтобы вы поняли вот что: по мнению большинства людей, у Дэвида, который унаследовал крупное состояние, надежный бизнес, не было других дел, кроме веселого времяпрепровождения в Париже, Довилле, Каннах, Лозанне или Риме и он только и делал, что развлекался в кабаре и на скачках в обществе красивых женщин и таких же известных людей, как он сам. Но это не так...

Мистер Арнольд подождал немного, глядя на белый пепел своей сигары, сделал знак коридорному, который входил в этот момент, и взял у него с подноса бокал виски.

Потом он удобнее уселся в кресле и продолжил:

- Если Дэвид не жил в Манчестере обычной жизнью крупного английского промышленника, то именно потому, что там его положение в обществе было уже создано до него другими и ему нужно было только продолжать дело отца и деда, а оно его не интересовало. Вы это понимаете?

По тому, как Арнольд при этих словах посмотрел на комиссара, а потом на молодого Лапуэнта, было видно, что он считал этих двоих неспособными понять такое чувство.

- У американцев есть слово, которое мы, англичане, употребляем редко, - "плейбой". Так они называют богатого человека, для которого единственная цель в жизни - хорошо проводить время, переключаясь с поло на зимний спорт, ездить по регатам, ходить по кабаре в приятных компаниях...

Мегрэ посмотрел на часы и заметил:

- Скоро приедут из прокуратуры.

- Простите, что я заставляю вас выслушать целую речь, но вы задали мне вопрос, на который невозможно ответить в нескольких словах. Может быть, я также стараюсь оградить вас от ляпов - так, кажется, у вас называют промахи и бестактность? Дэвид Уорд, который вовсе не был плейбоем, вел разного рода дела от своего имени, а не как владелец компании "Проволочные заводы Уорда" в Манчестере. Только он не считал нужным каждый день запирается на восемь часов в кабинете, чтобы работать. Верьте моим словам, Дэвид был гениальным бизнесменом. Случалось, что он осуществлял огромные проекты в самых неожиданных местах и в самые неожиданные моменты...

- Например?

- Однажды мы с ним проезжали в "роллс-ройсе" по итальянской Ривьере и поломка машины заставила нас остановиться в достаточно скромной гостинице. Пока нам готовили еду, мы с Дэвидом пешком прогулялись по окрестностям. Это было двадцать лет назад. В тот же вечер мы были в Риме, но через несколько дней я покупал для Дэвида две тысячи гектаров земли, частично

засаженной виноградниками. Сегодня вы можете увидеть там три крупных отеля, казино, один из самых красивых пляжей побережья и виллы вдоль него. Это в Швейцарии, возле Монтре.

- В общем, вы были его личным поверенным в делах...

- Его другом и его поверенным, если хотите. Прежде всего другом, потому что до знакомства с ним я не занимался ни коммерцией, ни финансами.

- Вы тоже живете в "Георге Пятом"?

- Нет, в отеле "Скриб". Это вам покажется странным, но и в Париже, и в других местах мы почти всегда жили в разных гостиницах, поскольку Дэвид очень строго оберегал свою личную жизнь - "прайваси", как это называют у нас.

- И по этой же причине графиня Пальмиери занимала номер в другом конце коридора?

Арнольд немного покраснел.

- По этой причине и по другим тоже...

- То есть?..

- Речь шла о деликатности...

- Разве все и без того не знали об их отношениях?

- Все говорили о них, это верно.

- И это была правда?

- Полагаю, да. Я никогда не задавал ему вопросов на эту тему.

- Однако вы были близки...

Наступила очередь Арнольда раздражаться. Он, должно быть, тоже подумал, что они с комиссаром говорят на разных языках, что они не на одном уровне.

- Сколько у него было законных жен?

- Только три. Газеты приписали больше, потому что, как только он несколько раз показывался в обществе с новой женщиной, объявляли о его новой свадьбе.

- Эти три жены сейчас живы?

- Да.

- Есть у него от них дети?

- Двое. Сын Бобби шестнадцати лет, который учится в Кембридже, от второй жены и дочь Эллен от третьей.

- В каких отношениях он был с ними?

- С бывшими женами? В прекрасных. Он был джентльменом.

- Ему случалось видеться с ними после развода?

- Он встречался с ними.

- У них есть состояние?

- Есть у первой, Дороти Пейн, которая родом из видной манчестерской семьи владельцев текстильных фабрик.

- А у двух других?

- Дэвид их обеспечил.

Так что ни одна из них не заинтересована в его смерти?

Арнольд нахмурил брови как человек, который не понимает, о чем ему толкуют. Было похоже, что он шокирован.

- Зачем им это?

- А графиня Пальмиери?

- Он несомненно женился бы на ней, как только закончилась бы процедура его развода с Мюриэль Хэллиген.

- Кто, по вашему мнению, был заинтересован в его смерти?

Ответ был таким же быстрым, как и точным:

- Никто.

- Вы знаете каких-нибудь его врагов?

- Я знаю, что у него были только друзья.

- Он поселился в "Георге Пятом" надолго?

- Подождите... Сегодня седьмое октября...

Арнольд вынул из кармана записную книжку - красивую книжку в красной с золотыми углами обложке из мягкой кожи.

- Мы приехали второго, из Канн... Перед этим были в Биаррице, а до того в Довилле, откуда выехали семнадцатого августа. Тринадцатого мы должны были отправиться в Лозанну...

- По делам?

Арнольд снова посмотрел на Мегрэ с чем-то вроде отчаяния, словно этот толстяк был совершенно не способен понять простейшие вещи.

- У Дэвида в Лозанне квартира, это даже его официальное местожительство.

- А здесь?

- Он снял этот номер на год. На этот же срок он снял еще номер в Лондоне и еще один в Каннах, в отеле "Карлтон".

- А в Манчестере?

- Там он владеет семейным домом Уордов, огромным зданием в викторианском стиле. Думаю, за последние тридцать лет он не проспал в этом доме и трех ночей...

Он не выносил Манчестер.

- Вы хорошо знакомы с графиней Пальмиери?

Арнольд не успел ответить: в коридоре послышались шаги и голоса. Месье Жиль, который шел впереди и трепетал больше, чем перед Мегрэ, ввел прокурора республики и молодого судебного следователя, с которым комиссар еще никогда не работал вместе. Фамилия следователя была Калас, и он походил на студента.

- Разрешите представить вам мистера Арнольда...

- Джон Т. Арнольд, - уточнил англичанин, вставая.

- ...близкого друга покойного и его поверенного в делах, - договорил Мегрэ.

Арнольд заговорил с прокурором так, словно был в восторге, что наконец видит перед собой важного чиновника, может быть, человека своего круга:

- Сегодня утром, в десять часов, у меня была назначена встреча с Дэвидом, точнее, я должен был ему позвонить. Так я узнал о его смерти. Здесь мне сказали, что не верят в несчастный случай, и я полагаю, у полиции есть серьезные причины так говорить. Господин прокурор, я хотел бы попросить вас сделать так, чтобы вокруг этого дела не было слишком много шума. Дэвид занимал видное место в обществе. Мне трудно перечислить вам все последствия, которые его смерть вызовет не только на бирже, но и во многих иных кругах.

- Мы будем действовать с минимальной оглаской, - вполголоса ответил прокурор. - Не так ли, комиссар?

Мегрэ медленно кивнул.

- Я полагаю, вы хотите задать мне несколько вопросов? - продолжал Арнольд.

Прокурор посмотрел на Мегрэ, потом на следователя.

- Возможно, чуть позже... Не знаю... Пока, я полагаю, вы можете быть свободны...

- Если я вам понадобится, то буду внизу, в баре.

Когда за Арнольдом закрылась дверь, прокурор и Мегрэ озабоченно посмотрели друг на друга.

- Паршивое дело, верно? У вас есть какие-нибудь соображения? - произнес прокурор.

- Никаких. Вот только графиня Пальмиери, которая была любовницей Уорда и занимала номер в конце этого коридора, сегодня ночью пыталась отравиться. Врач отправил ее в американскую больницу в Нейи. Там ей дали отдельную палату. Медсестра, которая заходила к графине каждые полчаса, совсем недавно обнаружила, что палата пуста.

- Графиня исчезла?

Мегрэ кивнул и добавил:

- Я установил наблюдение за вокзалами, аэропортами и другими местами, через которые можно выехать из Парижа.

- Странная ситуация, верно?

Мегрэ пожал плечами. Что он мог сказать? В этом деле все было странным, начиная с мертвеца, который родился с серебряной ложкой во рту и руководил своим бизнесом с ипподромов и из ночных клубов, и кончая этим комильфотным поверенным, который говорил с Мегрэ как учитель с тупым школьником.

- Хотите увидеть его?

Прокурор, достойный представитель власти, родом из старинной судебной аристократии, признался:

- Я позвонил в Министерство иностранных дел. Дэвид Уорд действительно был очень важным лицом. Звание полковника он получил за войну: в ту пору руководил подразделением английской разведки. Как вы думаете, может это быть как-то связано с его смертью?

Шаги в коридоре, стук в дверь - наконец появился доктор Поль со своим чемоданчиком в руке.

- Я уже решил, что меня впустят через служебный вход: людей из службы установления личности повели через него. Где труп?

Доктор пожал руку прокурору, потом новому следователю Каласу и, наконец, Мегрэ.

- Ну, что у нас за работа, старый друг-поделец? - Потом он снял пиджак и закатал рукава рубашки. - Мужчина или женщина?

- Мужчина.

Мегрэ показал ему, где находится ванная комната, и услышал, как доктор вскрикнул. Тут настала очередь появиться сотрудникам службы идентификации с их аппаратурой, и Мегрэ должен был заняться ими.

В "Георге Пятом", как в любом другом месте и касательно любой другой жертвы преступления, надо было выполнить положенные формальности.

- Шеф, можно открыть ставни?

- Можно. И этот стакан не в счет: его недавно принесли снизу для свидетеля.

Теперь солнце заливало светом не только гостиную, но и спальню, просторную и веселую комнату, где было множество мелких вещей личного обихода, все - редкостные или очень дорогие. Например, будильник, стоявший на ночном столике, был от Картье и позабытый на комод портсигар - оттуда же, а на футляре маникюрного набора была эмблема крупнейшего лондонского дома мод.

В гардеробной комнате один из инспекторов насчитал восемнадцать костюмов; несомненно, их было по столько же и в остальных квартирах Уорда - в Каннах, в Лозанне, в Лондоне.

- Можете прислать мне фотографа, - произнес голос доктора Поля.

Мегрэ смотрел на все сразу и ни на что конкретно. Он фиксировал в памяти этот номер и все, что там было, не упуская ни одной, даже мельчайшей, подробности.

- Позвони-ка Люка и узнай, есть ли у него что-либо новое, - сказал он Лапуэнту, который немного растерялся из-за шума стольких голосов.

Телефонов в номере было три: один в гостиной, второй у изголовья кровати и еще один в ванной комнате.

- Алло? Люка? Это Лапуэнт...

Мегрэ у окна тихо разговаривал с прокурором и следователем. Доктор Поль и фотограф оставались возле ванны, и с этого места их не было видно.

- Сейчас мы выясним, подтверждает ли доктор Поль мнение доктора Фрера. Тот считает, что кровоподтеки...

Судебно-медицинский эксперт наконец появился перед ними, жизнерадостный, как всегда.

- До моего отчета и, вероятно, вскрытия (думаю, придет указание вскрывать тело) могу сказать вам следующее: а) этот субъект мог прожить минимум восемьдесят лет; б) он был порядочно пьян, когда влез в ванну; с) он не поскользнулся, и тому человеку, который помог ему перейти в мир иной, понадобилось напрячь свои силы, чтобы это сделать.

Судейские чиновники - прокурор и следователь - взглянули друг на друга: вскрывать тело или не вскрывать?

- У него есть семья? - спросил прокурор у Мегрэ.

- Насколько я смог понять, есть двое детей, оба несовершеннолетние, и развод с третьей женой еще не доведен до конца.

- Братья, сестры есть?

- Подождите минуту... - И Мегрэ снова поднял трубку телефона. Когда он это делал, Лапуэнт жестом дал ему понять, что хочет с ним говорить, но Мегрэ сначала позвонил в бар. - Позовите, пожалуйста, месье Арнольда.

- Одну минуту...

Чуть позже Мегрэ сообщил прокурору:

- Сестер нет. Брат был, но убит в Индии в возрасте двадцати двух лет. Остались двоюродные братья, с которыми он не поддерживал никаких отношений. Чего ты хотел, Лапуэнт?

- Люка рассказал мне про один факт, о котором ему только что сообщили. Сегодня утром, около девяти часов, графиня Пальмиери звонила по телефону из своей палаты по нескольким номерам.

- Номера записали?

- Парижские - нет. Их было вроде бы два или три, один повторился два раза. Потом она звонила в Монте-Карло.

- Какой телефон?

- Отеля "Париж".

- Кому звонила, не знают?

- Нет. Хотите, я закажу разговор с этим отелем?

Все та же среда: здесь "Георг Пятый", в Монте-Карло - самый роскошный отель Лазурного берега.

- Алло, соедините меня, пожалуйста, с отелем "Париж" в Монте-Карло.

- Что?

Лапуэнт, растерянный и смущенный, повернулся к комиссару:

- Она спрашивает, кто заказывает разговор.

И Мегрэ нетерпеливо ответил:

- Уорд... или, если для нее больше подходит, то я...

- Алло, мадемуазель. Разговор заказывают от имени комиссара Мегрэ. Да... Спасибо... -

Положив трубку, Лапуэнт объявил:

- Надо подождать десять минут.

Как раз перед этим в одном из ящиков мебели были найдены письма - на английском, на французском и часть на итальянском языках. Они лежали все вперемешку: письма женщин вместе с деловыми и тут же приглашения на обеды и коктейли; в другом таком же ящике находились более аккуратно рассортированные папки с бумагами.

- Это забираем?

Мегрэ, бросив взгляд на следователя Каласа, точно безмолвно советуясь с ним, кивнул. Было одиннадцать часов, и отель начал просыпаться: стали слышны звонки, шаги людей из obsługi и непрерывные щелчки лифта.

- Как вы считаете, доктор, могла бы женщина удержать его голову под водой?

- Смотря какая женщина.

- Ее называют "маленькая графиня", поэтому можно предположить, что она вряд ли крупного телосложения.

Тут имеет значение не рост и не полнота, а другое... - проворчал доктор Поль тоном философа.

И Мегрэ предложил:

- Может быть, нам стоит заглянуть в номер 332?

- В 332-й?

- Это номер графини, про которую я говорю.

Дверь оказалась запертой, и им пришлось искать горничную. В номере уже сделали уборку. Он тоже состоял из гостиной, несколько меньшей, чем в 347-м, спальни и ванной комнаты. Хотя окно было открыто, в номере еще пахло духами и спиртным; бутылку из-под шампанского уже унесли, но другая, с виски, на три четверти полная, по-прежнему была на столике.

Прокурор и следователь, слишком хорошо воспитанные или слишком застенчивые, топтались на пороге, не решаясь войти, пока Мегрэ открывал шкафы и ящики мебели. То, что он обнаружил в них, было женским вариантом найденного у Дэвида Уорда: вещи класса суперлюкс, которые можно найти лишь в немногих магазинах и которые считаются символами высокого уровня жизни.

На туалетном столике, словно дешевые безделушки, валялись в беспорядке драгоценности: украшенные бриллиантами часы-браслет с крошечным циферблатом, серьги и кольца; все это вместе стоило около двадцати миллионов.

Здесь тоже в ящиках мебели лежали бумаги: приглашения, счета портных и модисток, рекламные буклеты и расписания рейсов "Эр-Франс" и "Пан-Америкэн". Никаких писем личного характера, словно маленькая графиня не писала и не получала по почте ни строчки. Зато в стенном шкафу Мегрэ насчитал Двадцать восемь пар обуви, среди которых были ни разу не надетые. Их размер подтвердил, что графиня действительно была маленькой.

Прибежал Лапуэнт:

- Я дозвонился до отеля "Париж". Телефонистка регистрирует исходящие вызовы, но те, которые поступают постояльцам, отмечает только, когда нужного человека нет на месте, и

оставляет ему записку. Сегодня утром она приняла больше пятнадцати вызовов из Парижа и не в состоянии сказать, кому был адресован этот. - После небольшого колебания Лапуэнт добавил:

- Еще она меня спросила, так же ли у нас жарко, как там. Похоже...

Заметив, что его больше не слушают, он замолчал. Вся маленькая группа направилась обратно в номер Дэвида Уорда и по пути встретила довольно странную процессию.

Директор, которого, несомненно, предупредили, был в ней разведчиком: шел впереди и беспокойным взглядом следил за дверями, каждая из которых могла в любой момент открыться. В качестве подкрепления для расчистки пути он имел при себе одного из одетых в голубую форму посыльных. За ними шли четыре человека с носилками, где лежало спрятанное под одеялом, по-прежнему нагое тело Дэвида Уорда.

- Сюда... - полушепотом произнес месье Жиль.

Он шел на цыпочках. Носильщики продвигались вперед осторожно, стараясь не задеть за стену или дверь. Они не направилась к какому-либо из пассажирских лифтов, а вошли в коридор, который был уже остальных и не так ярко окрашен. Он вел к грузовому лифту.

Дэвид Уорд, который был одним из самых престижных клиентов этого отеля, покидал его тем же путем, что сундуки и громоздкий багаж.

Какое-то время в коридоре стояла тишина. Судейские чиновники, которым здесь больше нечего было делать, никак не могли решить, возвращаться им в номер или нет.

- Займитесь этим сами, Мегрэ... - со вздохом сказал прокурор, помолчал и добавил, понизив голос:

- Будьте осторожны и благоразумны... Старайтесь не допустить, чтобы газеты... Ну, вы меня понимаете... Министр рекомендовал мне...

Вчера примерно в это же время комиссару было проще, когда он пришел на улицу Клиньянкур к инкассатору, отцу троих детей, который получил две пули в живот, пытаясь защитить свою сумку, где лежали восемь миллионов. Этот человек не захотел, чтобы его везли в больницу. Он решил, что, если должен умереть, пусть лучше это произойдет в маленькой комнате с розовыми цветами на обоях, где за ним ухаживала жена, и дети, вернувшись из школы, ходили на цыпочках.

В этом деле был след - берет, потерянный на месте преступления, - который в конце концов должен привести к виновным.

А в деле Дэвида Уорда?

- Пожалуй, я сейчас съезжу в Орли, - вдруг сказал Мегрэ так, словно говорил сам с собой.

Может быть, он решил так из-за расписаний рейсов "Эр-Франс" и "Пан-Америкэн", которые лежали в ящике, или из-за звонка в Монте-Карло?

Но может быть, он просто чувствовал: нужно что-то делать, что угодно, а аэропорт казался ему подходящим местом для такого человека, как графиня.

Глава 3

Перемещения маленькой графини и шепетильность Мегрэ

Комиссару пришлось покинуть "Георг Пятый" не так быстро, как ему бы хотелось. Пока он перед отъездом в аэропорт давал по телефону указания Люка, молодой Лапуэнт, бродивший по спальне графини Пальмиери, принес оттуда коробку из крашеного металла. Первоначально в ней хранилось английское печенье, а теперь она была доверху полна фотографиями.

Это напомнило Мегрэ ту коробку, в которую, когда он был ребенком, складывала пуговицы его мать и в которой рылись, когда оказывалось, что на какой-нибудь одежде не хватает одной из

пуговиц. Та коробка была из-под чая, разрисованная китайскими иероглифами, - вещь, которую человек никак не ожидает увидеть в доме, хозяин которого, управляющий замком, никогда не пьет чай.

В стенном шкафу номера 332 комиссар увидел чемоданы, изготовленные в знаменитой сундучной мастерской на проспекте Марсо. Все обиходные вещи графини, даже мелочи, например рожок для обуви или пресс-папье, были с эмблемами самых прославленных домов. Но свои фотографии и фотографии своих друзей графиня хранила в простой коробке из-под печенья. Они лежали там вперемешку, как попало - моментальные снимки, зафиксировавшие отдельные, случайные секунды ее движения по миру. На них графиня была то в купальнике на борту яхты, видимо в Средиземном море, то на водных лыжах, то высоко в горах среди снега. На некоторых из этих фотографий она была вместе с полковником, иногда только с ним, но чаще еще и с другими людьми, которых комиссару иногда удавалось узнать, потому что это были актеры, писатели или люди, чьи портреты часто мелькают в газетах.

- Вы берете коробку с собой, шеф?

Ноги словно не хотели уносить Мегрэ с этого этажа, хотя комиссару казалось, что здесь больше ничего нельзя узнать.

- Позови медсестру. Но сначала убедись, что это та, которая дежурила прошлой ночью.

Медсестра была та же - по той простой причине, что к отелю была прикреплена только одна медсестра. Как Мегрэ узнал позже, ее работа заключалась в том, чтобы лечить похмелье и делать уколы: несколько последних лет каждый третий постоялец отеля по предписанию своего врача принимал то или иное лекарство в виде уколов.

- Скажите мне, мадемуазель...

- Мадемуазель Женеврие.

Это была достойная грустная женщина неопределенного возраста, с тусклыми глазами человека, который слишком мало спит.

- Когда графиню Пальмиери увезли из отеля в машине "Скорой помощи", она была одета по-ночному, верно?

- Да. Ее завернули в одеяло. Я не хотела терять время на то, чтобы одевать ее. Я положила ей в чемодан кое-что из белья и одежды.

- Платье?

- Синий костюм - первое, что попало мне под руку. Разумеется, туфли и чулки тоже.

- Больше ничего?

- Еще дамскую сумочку, которая была в спальне.

Я проверила: в ней лежало все, что нужно женщине, - расческа, пудреница, помада.

- Вы не знаете, были в этой сумочке деньги?

- Я видела в ней бумажник, чековую книжку и паспорт.

- Паспорт французский?

- Итальянский.

- Графиня по происхождению итальянка?

- Француженка. Итальянской гражданкой стала, когда вышла замуж за графа Пальмиери; я думаю, она сохранила это гражданство при разводе, но точно не знаю: такими вещами я не интересуюсь.

В лифте вместе с ними ехал какой-то мужчина. Лапуэнт просто ел его глазами, и в конце концов Мегрэ узнал в этом человеке самого великого комика американского кино.

Комиссару это тоже показалось забавным - столько раз видел человека на экране, и вдруг встречаешь его в кабине лифта, одетого как все люди, и у него мешки под глазами да еще похоронный вид, который бывает у тех, кто накануне выпил лишнего.

Перед тем как направиться к вестибюлю, комиссар зашел в бар, где Джон Т. Арнольд сидел, опершись локтем о стойку, перед своей порцией виски.

- Перейдите на минуту вон в тот угол...

В баре пока было мало народа. Лица большинства клиентов являли то же кислое выражение, что и у американского актера. Исключение составляли только два человека, которые разложили на столике деловые бумаги и что-то серьезно обсуждали.

Мегрэ стал показывать своему собеседнику фотографии из коробки, каждый раз по одной.

- Полагаю, вы знакомы с этими людьми: я вас увидел на нескольких моментальных снимках.

Арнольд действительно знал их всех, и Мегрэ тоже знал многих, но только по именам. Два бывших короля, которые когда-то правили своими странами, а теперь жили на Лазурном берегу; бывшая королева, обосновавшаяся в Лозанне; несколько принцев, английский режиссер, владелец знаменитого сорта виски, балерина, чемпион по теннису...

Арнольд немного раздражал комиссара тем, как говорил о них:

- Не узнаете его? Это Поль.

- Поль, а как фамилия?

- Павел Югославский. А это Ненетта.

Уменьшительное имя "Ненетта" принадлежало не актрисе и не даме полусвета, а даме из Сен-Жерменского предместья, которая принимала у себя за столом министров и послов.

- А кто этот мужчина рядом с графиней?

- Жеф.

- Какой Жеф?

- Ван Мелен, химическая продукция.

Еще одно имя, которое Мегрэ, разумеется, знал: его можно было прочесть на коробках с краской и на множестве других изделий. Ван Мелен был в шортах и в огромной соломенной шляпе южноамериканского плантатора. Он играл в шары на площади в Сен-Тропе.

- Он второй муж графини.

- Еще один вопрос, месье Арнольд. Вы не знаете, кто сейчас живет в Монте-Карло, в отеле "Париж", такой, что графине пришлось бы на ум позвонить ему, если бы она попала в трудное положение?

- Она звонила в Монте-Карло?

- Я задал вам вопрос.

- Конечно, Жеф.

- Вы хотите сказать: ее второй муж?

- Он живет на побережье немалую часть года. Владеет виллой в Мужене возле Канн, но чаще всего останавливается в отеле "Париж".

- Отношения между ним и графиней остались хорошими?

- Прекрасными. Она и теперь называет его "папа".

Комик-американец, побродив по вестибюлю, теперь вошел в бар и оперся локтем о стойку. Даже не спрашивая, чего он желает, бармен стал готовить большой стакан джина с томатным соком.

- Ван Мелен и полковник были в хороших отношениях?

- Они были друзьями с незапамятных времен.
- А граф Пальмиери?
- Он есть на одном из тех фото, которые вы мне только что показали.

Арнольд нашел этот снимок: высокий молодой человек с пышными черными волосами, в плавках на носу яхты.

- Тоже друг?
- А почему бы и нет?
- Благодарю вас.

Мегрэ начал подниматься на ноги, но вдруг передумал встать и спросил:

- Вы знаете, кто нотариус полковника?

Джон Т. Арнольд снова ответил с оттенком нетерпения - так, словно собеседник был уж слишком невежественным:

- У полковника много юристов. И это не обязательно нотариусы во французском смысле слова. В Лондоне у него солиситоры - господа Филпс, Филпс и Хэдли.

В Нью-Йорке его интересы представляет фирма "Харрисон и Шоу". В Лозанне...

- Как вы считаете, к кому из этих господ полковник отдал на хранение свое завещание?
- Он держал по завещанию почти во всех этих местах. Нечасто менял завещания.

Мегрэ согласился, когда Арнольд предложил угостить его виски, но Лапуэнт застенялся и выпил только стакан пива.

- Благодарю вас, месье Арнольд.

- Главное, не забывайте о том, что я вам рекомендовал: осторожность и благоразумие. Вот увидите: в этом деле последуют неприятности.

Мегрэ так мало сомневался, что неприятности последуют, что на его лице уже было то выражение, которое появлялось в трудные дни. Его раздражали все эти люди, у которых привычки не как у простых смертных. Комиссар осознавал, что плохо подготовлен для того, чтобы их понять. Ему понадобится не один месяц, чтобы войти в курс их дел.

- Идем, Лапуэнт.

Он прошел через вестибюль быстрым шагом, не глядя ни налево, ни направо, потому что боялся встретиться с месье Жилем. Месье Жиль очень нравился комиссару, но он обязательно стал бы говорить ему про благоразумие и сдержанность. Сейчас вестибюль был почти запружен людьми. Здесь говорили на всех языках и курили сигары и сигареты всех стран мира.

- Сюда, месье Мегрэ...

Служащий, отвечавший за парковку, провел комиссара и Лапуэнта к тому месту, где раньше поставил их маленький полицейский автомобиль. Место было между "роллс-ройсом" и "кадиллаком". Дать на чай? Или не давать? Мегрэ не дал.

- В Орли, малыш...
- Слушаюсь, шеф.

Комиссар предпочел бы поехать в американскую больницу в Нейи и расспросить там медсестру, регистраторшу и телефонистку. Он много чего хотел бы сделать, и все это - прямо сейчас. Но Мегрэ не мог быть во всех местах сразу, он спешил разыскать графиню - "маленькую графиню", как ее называли друзья.

Она и в самом деле была маленькая, изящная, хорошенькая: это Мегрэ знал по фотографиям. Сколько лет ей может быть? Этого не понять по моментальным снимкам: большая часть их была сделана при ярком солнце, и на них ее тело, почти голое, потому что она была в бикини, было видно лучше, чем черты лица. Маленький острый носик черноволосой графини непослушно

тянулся вперед, в глазах блеснул озорной огонек. Она охотно принимала мальчишеские позы. Но при всем этом Мегрэ готов был поклясться, что ей скоро исполнится сорок. Он мог бы узнать ее возраст по регистрационной карточке отеля, но не догадался вспомнить об этом несколько минут назад. И комиссар заработал быстрее, чувствуя при этом, что делает свое дело кое-как, что было ему неприятно.

- Сходи сейчас в "Георг Пятый" и посмотри ее карточку. И отдай увеличить самую четкую из фотографий, - сказал он Лапуэнту.

- Фотографию отправить в газеты?

- Пока нет. Еще сходи в американскую больницу.

Понял?

- Да. Вы уезжаете?

Мегрэ не был уверен, что уедет, но предчувствовал, что так и случится.

- В любом случае, если я уеду, позвони моей жене.

Мегрэ уже летал самолетом четыре или пять раз, но это было достаточно давно. И теперь комиссар едва узнал Орли. Он увидел новые здания и больше движения, чем, к примеру, на Северном вокзале или вокзале Сен-Лазар.

Разница была лишь в том, что здесь он словно не выходил из "Георга Пятого": в аэропорту говорили на всех языках (это он слышал) и давали чаевые во всех валютах мира (это он видел). Фотографы из редакций газет собрались возле большого автомобиля и снимали какую-то знаменитость с целой охапкой цветов в руках. Большинство чемоданов были той же престижной марки, что и чемоданы маленькой графини.

- Мне вас ждать, шеф?

- Нет. Поезжай в город и сделай то, что я тебе сказал. Если я не улечу, то вернусь на такси.

Мегрэ протиснулся в центр толпы, чтобы не встречаться с журналистами. Пока он добирался до вестибюля, где стояли в ряд билетные киоски авиакомпаний, успели приземлиться два самолета. Через летное поле шла к таможене группа индийцев, и некоторые из них были в чалмах.

Ни на миг не умолкал громкоговоритель, вызывая кого-нибудь:

- Месье Стилвелл... Месье Стилвелл... Месье Стилвелл, вас просят подойти к кассе компании "Пан-Америкэн".

Затем прозвучала эта же просьба по-английски и другая по-испански: вызывали мадемуазель Консуэло Гонсалес.

Кабинет комиссара спецотдела полиции по обеспечению порядка в аэропорту больше не находился там, где, как помнил Мегрэ, был прежде. Мегрэ все-таки нашел этот кабинет и открыл дверь.

- Вот так встреча! Коломбани...

Коломбани, у которого Мегрэ когда-то был гостем на свадьбе, служил не в уголовной полиции, а подчинялся непосредственно министру внутренних дел.

- Это вы прислали мне записку?

И комиссар Коломбани стал искать среди царившего в его кабинете беспорядка клочок бумаги, на котором карандашом была написана фамилия графини.

- Вы ее не видели?

- Я передал ориентировку на контроль. Пока оттуда мне ничего не сообщили. Сейчас проверю списки пассажиров.

Он вошел в другую комнату, со стеклянными стенами, и вернулся с пачкой листков.

- Одну минуту... Рейс 315 на Лондон. Пальмиери, Пальмиери... Пэ... Нет, тут среди пассажиров Пальмиери нет. Вы не знаете, куда она летела? Следующий самолет - на Штутгарт. Тоже нет Пальмиери. Каир, Бейрут... П...

Поттере... Нет! На Нью-Йорк, это рейс "Пан-Америкэн".

Питтсбург, Пируле... И здесь нет Пальмиери.

- А не было самолетов на Лазурный берег?

- Был такой. На Рим, с остановкой в Ницце, вылет отсюда в десять тридцать две.

- У вас есть список его пассажиров?

- Есть список тех, кто летел до Рима, потому что мои люди визировали их паспорта. Теми, кто летит до Ниццы, они не занимаются: эти идут через другую дверь и не должны проходить таможеню и полицию.

- Этот самолет французский?

- Нет, английский. Сходите в ВОАС. Я сейчас вас туда отведу.

Киоски в вестибюле стояли рядами, как ларьки на ярмарке. Над ними поднимались плакаты цвета флагов разных стран, почти все с загадочными буквами.

- У вас есть список пассажиров рейса 312?

Девушка, которой был задан этот вопрос, - англичанка с веснушками на лице - порылась в своих папках и протянула Мегрэ и Коломбани листок бумаги.

- П... П... Паарсон... Пальмиери... Луиза, графиня Пальмиери. Это то, что нужно, Мегрэ?

Мегрэ обратился к девушке:

- Не могли бы вы мне сказать, заказала эта пассажирка место в самолете заранее или нет?

- Подождите минуту... Когда занимались этим самолетом, работала не я, а мой коллега.

Она вышла из своего закутка, растворилась в толпе и вернулась вместе с высоким белокурым парнем, который говорил по-французски с сильным акцентом.

- Это вы оформили билет графине Пальмиери?

Он ответил "да". Графиню привел к нему сосед, кассир итальянской авиакомпании. Ей во что бы то ни стало надо было улететь в Ниццу, а на утренний рейс "Эр-Франс" она не попала.

- Понимаете, тут сложное расписание. Есть самолеты, которые выполняют какой-то рейс всего один или два раза в неделю. А на некоторых маршрутах остановки тоже не каждый раз одни и те же. Я сказал ей, что если у нас в последнюю минуту появится место...

- Она улетела?

- Да, в десять двадцать восемь.

- То есть сейчас она уже прилетела в Ниццу?

Служащий посмотрел на часы, висевшие над киоском, который был напротив:

- Да, полчаса назад.

- Как она оплатила свой билет?

- Чеком. Она мне объяснила, что уехала внезапно и поэтому не имела при себе денег.

- Для вас это привычно - принимать чеки?

- От хорошо известных людей - да.

- А ее чек все еще у вас?

Служащий открыл ящик, перелистал несколько бумажек и вынул листок, к которому был приколот булавкой бледно-голубой чек. Чек был выписан не на какой-нибудь из французских банков, а на швейцарский банк, который имел отделение в Париже на проспекте Оперы. Почерк

был резкий и неровный; такой бывает у людей в минуты нетерпения или у больных с высокой температурой.

- Благодарю вас.

Потом Мегрэ обратился к Коломбани с вопросом:

- Могу я позвонить в Ниццу из вашего кабинета?

- Можете даже послать сообщение по телетайпу, и оно тут же будет принято.

- Я бы предпочел говорить.

- Идемте... Это важное дело?

- Очень важное!

- Неприятное?

- Боюсь, что да.

- Вы хотите говорить с полицией их аэропорта?

Мегрэ кивнул.

- Придется подождать несколько минут, так что у нас есть время выпить по глотку... Нам сюда... Вы предупредите нас, Дютийель, когда дадут разговор с Ниццей?

В баре они втиснулись между семьей из Бразилии и пилотами в серой форме, которые говорили по-французски с бельгийским или швейцарским акцентом.

- Что будете пить?

- Я недавно выпил виски. Лучше всего мне продолжить тем, с чего начал.

Коломбани начал объяснять:

- В сообщении, которое мы получили от уголовной полиции, ничего не было сказано о пассажирах, которые летят во французские города. А поскольку мы в принципе занимаемся только теми, кто должен визировать свои паспорта...

Мегрэ одним глотком опустошил свой бокал: его уже звали к телефону.

- Алло! Это полиция аэропорта? Говорит Мегрэ из уголовной полиции... Да... Вы слышите меня?... Алло! Я говорю так четко, как могу. Молодая женщина... Алло... Графиня Пальмиери... Да... Она должна была выйти из самолета ВОАС полчаса с небольшим назад... Да, самолет, который прибыл из Лондона через Париж... Как? Ничего не слышу...

Коломбани любезно оказал ему услугу - подошел к двери и закрыл ее, потому что в кабинет проникал оглушительный шум аэропорта, в том числе рев самолета, приближавшегося к большим застекленным дверям этой комнаты.

- Самолет только что приземлился? Да, понимаю: опоздал. Тем лучше. Пассажиры еще в аэропорту? Алло!

Бегите быстрее... Пальмиери... Нет... Задержите ее под каким-нибудь предлогом. Например, проверка документов... Поторопитесь...

Коломбани сказал тоном бывалого человека:

- Я догадывался, что он опоздает. Сообщали, что по всему этому маршруту идут грозы. Самолет из Касабланки опоздал на полтора часа, а другой, из...

- Алло! Да... Как? Вы ее видели? Так в чем же дело?

Уехала? - На том конце провода тоже был слышен шум мотора. - Это улетает самолет? Она там, на борту? Нет?

В конце концов Мегрэ понял, что полицейский из Ниццы упустил графиню. Дал ей упорхнуть прямо у себя из-под носа. Пассажиры, прилетевшие из Лондона, были еще в аэропорту, потому

что должны были пройти таможеню, но графиня покинула самолет первая и сразу села в ожидавший ее автомобиль.

- Вы говорите, автомобиль был с бельгийским номером? Да, я вас слышу: большая машина... с шофером.

Нет... ничего... Спасибо.

Из американской больницы она звонила в Монте-Карло, где, вероятно, жил в отеле "Париж" ее второй муж, Йозеф ван Мелен. Потом она велела отвезти себя в Орли и села на первый самолет, летевший на Берг. А в Ницце ее ждал большой бельгийский автомобиль.

- Дела идут так, как вам хочется? - спросил Коломбани.

- Когда вылетает первый самолет до Ниццы?

- В час девятнадцать... В принципе на этих самолетах нет свободных мест, хотя сейчас и не сезон. Но в последнюю минуту всегда оказывается, что один или два пассажира не пришли. Хотите, я устрою, чтобы вас внесли в список?

Без него Мегрэ потерял бы уйму времени.

- Вот! Вам остается только ждать. Когда придет время, за вами зайдут. Где вы будете - в ресторане?

Мегрэ позавтракал один в углу ресторана. Перед этим он позвонил Люка. У того не было никаких новостей.

- Журналисты еще не зашевелились?

- Вроде бы нет. Я сейчас видел, как один из них бродил тут по коридорам, но это был Мишо, а он торчит у нас всегда; и он ни о чем со мной не говорил.

- Пусть Лапуэнт сделает то, что я ему велел. В течение дня я позвоню из Ниццы.

Как было обещано, за комиссаром зашли. Он встал в конец цепочки пассажиров, направлявшихся на посадку, и дошел с ними до самолета, где его усадили в последний ряд. Коробку с фотографиями он оставил Лапуэнту, но несколько снимков - те, которые показались ему самыми интересными, - взял с собой. Теперь он начал мечтательно рассматривать их вместо того, чтобы читать газету, которую вместе с жевательной резинкой предложила ему стюардесса.

Чтобы закурить трубку и расстегнуть ремень безопасности, комиссару пришлось ждать, пока не погаснет светящаяся надпись у него перед глазами. Почти сразу после этого подали чай с пирожными, которых Мегрэ совершенно не хотел.

Самолет скользил над толстым светящимся ковром облаков, а Мегрэ в это время сидел неподвижно, полузакрыв глаза и откинув голову на спинку кресла. Казалось, он ни о чем не думал. На самом же деле он старался наполнить жизнью имена и силуэты, которые еще утром были для него совершенно чужими, словно с другой планеты.

Сколько времени осталось до того, как станет известно о смерти полковника и пресса завладеет этой историей?

С этого момента начнутся сложности. Так бывает каждый раз, когда речь идет о человеке, который живет у всех на виду. Пришлют лондонские ежедневные газеты своих репортеров в Париж или нет? Если верить Джону Т. Арнольду, Дэвид Уорд имел интересы чуть ли не повсюду в мире.

Любопытный тип! Мегрэ видел Уорда только в жалком и гротескном положении - голого в ванне, из которой высовывался только один его толстый бледный живот, словно плававший на поверхности воды.

Почувствовал ли Лапуэнт, что в какое-то мгновение комиссар оробел перед высшим обществом и был не совсем на уровне стоявшей перед ним задачи? Не пошатнулась ли от этого вера "малыша" в своего шефа?

"Люди из отеля раздражали меня - это точно", - подумал Мегрэ. Он чувствовал себя с ними как новичок, например новый член в клубе или новый ученик в классе. Он был человеком, который знает, что неловок, чувствует стыд потому, что еще не усвоил правила, обычаи, условные слова, и думает, что остальные смеются над ним.

Мегрэ был убежден, что Джон Т. Арнольд, такой раскованный, чувствовавший себя свободно рядом с изгнанными королями и банкирами и как дома в Лондоне, Риме, Берлине и Нью-Йорке, насмеялся над его неуклюжестью и вел себя с ним снисходительно с небольшой примесью жалости в этом снисхождении.

Мегрэ, как все люди, - а в силу своей профессии даже лучше, чем большинство людей, - знал, как устраивают некоторые дела и как живут люди в некоторых слоях общества. Но это знание было теоретическим. Мегрэ не чувствовал обстановку. Мелкие детали сбивали его с толку.

Это был первый случай, когда комиссар имел дело с миром, замкнутым в себе, откуда какие-то отголоски долетали до других людей только благодаря нескромности газет.

Среди миллиардеров - если называть их этим прижившимся общепринятым словом - есть такие, которых без труда можно "определить", то есть сказать, какого они круга и к какому типу людей относятся. Это дельцы и банкиры, которые каждый день приходят в свои кабинеты и в частной жизни не слишком отличаются от обычных людей. Мегрэ знал крупных промышленников севера и востока Франции, производителей шерстяных тканей и владельцев металлургических заводов, которые каждое утро в восемь часов принимались за работу, каждый вечер ложились спать в десять часов, имели семьи, похожие на семьи их мастеров или начальников отделов.

Теперь, как ему казалось, он понял, что эти люди стояли не на самой верхней ступени общественной лестницы, что среди владельцев больших состояний они были чем-то вроде чернорабочих с низкой зарплатой.

Выше них на этой лестнице стояли такие люди, как полковник Уорд и, возможно, Йозеф ван Мелен, которые почти не заходили в свои рабочие кабинеты, а переезжали из одного роскошного отеля в другой и были окружены красивыми женщинами, путешествовали на собственных яхтах, находились между собой в сложных отношениях и обсуждали в вестибюле гостиницы или в кабаре сделки более крупные, чем те, которые совершали финалисты-буржуа.

Дэвид Уорд имел трех законных жен. Мегрэ записал их имена в свою черную записную книжку. Дороти Пейн, первая, единственная из них, принадлежала приблизительно к тому же кругу, что и Уорд, и была, как он, родом из Манчестера. Детей у них не было. Развелись они через три года после свадьбы. Она снова вышла замуж.

Хотя семья Пейн и была из буржуазных кругов, после развода Дороти не возвратилась в эту среду и в Манчестер тоже не вернулась. Она вышла за такого же, как Уорд, - за итальянского магната, короля искусственного шелка по имени Альдо де Рокка, который страстно любил автомобили и каждый год участвовал в гонке в Ле-Мане. Он, должно быть, тоже останавливался в "Георге Пятом" или в "Рице", в Лондоне жил в "Савое", в Каннах - в "Карлтоне", в Монте-Карло - в отеле "Париж". Как эти люди устраивают, чтобы постоянно не встречаться друг с другом? Во всем мире есть двадцать или тридцать гостиниц класса люкс, десятков модных пляжей, ограниченное число разных торжеств, "Гранпри" и скачек. Поставщики товаров у всех этих людей одни и те же, ювелиры и портные тоже. Даже парикмахеры у них общие, даже маникюрши.

Вторая жена полковника, Алиса Перрен, та, чей сын учился в Кембридже, была родом из другой среды. Дочь сельской учительницы из провинции Ньевр, она работала в Париже манекенщицей, когда Уорд впервые с ней встретился. Но разве манекенщицы не живут на границе этого же мира? После развода она не вернулась к своей профессии, и полковник, расставаясь, выделил ей содержание. В каких домах она теперь бывает гостьей?

Этот же вопрос Мегрэ мог бы себе задать и по поводу третьей жены, Мюриэль Хэллиген, дочери заводского мастера из Хобокена, возле Нью-Йорка, которая продавала сигареты в ночном

клубе на Бродвее, когда Дэвид Уорд влюбился в нее. Она жила в Лозанне вместе с дочерью и тоже была избавлена от заботы о деньгах.

Кстати, женат ли Джон Т. Арнольд? Мегрэ мог бы поспорить, что нет. Казалось, Арнольд родился для того, чтобы быть правой рукой, "серым кардиналом" и доверенным лицом такого человека, как Уорд. Он, видимо, был из родовитой английской семьи, возможно очень старинной, от которой отвернулась удача. Он учился в Итоне или Кембридже, играл в гольф и теннис, занимался парусным спортом и греблей. До встречи с Уордом он, видимо, побывал на службе в армии или в каком-нибудь посольстве.

Во всяком случае, в тени полковника он вел ту жизнь, для которой был создан. Кто знает, не извлекал ли он по-тихому пользу для себя из любовных походов своего покровителя, так же как пользовался роскошью, которой тот был окружен?

- Дамы и господа, просим вас пристегнуть ремни и больше не курить. Через несколько минут мы приземлимся в Ницце. Надеемся, что этот полет был для вас приятен. Ледиз энд джентльменз...

Мегрэ с трудом вытряхнул пепел из трубки в крошечную пепельницу, встроенную в подлокотник кресла, и его толстые пальцы начали трудиться над застежкой. Он не заметил, что уже несколько минут самолет летел над морем. Вдруг море в один миг оказалось рядом с иллюминатором и перевернулось так, что встало почти вертикально: самолет сделал вираж. Внизу можно было разглядеть несколько рыболовных судов, которые отсюда походили на игрушки, и двухмачтовый парусник, оставлявший за собой серебристый след.

- Пожалуйста, не покидайте свои места до полной остановки самолета.

Самолет коснулся земли, подпрыгнул, и его моторы зашумели сильнее. Пока самолет подкатывал к белому зданию аэропорта, этот шум продолжал усиливаться, так что у Мегрэ звенело в ушах.

Комиссар вышел из самолета одним из последних потому, что сидел в самой глубине салона, и еще потому, что толстая дама, занимавшая место впереди него, забыла на своем кресле коробку конфет и пыталась идти против течения людского потока.

У нижнего конца трапа стоял какой-то молодой мужчина без пиджака, в ярко блестящей на солнце рубашке.

Коснувшись пальцами полей соломенной шляпы, этот человек обратился к нему:

- Комиссар Мегрэ?

- Да.

- Инспектор Бенуа. Сегодня в двенадцать дня ваше сообщение принял не я, а коллега, которого я сменил.

Комиссар аэропорта просит прощения, что не встречает вас здесь. Его вызвали в Ниццу по срочному делу.

Пассажиры помчались к зданию аэропорта; Мегрэ и Бенуа пошли следом за ними, но держались на довольно большом расстоянии от остальных. Бетон взлетной полосы был горячим. За оградой в лучах яркого солнца виднелась толпа людей, махавших носовыми платками.

- Мы только что попали в довольно трудное положение, и я, посоветовавшись с комиссаром, позволил себе позвонить на набережную Орфевр. К телефону подошел некто Люка; он сказал, что в курсе дела. Дама, которая вас интересуется... - Он посмотрел на клочок бумаги, который держал в руке. - Графиня Пальмиери вернулась сюда как раз к самому отбытию самолета "Свиссэйр". Не имея указаний на этот счет, я не осмелился задержать ее по своей инициативе. Комиссар тоже не знал, как поступить. Поэтому я первым делом позвонил в уголовную полицию, и инспектор Люка...

- Он бригадир...

- Простите, бригадир Люка, судя по голосу, был так же раздосадован, как я. Дама была не одна. С ней находился какой-то господин, судя по виду, очень важная особа. Он увез ее в своей машине, а за полчаса до этого по телефону заказал ей место в самолете на Женеву.

- Ван Мелен?

- Не знаю. Вам могут сказать это в нашем отделении.

- Короче говоря, вы дали ей уйти?

- Я поступил плохо?

Мегрэ не смог ответить сразу.

- Нет, я так не думаю, - со вздохом произнес он наконец. - Когда будет другой самолет на Женеву?

- До завтрашнего утра - ни одного. Но если вы непременно хотите отправиться туда, все-таки есть один способ. Позавчера один человек оказался в таком же положении. Если вы сядете в самолет, который вылетает в Рим в двадцать сорок, то успеете на рейс Рим-Женева-Париж-Лондон и...

Мегрэ едва не рассмеялся: он вдруг почувствовал, до чего отстал от века. Чтобы попасть из Ниццы в Женеву, нужно просто отправиться в Рим, а оттуда...

В баре он так же, как в Орли, увидел пилотов и стюардесс, американцев, итальянцев, испанцев. Четырехлетний мальчик, который летел один от самого Нью-Йорка, переходя из рук одной стюардессы в руки другой, с серьезным видом ел сливочное мороженое.

- Я бы хотел позвонить.

Инспектор радушно принял его в узкой комнате отделения полиции. Здесь уже знали, кто такой Мегрэ, и с любопытством наблюдали за ним.

- Какой номер, господин комиссар?

- Отель "Париж" в Монте-Карло.

Через несколько минут Мегрэ узнал от консьержа отеля "Париж", что месье Йозеф ван Мелен действительно занимает там номер, что его вызвали телефонным звонком в Ниццу, он поехал туда на своей машине с шофером, отсутствовал достаточно долго и вернулся только сейчас.

Теперь он принимал ванну, и в этот вечер его ждал стол на торжественном обеде в "Спортинге".

Графиню Пальмиери в отеле хорошо знали, но сегодня ее здесь не видели. Что касается мадемуазель Надины, ее не было с ван Меленом, когда тот уехал в автомобиле.

Кто такая Надина? Об этом Мегрэ не имел никакого представления, но консьерж, похоже, был убежден, что всему миру известно, кто она, и комиссар не стал задавать вопросов.

- Вы полетите римским рейсом? - спросил молодой инспектор из Ниццы.

- Нет. Сейчас закажу место на рейс "Свиссэйр" на завтрашнее утро, а переночую, без сомнения, в Монте-Карло.

- Я провожу вас к киоску "Свиссэйр".

Это был прилавок в вестибюле рядом с другими такими же прилавками.

- Вы знаете графиню Пальмиери?

- Это одна из наших постоянных и давних клиенток. Вот как раз совсем недавно она села в самолет на Женеву.

- Вы знаете, где она останавливается в Женеве?

- Обычно она поселяется не в Женеве, а в Лозанне.

Мы часто присылаем ей билеты в "Лозанна-Палас".

Париж вдруг показался Мегрэ огромным, а мир крошечным. Чтобы доехать междугородным автобусом до Монте-Карло, ему понадобилось столько же времени, сколько для того, чтобы прилететь из Орли!

Глава 4

В которой Мегрэ встречается с еще одним миллиардером, таким же голым, как полковник, но вполне живым

Здесь тоже не желали, чтобы присутствие полиции получило огласку. Входя в вестибюль, Мегрэ узнал консьержа, которому звонил из аэропорта и с которым, как он понял, увидев этого человека, уже много раз сталкивался, когда тот работал в одном роскошном отеле на Елисейских полях. В то время нынешний консьерж еще не восседал за конторкой с ключами и не носил длинный редингот, а служил простым посыльным и ждал, когда надо будет бежать на зов клиента.

В вестибюле были люди, еще одетые по-пляжному, а рядом с ними - мужчины уже в смокингах. Впереди Мегрэ стояла почти голая толстая женщина с ярко-красной спиной, державшая под мышкой маленькую собачку и распространявшая вокруг себя сильный запах масла для солнечных ванн.

Вместо того чтобы обратиться к Мегрэ по фамилии - а уж комиссаром тем более не назвал - консьерж подмигнул ему как сообщнику и сказал:

- Одну минуту. Я сейчас займусь этим делом.

Потом он поднял трубку телефона:

- Алло! Месье Жан? - Здесь, видимо, были очень чувствительные телефоны: консьерж говорил совсем тихо. - Тот человек, о котором я с вами разговаривал, прибыл... Мне поднять его в лифте наверх?.. Понял вас. - И он обратился к Мегрэ:

- Секретарь господина ван Мелена ждет вас у двери лифта на шестом этаже; он вас проводит дальше.

Это выглядело так, словно ему делают одолжение.

В коридоре его действительно ждал одетый с иголки молодой человек.

- Месье Йозеф ван Мелен просил меня передать вам его извинения за то, что он примет вас во время массажа: он почти сразу после этого должен отправиться в город. Он поручил мне сказать, что очень рад встретиться с вами, так как с огромным интересом следил за ходом некоторых ваших исследований.

Немного странно, правда? Почему бельгийский финансист не скажет ему это сам, раз все равно они вот-вот встретятся лицом к лицу?

Мегрэ провели в номер, который был до того похож на номер в "Георге Пятом" (даже мебель и расположение комнат одинаковые), что комиссар мог бы подумать, будто еще не уехал из Парижа, если бы не видел в окно порт и яхты.

- Комиссар Мегрэ... - объявил месье Жан, открывая дверь одной из комнат.

- Входите, комиссар, и садитесь поудобней, - сказал ему лежавший на животе совершенно голый мужчина, которого разминал массажист, одетый в белые штаны и майку, позволявшую видеть огромные бицепсы. - Я ждал подобного визита, но думал: полиция ограничится тем, что пришлет ко мне кого-нибудь из здешних инспекторов. Что вы потрудитесь приехать лично...

Он не закончил свою мысль. Это был второй миллиардер, которого Мегрэ видел за один день. И второй был так же гол, как первый, что, похоже, его нисколько не смущало.

На фотографиях из коробки от печенья многие люди были почти не одеты, словно, начиная с какой-то ступени общественной лестницы, представления о стыдливости изменяются.

Этот мужчина был, видимо, очень высокого роста. На его теле почти не было жира. Кожу едва ли не полностью покрывал загар, если не считать узкой полоски кожи, которая оставалась без солнца под плавками и теперь резала глаза белизной. Лица, погруженного в подушку, комиссар не видел, но голова, тоже смуглая от загара, была лысой и гладкой.

Бельгиец продолжал, не обращая внимания на присутствие массажиста (тот, должно быть, был для него ничем):

- Я, разумеется, знал, что вы отыщете след Луизы, и это я сегодня утром по телефону посоветовал ей не пытаться спрятаться. Заметьте: я еще не знал, что произошло. Ей не хватило смелости сообщить мне подробности по телефону. Кроме того, она была в таком состоянии...

Вы знакомы с ней?

- Нет.

- Это - интересное существо, одна из самых забавных и привлекательных женщин на свете...
Массаж закончен, Боб?

- Еще две минуты, месье.

Массажист, похоже, раньше был боксером: у него был сломан нос и разбиты ударами уши. Предплечья и тыльные стороны ладоней у него были покрыты черными волосами, и на этих волосах блестели капли пота.

- Я полагаю, вы держите связь с Парижем? Каковы последние новости?

Ван Мелен говорил естественно и, судя по его виду, был спокоен.

- Расследование только начинается, - осмотрительно ответил Мегрэ.

- Я не о расследовании. Как газеты? Они напечатали эту новость?

- Насколько мне известно, нет.

- Если хотя бы один из Филпсов - и конечно, это будет младший - уже не вылетел в Париж, меня это очень удивит.

- Кто же мог поставить их в известность?

- Да Арнольд, черт побери! А как только женщины узнают...

- Вы имеете в виду бывших жен полковника?

- Они тут самые заинтересованные лица, разве нет?

Где Дороти, я не знаю, но Алиса сейчас должна быть в Париже, а Мюриэль, которая живет в Лозанне, вскочит в первый подходящий самолет. Достаточно, Боб. Спасибо.

Завтра в это же время. Нет! У меня встреча. Пусть будет в четыре часа.

Массажист накинул ему на середину туловища желтое махровое полотенце, и ван Мелен стал медленно подниматься на ноги, одновременно обертываясь этим полотенцем как набедренной повязкой. Встав, этот человек - действительно очень высокий, крепко сложенный и мускулистый, в идеальном физическом состоянии для своих шестидесяти пяти или семидесяти лет - принялся разглядывать комиссара, не скрывая любопытства.

- Это доставляет мне удовольствие, - сказал ван Мелен; объяснить подробнее, что имел в виду, он не посчитал нужным. - Вам, может быть, неприятно, что я одеваюсь при вас? Я вынужден так делать: у меня подготовлен стол на двадцать персон на торжественном обеде, который назначен на сегодняшней вечер. Времени осталось только на то, чтобы ополоснуться под душем.

Ван Мелен вошел в ванную комнату, и оттуда послышался шум воды. Массажист уложил свои вещи в чемоданчик, надел пеструю куртку и ушел, перед этим тоже с любопытством взглянув на Мегрэ.

Ван Мелен уже возвращался. Теперь он был в купальном халате, и капли воды остались у него на голове и лице. Все, что он собирался надеть - смокинг, белая шелковая рубашка, носки, туфли, - было собрано вместе на вешалке сложной конструкции. Мегрэ такую видел впервые.

- Дэвид был мне хорошим другом. Я мог бы сказать о нем "старый друг-подельник", потому что мы были знакомы больше тридцати лет... подождите... тридцать восемь лет, если быть точным, и в нескольких случаях половиной бизнеса владел он, а половиной - я... Известие о его смерти, тем более о такой смерти, было для меня тяжелым ударом.

Что было изумительно, так это естественность ван Мелена. Она была настолько полной, что Мегрэ не мог вспомнить, чтобы за всю жизнь хотя бы раз видел такое естественное поведение. Ван Мелен то ходил по комнатам, то занимался своим туалетом. Можно было подумать, что он был один и разговаривал сам с собой. Это его маленькая графиня называла "папой", и Мегрэ начинал понимать почему. Чувствовалось, что это человек сильный и надежный. На него можно было опереться.

Молодой секретарь все это время находился в соседней комнате и теперь звонил оттуда по телефону. Коридорный, которого никто не вызывал звонком, принес на серебряном подносе запотевший от холода бокал с каким-то прозрачным напитком, вероятно с мартини. Должно быть, он знал свое время, и это, видимо, была одна из целого ряда привычек ван Мелена.

- Спасибо, Людо. Могу я предложить вам что-нибудь выпить, Мегрэ?

Он не добавлял ни "комиссар", ни "месье", но в этом обращении не было ничего оскорбительного. Можно даже было сказать, что оно уравнивало его и Мегрэ.

- Я буду пить то же, что и вы.

- Очень сухой?

Мегрэ кивнул.

Его собеседник уже надел кальсоны, майку и черные шелковые носки и теперь искал возле себя рожок для обуви, чтобы обуть лакированные туфли.

- Вы никогда с ней не встречались?

- Вы имеете в виду графиню Пальмиери?

- Да, Луизу. Если вы с ней еще не знакомы, вам будет трудно ее понять... У вас большой опыт общения с мужчинами, это я знаю, но понимаете ли вы так же хорошо и женщин - вот о чем я себя спрашиваю. Вы собираетесь отправиться в Лозанну и увидеться с ней?

Ван Мелен не хитрил, не пытался убедить Мегрэ, что графиня находится не в Лозанне.

- У нее будет время немного успокоиться. Сегодня утром, когда она позвонила мне из клиники, ее слова были такими бессвязными, что я посоветовал ей вскочить в первый подходящий самолет и лететь ко мне.

- Она ведь раньше была вашей женой?

- Да, два с половиной года брака. Мы остались хорошими друзьями. И отчего нам было ссориться? Просто чудо, что медсестра из "Георга Пятого" догадалась положить Луизе в машину "Скорой помощи" кое-что из одежды и сумочку, иначе она не смогла бы уйти из больницы.

В сумочке не было денег, только мелочь. В Орли Луизе пришлось заплатить за такси чеком, и этот был не единственный... Короче говоря, я приехал встретить ее в аэропорт, потом мы перекусили в Ницце, и там она рассказала мне, что произошло...

Мегрэ не задавал вопросов: лучше было дать собеседнику говорить так, как тот хотел.

- Я полагаю, вы не подозреваете ее в убийстве Дэвида? - Не получив ответа, ван Мелен нахмурился. - Это было бы большой ошибкой, Мегрэ, говорю вам как друг.

Но прежде всего позвольте задать вам один вопрос: есть ли полная уверенность в том, что кто-то удерживал голову Дэвида под водой?

- Кто дал вам знать об этом?

- Разумеется, Луиза...

- Значит, она его видела?

- Видела, и не собирается это отрицать... Вы этого не знали?.. Жан, будьте добры, подайте мне запонки и зажимы для манишки.

Вдруг его лицо приняло озабоченное выражение.

- Послушайте, Мегрэ, будет лучше, если я введу вас в курс дела, иначе вы рискуете пойти по ложному пути, а я хотел бы, чтобы Луизу не беспокоили больше, чем необходимо. Она до сих пор - маленькая девочка. Хотя ей тридцать девять лет, она осталась ребенком и будет ребенком всю жизнь. Правда, как раз в этом и есть ее очарование. И поэтому же она постоянно попадает в самые невероятные истории.

Секретарь помог ван Мелену вдеть в манжеты платиновые запонки; потом финансист сел напротив комиссара, словно решил немного отдохнуть.

- Отец Луизы был генералом, а мать - из мелкого провинциального дворянства. Луиза родилась, кажется, в Марокко, где служил тогда ее отец, но немалую часть молодости провела в Нанси. Она уже тогда хотела жить по-своему и в конце концов добилась от родителей, что они послали ее в Париж изучать историю искусства. За ваше здоровье...

Мегрэ выпил глоток мартини и поискал глазами столик, куда мог бы поставить бокал.

- Ставьте его на пол, куда угодно... Она встретила итальянца, графа Марко Пальмиери, и влюбилась в него с первого взгляда. Вы знакомы с Пальмиери?

- Нет.

- Познакомьтесь... - Было похоже, что ван Мелен в этом уверен. - Он действительно граф, но без денег.

Насколько я знаю, в то время он жил милостями одной немолодой дамы. Родители Луизы, жившие в Нанси, заставили себя упрашивать, но она так подсластила им эту пилюлю ласковыми словами, что они в конце концов дали согласие на брак. Назовем это первым периодом, когда люди заговорили су маленькой графине. У супругов была квартира в Пасси, потом номер в отеле, потом снова квартира; они знали времена лучше и хуже, но никогда не переставали появляться на коктейлях, приемах и в таких местах, где люди развлекаются.

- Пальмиери использовал свою жену?

Ван Мелен, желая быть вполне честным, ответил не сразу:

- Нет. Не в том смысле, который вы вкладываете в свой вопрос. К тому же она и не согласилась бы на это: была безумно влюблена в него и влюблена до сих пор.

Ситуация стала менее понятной, верно? Тем не менее это правда. Я даже убежден, что и Марко тоже влюблен в нее, во всяком случае не может без нее обойтись. И несмотря на это, они ссорились. Луиза три или четыре раза уходила от Марко после шумных сцен, но каждый раз всего на несколько дней. Достаточно было Марко появиться перед ней бледным, растрепанным и попросить прощения, чтобы Луиза снова оказалась в его объятиях.

- На что они жили?

Ван Мелен едва заметно пожал плечами:

- И этот вопрос задаете мне вы? На что живут большинство людей из числа тех, кому мы каждый день пожимаем руку? Я впервые встретил Луизу как раз во время одной из этих ссор. Она тронула мою душу. Я подумал, что такая жизнь не для нее, что она теряет силы и быстро увянет в руках такого человека, как Марко. И поскольку я тогда только что развелся, я предложил ей стать моей женой.

- Вы были влюблены?

Ван Мелен молча смотрел на Мегрэ, и казалось, что вопрос комиссара повторялся в этом взгляде. В конце концов финансист произнес вполголоса:

- Такое случалось со мной не один раз, и с Дэвидом тоже не один. Это будет ответом на ваш вопрос? Не стану скрывать от вас ни того, что я тогда побеседовал с Марко, ни того, что вручил ему чек на солидную сумму, чтобы он уехал в Южную Америку.

- И он пошел на это?

- У меня были средства, чтобы его убедить.

- Я полагаю, что он совершил какие-то... некрасивые поступки?

Едва заметное пожатие плечами.

- Луиза была моей женой около трех лет, и я был достаточно счастлив с ней.

- Вы знали, что она по-прежнему любит Марко?

Ответ он прочел на лице ван Мелена.

- А что тут такого? - Финансист продолжал рассказывать:

- Она была со мной почти везде: я много езжу.

Встречалась с моими друзьями, нескольких из которых уже знала до этого. Разумеется, счастье не было безоблачным: случались тучи, даже несколько сильных гроз.

Я думаю, что она чувствовала ко мне и чувствует до сих пор искреннюю привязанность. Она называла меня "папа", что меня не шокирует: я все-таки на тридцать лет старше ее.

- Это через вас она познакомилась с Дэвидом Уордом?

- Да, через меня, как вы говорите.

В глазах ван Мелена блеснул насмешливый огонек.

- Забрал ее у меня не Дэвид. Это сделал Марко, который однажды вернулся, похудевший и жалкий, и стал целые дни проводить на тротуаре напротив наших окон. Он походил на потерявшегося пса. И однажды вечером Луиза со слезами бросилась мне в объятия и заявила, что...

В этот момент в соседней комнате зазвонил телефон; секретарь, ответив на звонок, появился на пороге:

- Звонит месье Филпс.

- Дональд или Герберт?

- Дональд...

- Что я вам говорил? Это младший. Он звонит из Парижа?

- Да.

- Переключите его сюда.

Ван Мелен протянул руку ко второму телефону и стал говорить по-английски. Он почти не отвечал на вопросы, которые ему задавали на том конце провода.

- Да... Нет... Пока не знаю... Нет никакого сомнения...

Комиссар Мегрэ, который этим занимается, сидит сейчас передо мной. Я обязательно приеду в Париж на похороны, хотя время самое неподходящее, потому что послезавтра я должен был вылететь на Цейлон. Алло! Вы в "Георге Пятом"? Если что-то узнаю, позвоню вам. Нет, сегодня вечером меня не будет, и я вернусь не раньше трех утра. До свидания. - После этого он посмотрел на Мегрэ:

- Ну вот, пожалуйста! Филпс на месте, как я вас и предупреждал. Он очень волнуется. Английские газеты уже знают, и его осадил журналисты. На чем я остановился? Мне все-таки нужно закончить одеваться. Принесите мои галстуки, Жан...

Ван Мелену их принесли шесть - на выбор; все галстуки казались одинаковыми, и тем не менее он внимательно осмотрел их, прежде чем выбрал один.

- Что мне, по-вашему, было делать? Я предложил ей развод, и чтобы Марко не оставил ее когда-нибудь без гроша, предоставил ей не значительную сумму сразу, а не слишком большое содержание.

- Вы продолжали бывать у нее?

- Продолжал бывать у них обоих. Это вас удивляет? - Ван Мелен, вытянув шею и выставив вперед кадык, завязывал перед зеркалом галстук узлом "бабочка". - Как и следовало ожидать, семейные сцены начались снова. Потом Дэвид развелся с Мюриэль, и наступила его очередь быть добрым самаритянином.

- Но он все же не женился на ней?

- Ему не хватило на это времени. Он ждал, пока закончится процедура развода. Кстати, как теперь все будет - вот вопрос. Я не знаю точно, в какой стадии дело сейчас находится, но если не все бумаги подписаны, то есть возможность, что Мюриэль Хэллиген будет признана вдовой Дэвида...

- Это все, что вам известно?

Ван Мелен ответил просто:

- Нет. Еще я знаю по крайней мере часть того, что произошло вчера ночью, и нет разницы, я расскажу вам это или Луиза. Прежде всего я хочу твердо заявить вам, что она не убивала Дэвида Уорда. Она, видимо, не способна на такое...

- Не способна физически?

- Да, я употребил это слово именно в таком значении.

В моральном отношении, если тут можно применить это слово, мы все способны убить, если есть достаточно сильный мотив и человек убежден, что его не схватят.

- Достаточно сильный мотив?

- Прежде всего - страсть. В это приходится верить, раз каждый день узнаешь, что мужчины и женщины совершают преступления, движимые страстью. Хотя мое мнение на этот счет... Но хватит об этом! Интерес... Если у человека есть достаточно сильный интерес... Но в случае с Луизой это не так, наоборот...

- Если только Уорд не составил завещание в ее пользу или...

- Поверьте мне, завещания в ее пользу нет. Дэвид англичанин, следовательно, хладнокровный человек. Он всему знает цену.

- Он был влюблен в графиню?

Ван Мелен раздраженно сдвинул брови:

- Вы произносите это слово уже в третий или четвертый раз, Мегрэ. Попробуйте же наконец понять: Дэвиду было столько же лет, сколько мне, а Луиза - хорошенькая маленькая зверушка; она забавная, ею даже можно увлечься. Кроме того, она - на уровне, то есть приобрела привычки определенного круга, привыкла к определенному образу жизни...

- Думаю, что я вас понял.

- Тогда мне не понадобится быть более точным. Я не намерен доказывать, что это красиво, но такое поведение свойственно людям. Журналисты - те не понимают и при каждом нашем любовном приключении пишут про любовь с первого взгляда. Жан! Принесите мою чековую книжку...

Ему оставалось только надеть смокинг; сделав это, ван Мелен взглянул на свои ручные часы.

- Вчера вечером они пообедали в городе, потом вместе зашли выпить по бокалу в какое-то кабаре, я не спросил в какое. Случилось так, что они встретили Марко в обществе толстой блондинки, голландки из высшего общества. Они только поздоровались издали. Марко танцевал со своей спутницей. Луиза нервничала и, когда вернулась в "Георг Пятый" с Дэвидом, сказала ему в лифте, что хочет еще бутылку шампанского.

- Она много пьет?

- Слишком много. Дэвид тоже пил слишком много, но только по вечерам. Они поболтали о чем-то, сидя каждый перед своей бутылкой, потому что Дэвид пил только шотландское виски, и я предполагаю, что под конец разговор уже становился бессвязным. Луиза после того, как выпьет несколько бокалов, часто начинает чувствовать комплекс вины и обвинять себя во всех грехах нашего мира. Как она сказала мне сегодня в двенадцать дня, она заявила Дэвиду, что недостаточно хороша для него, что презирает себя за то, что она всего лишь сексуально озабоченная самка, но не может не побежать за Марко, чтобы попросить его взять ее обратно.

- А что ответил Уорд?

- Ничего. Я даже не уверен, что он ее понял. Вот почему я спросил у вас, есть ли доказательства того, что кто-то удерживал его в ванне. До полуночи или до часа ночи он держался, потому что начинал пить только в пять вечера. Но к двум часам у него начинало мутиться в голове, и меня много раз посещала мысль, что с ним может произойти несчастный случай, когда он принимает ванну. Я даже посоветовал ему всегда иметь рядом лакея, но он терпеть не мог быть во власти у кого-либо. По этой же причине он требовал, чтобы Арнольд жил в другом отеле. Я спрашиваю себя, не было ли это у него своего рода стыдливостью.

Теперь я сказал почти все. Луиза разделась, надела халат и, возможно, выпила глоток виски, поскольку бутылка шампанского была уже пуста. В этот момент она подумала, что причинила боль Дэвиду, и захотела пойти попросить у него прощения. Это совершенно в ее характере, поверьте мне, я ведь ее знаю. Луиза вышла в коридор. Она мне поклялась, что обнаружила дверь полуоткрытой. Она вошла... В ванной увидела, вы сами знаете что, и вместо того, чтобы позвать кого-нибудь, побежала к себе в номер и бросилась на кровать. Луиза говорит, что тогда действительно хотела умереть, и это вполне возможно. Она наглоталась снотворных таблеток, которые принимала еще в мое время, особенно после того, как выпьет...

- Сколько было таблеток?

- Догадываюсь, о чем вы думаете. Возможно, вы правы. Она желала умереть, потому что смерть улаживала все, но была бы не прочь и остаться в живых, так? Было достаточно одного намерения - оно давало тот же результат. В любом случае она вовремя позвонила. Поставьте себя на ее место... Все это для нее было каким-то кошмаром, где действительность и плоды воображения перемешались так, что уже нельзя было отличить одно от другого.

В клинике, когда она пришла в сознание, ее подхватила и понесла жестокая действительность. Первая мысль Луизы была позвонить Марко, и она набрала его номер...

Никто не ответил. Тогда она позвонила в гостиницу на улице Понтье, где он иногда ночует, когда у него любовные свидания. Там его тоже не оказалось. Тогда она вспомнила обо мне и бессвязно сказала, что погибла, что Дэвид лежит мертвый, а сама она едва не умерла и жалеет, что не мертва тоже. Она стала умолять меня сейчас же примчаться к ней.

Я ответил, что это невозможно. После напрасной попытки добиться от Луизы подробностей случившегося, я посоветовал ей поехать в Орли и сесть там в самолет на Ниццу...

Это все, Мегрэ. Я послал ее в Лозанну, где она привыкла жить, не для того, чтобы укрыть от полиции, а для того, чтобы избавить от налета журналистов и просто любопытных людей, от всех осложнений, которые не могут не начаться с минуты на минуту.

Вы говорите мне, что Дэвид был убит, и я вам верю.

А я заверяю вас, что убила его не Луиза, но я совершенно не представляю, кто мог это сделать. А теперь... - Он наконец надел смокинг. - Если меня будут спрашивать, я в "Спортинге"... - сказал он секретарю.

- Как быть, если спросят из Нью-Йорка?

- Скажите, что я подумал и отвечаю "нет".

- Хорошо, месье...

- Вы пойдете со мной, Мегрэ?

Они вместе сели в лифт. Когда он опустился на первый этаж, их ждал неприятный сюрприз: вспышка фотоаппарата прямо в глаза.

- Я должен был догадаться... - проворчал ван Мелен и бросился к выходу, оттолкнув по дороге стоявшего рядом с фотокорреспондентом маленького толстяка, который пытался встать у него на пути.

- Комиссар Мегрэ? - Коротышка оказался обозревателем одной выходившей на Берегу газеты. - Можно побеседовать с вами одну минуту?

Консьерж наблюдал за ними издали и хмурил брови.

- Мы бы могли сесть где-нибудь в углу...

Мегрэ был достаточно опытным человеком, чтобы понять: прятаться не имеет смысла, потому что тогда ему припишут слова, которых он не говорил.

- Я полагаю, что не могу угостить вас бокалом чего-нибудь в баре? - продолжал журналист.

- Я только что выпил один бокал.

- У Йозефа ван Мелена?

- Да.

- Правда ли, что сегодня днем графиня Пальмиери была на Берегу?

- Правда.

Комиссар сел в огромное кожаное кресло, а репортер с блокнотом в руке устроился на краю стула напротив него.

- Я полагаю, что она подозреваемая номер один?

- Почему?

- Так нам передали по телефону из Парижа.

Видимо, кто-то поднял на ноги прессу - кто-то из "Георга Пятого" или из аэропорта. Может быть, один из инспекторов в Орли был в сговоре с людьми из какой-нибудь газеты?

- Вы упустили ее?

- Если быть точным, когда я прилетел в Ниццу, графиня уже снова улетела.

- В Лозанну, я это знаю. - Пресса не теряла времени зря. - Я только что позвонил в "Лозанна-Палас". Она приехала туда на такси из Женевы. Выглядела совершенно обессиленной. Отказалась отвечать на вопросы репортеров, которые ее ждали, и сразу же поднялась в свой номер. - Журналист, похоже, чувствовал удовольствие от того, что сообщает мало кому известную информацию самому комиссару Мегрэ. - Она заказала себе наверх бутылку шампанского, потом вызвала врача, и его приезда ждут с минуты на минуту. Считаете ли вы, что она убила полковника?

- Я думаю не так быстро, как вы и ваша журналистская братия.

- Вы отправитесь в Лозанну?

- Возможно.

- Полетите туда самолетом завтра утром? Известно ли вам, что третья жена полковника живет в Лозанне и что они с графиней Пальмиери терпеть не могут друг друга?

- Этого я не знал.

Странное интервью: новости сообщал не он, а репортер.

- В случае, если она виновна, я думаю, вы не имели бы права ее арестовать?

- Без документа о ее выдаче Франции - нет.

- Я полагаю, чтобы получить этот документ, необходимо предоставить формальные доказательства вины?

- Послушайте, мой друг, мне кажется, что вы сейчас экспромтом сочиняете свою статью. Так вот, я вам не советую писать ее в таком тоне. Речь ни об аресте, ни о выдаче не идет.

- Графиня не под подозрением?

- Об этом я ничего не знаю.

- То есть...

На этот раз Мегрэ рассердился.

- Нет! - воскликнул он так громко, что консьерж подскочил на месте. Это был почти крик. - Я ничего вам не сказал по той причине, что ничего не знаю, и, если вы припишете мне двусмысленности вроде тех, которые только что произнесли, вы обо мне услышите!

- Но...

- Совершенно ничего! - отрезал Мегрэ, вставая, и направился в бар. Он был так зол, что сам не заметил, как потребовал:

- Мартини...

Бармен, видимо, узнал Мегрэ по фотографиям, потому что смотрел на него с любопытством. Два или три посетителя, сидевшие на высоких табуретах, повернулись и стали разглядывать комиссара. Несмотря на принятые консьержем меры предосторожности, все уже знали, что Мегрэ здесь.

- Где тут телефонные кабинки?

- Слева в коридоре...

Хмурый и готовый ворчать по поводу и без повода, Мегрэ заперся в первой с края кабинке.

- Пожалуйста, соедините меня с Парижем. Дантон 4420.

***

Телефонные линии не были перегружены, и он ждал всего пять минут, которые провел, вышагивая туда и обратно по коридору. Сигнал, вызывавший его, зазвенел раньше намеченного срока.

- Это уголовная полиция? Соедините меня с кабинетом инспекторов. Говорит Мегрэ... Алло! Люка еще на месте?

Мегрэ догадывался, что у трудяги Люка тоже был суматошный день и тот не мог уйти спать рано.

- Это вы, шеф?

- Да, я. Я в Монте-Карло... Есть новости?

- Вы, конечно, знаете, что, несмотря на все наши предосторожности, прессе уже все известно?

- Да, знаю.

- Третий выпуск "Франс-суар" вышел с большой статьей об этом на первой странице. В четыре дня прилетели из Лондона английские журналисты, и одновременно с ними - господин Филпс, что-то вроде адвоката или нотариуса...

- Солиситор...

- Да, именно так. Он очень хотел встретиться с самим главным шефом. Они заперлись вместе и оставались наедине больше часа. Когда Филпс вышел, на него налетели, стали брать интервью, фотографировать, так он ударил зонтом одного фотографа, едва не разбив его фотоаппарат...

- Это все?

- Здесь ходят слухи, что маленькая графиня, любовница Уорда, могла совершить это преступление, и утверждают, будто вы лично идете по ее следу. Мне звонил некто Джон Арнольд. Похоже, он в ярости...

- Еще что-нибудь есть?

- Журналисты заполнили "Георг Пятый", там вызвали свою охрану и приказали ей выставить их на улицу.

- Как Лапуэнт?

- Он здесь. И хочет с вами поговорить. Передать ему трубку?

Зазвучал голос Лапуэнта:

- Алло, шеф, вы слышите? Я сходил в американскую больницу в Нейи, как было решено. Расспросил медсестру, телефонистку и дежурную приемного покоя. Уходя, графиня Пальмиери оставила этой дежурной письмо и попросила отправить его по почте. Письмо было адресовано графу Марко Пальмиери, улица Этуаль. Поскольку в больнице я не узнал ничего интересного, я пошел по этому адресу. Это меблированные комнаты в довольно элегантном стиле. Я расспросил управляющую, с которой вначале никак не мог найти общего языка... Похоже, граф Пальмиери прошлой ночью не спал дома, что с ним бывает достаточно часто. Он вернулся к себе сегодня утром около одиннадцати; вид у него в это время был озабоченный, и он даже не заглянул в комнату консьержки посмотреть, нет ли ему писем. Меньше чем через полчаса он снова вышел из дому с маленьким чемоданом в руке.

С тех пор о нем ничего не знают.

Мегрэ молчал, потому что сказать было нечего, и чувствовал, что Лапуэнта там, на другом конце провода, его молчание сбивает с толку.

- Что мне делать? Продолжать его искать?

- Ищи, если хочешь...

Этот ответ был словно нарочно придуман для того, чтобы еще больше дезориентировать Лапуэнта.

- Вы не верите?..

Что ему совсем недавно сказал ван Мелен? Каждый человек способен убить, если имеет для этого достаточно сильный интерес. Страсть... Может ли она быть причиной преступления, если Луиза почти три года была женой другого и больше года любовницей полковника? И разве она не собиралась покинуть полковника как раз для того, чтобы вернуться к первому мужу?

Интерес? Какую выгоду мог получить Пальмиери от смерти Уорда?

Мегрэ почти пал духом, что с ним часто бывало в начале расследования. Всегда наступал момент, когда участники событий казались нереальными, а их поступки - лишены логики и связи между собой.

В такое время Мегрэ был угрюмым, раздражительным и более грузным, чем обычно. Казалось, он даже становился толще. Молодой Лапуэнт, хотя и пришел в его команду позже всех, уже знал комиссара настолько, что даже по голосу в телефонной трубке понял, что происходит.

- Я сделаю все, что в моих силах, шеф... Я составил список людей, снятых на фотографиях. Осталось узнать имена только двоих или троих.

В кабинке было нестерпимо душно, а Мегрэ к тому же был одет слишком тепло для Лазурного берега. Он вернулся в бар допить свой бокал и тут заметил на террасе столики, накрытые для обеда.

- Можно у вас поесть?

- Можно, но, я думаю, эти столики заказаны. Их заказывают каждый вечер. Вам найдут место внутри.

Черт возьми! Если бы у них хватило смелости, они бы попросили его поесть вместе со своим персоналом - это точно!

Глава 5

В которой Мегрэ наконец встречает человека, у которого нет денег и есть заботы

Комиссар спал плохо. Во сне он не совсем перестал осознавать, где находится, и ощущал рядом с собой этот отель с двумя сотнями открытых окон, похожие на люстры фонари вокруг голубых лужаек общественного сада, казино, старомодное, как старая дама, одетая по моде прошлых лет (таких дам Мегрэ увидел после обеда, они входили в отель), ленивое море, которое каждые двенадцать секунд (он, чтобы уснуть, раз за разом считал время между ударами, как другие люди - воображаемых овец) набрасывало бахрому из струй на скалы побережья.

Автомобили останавливались и снова отъезжали, делали какие-то сложные маневры. Стучали дверцы, звучали голоса, и они были слышны так ясно, что Мегрэ чувствовал себя неловко, будто подслушивал. А кроме того, сильно шумели рейсовые автобусы, которые привозили свежие группы игроков и забирали другие, отыгравшие группы; и еще играла музыка на террасе местного "Кафе де Пари".

Когда каким-то чудом все это ненадолго замолкало, становился слышен, как. флейта в оркестре, старинный аккомпанемент - легкое шуршание колес фиакра.

Мегрэ оставил свое окно открытым: ему было жарко.

Но так как комиссар не взял с собой никаких вещей и теперь спал без пижамы, он стал мерзнуть. Тогда Мегрэ подошел к окну и закрыл его, бросив при этом хмурый взгляд на огни "Спортинга", которые были видны внизу на краю пляжа. Там Йозеф ван Мелен, "папа", как говорила маленькая графиня, сидел сейчас во главе стола на двадцать человек.

Из-за того, что настроение комиссара изменилось, люди представлялись ему иными, чем раньше. Теперь он злился на себя и почти испытывал унижение оттого, что слушал бельгийца-финансиста как дисциплинированный ребенок, не смея прервать.

В глубине души разве Мегрэ не был польщен тем, что светский человек вел себя с ним фамильярно, как с другом?

В отличие от Джона Т. Арнольда, маленького, пухлого англичанина, который раздражал комиссара самоуверенностью, ван Мелен не показывал, что читает ему лекцию по обычаям определенных кругов общества; наоборот, он дал понять, что сам тронут тем, что Мегрэ лично потрудился приехать сюда. Он словно говорил каждую минуту: "Вот вы меня понимаете".

Не дал ли ему Мегрэ посмеяться над собой? Папа...

Маленькая графиня... Дэвид... И остальные имена, которые все они упоминали, не давая себе труда уточнить, о ком идет речь, словно весь мир обязан это знать.

Мегрэ ненадолго задремал. Он грузно ворочался в постели и вдруг снова увидел перед собой того первого - полковника, голого в ванне, потом бельгийца, тоже голого, которому месил кулаками спину массажист с лицом боксера.

Может, эти парни так хорошо воспитаны, что выше всех подозрений?

- Любой человек способен убить, если имеет для этого достаточно сильный интерес и более-менее уверен, что его не поймают.

Но ван Мелен не считал, что страсть - это достаточно сильный интерес. Разве он вежливо не дал понять, что для некоторых людей страсть почти невысказана?

- В нашем возрасте... Молодая, приятная женщина "на уровне".

Их маленькая графиня звала врача, стонала, была отвезена в больницу, затем по-тихому стала звонить сначала в Париж, пытаясь связаться со своим первым мужем, который до сих пор был ее любовником между браками, потом с добрым "папой" ван Меленом.

Она знала, что Уорд умер. Она видела труп. Бедная малышка просто не знала, куда броситься за помощью.

Звать полицию? Это ей в голову не приходило. У нее были слишком натянуты нервы. И что полицейские с их тяжелыми сапогами и ограниченным умом могли понять в делах "их" мира?

- Садитесь в самолет, моя маленькая. Прилетайте ко мне, и я дам вам совет.

В это время Джон Т. Арнольд вошел в "Георг Пятый" и начал сыпать рекомендациями, почти не смягчая их повелительный тон:

- Осторожно! Не поднимите на ноги прессу! Работайте осмотрительно! Это дело - бомба! Тут задействованы очень большие интересы! Оно заставит волноваться весь мир!

Но это он позвонил лондонским поверенным и попросил их немедленно примчаться в Париж, разумеется, для того, чтобы помочь ему уладить это дело.

Ван Мелен совершенно спокойно отправил графиню Пальмиери отдыхать в Лозанну, словно это был самый естественный и правильный поступок.

Нет, это было не бегство. Графиня не пыталась ускользнуть от полиции.

- Вы понимаете, там она привыкла жить... Она избежит налета журналистов и шума, который поднимется вокруг расследования.

А Мегрэ опять утруждай себя, снова садись в самолет...

Мегрэ терпеть не мог демагогии. Его суждения о людях не зависели от того, сколько у них денег, будь этих денег хоть очень много, хоть очень мало. Он старался сохранить хладнокровие, но не мог справиться с раздражением, которое у него вызывало множество мелочей.

Он услышал, как возвращались участники парадного обеда: они сначала громко говорили на улице перед отелем, потом в номерах открывали краны и спускали воду в уборных.

Мегрэ встал первый в шесть часов утра и побрился дешевой бритвой, которую купил у посыльного вместе с зубной щеткой. Чтобы получить чашку кофе, ему пришлось ждать примерно полчаса. Когда он шел по вестибюлю, там убиралась горничная. Когда он спросил свой счет у помятого от бессонницы дежурного по приему, тот ответил:

- Господин ван Мелен дал указание...

- Господину ван Мелену незачем давать указания в этом случае...

Мегрэ обязательно хотел заплатить сам. Перед дверью его ждал "роллс-ройс" бельгийского финансиста, и шофер держал дверцу машины открытой.

- Господин ван Мелен поручил мне отвезти вас в аэропорт...

В автомобиль Мегрэ все-таки сел, потому что никогда не ездил в "роллс-ройсе". Он приехал раньше времени и купил несколько газет. В той, которая издавалась в Ницце, на первой полосе был его портрет - фотография, где он стоял с ван Меленом перед лифтом.

Подпись под снимком была такая: "Комиссар Мегрэ выходит из отеля после совещания с миллиардером Йозефом ван Меленом".

Совещание!

Парижские газеты сообщали огромными буквами:

"АНГЛИЙСКИЙ МИЛЛИАРДЕР НАЙДЕН МЕРТВЫМ В СВОЕЙ ВАННЕ"

Эти люди везде вставляли слово "миллиардер".

"ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ?"

Должно быть, журналисты еще спали, потому что в момент отлета они Мегрэ не досаждали. Мегрэ застегнул ремень безопасности и стал рассеянно смотреть в иллюминатор на удаляющееся море, потом на маленькие белые домики с красными крышами, разбросанные по темной зелени гор.

- Кофе или чай?

У комиссара был сердитый вид. Стюардесса, которая усердно старалась ему угодить, не получила в награду улыбки; а когда при ясном, без единого облака небе он увидел под собой Альпы, украшенные большими белыми полосами снега, не пожелал признать, что это великолепное зрелище. Меньше чем через десять минут после этого они вошли в легкий туман, который тянулся вдоль бортов самолета и быстро из прозрачной дымки превратился в белый пар, похожий на тот, который со свистом выпускают на вокзалах локомотивы.

В Женеве лил дождь, и чувствовалось, что он не только что начался, а шел уже давно. Было холодно, и все люди надели плащи.

Едва Мегрэ поставил ногу на трап, сверкнули фотовспышки. Журналисты не успели к его отлету, зато ждали его в момент прибытия - семь или восемь человек с блокнотами и вопросами.

- Мне нечего сказать...

- Вы едете в Лозанну?

- Не знаю...

Он оттеснил газетчиков в сторону с помощью очень любезного представителя "Свиссэйр", который, избавляя комиссара от формальностей и очередей, вывел его из здания аэровокзала через служебные помещения.

- У вас есть машина или вы поедете Лозанну поездом?

- Думаю, я возьму такси.

- Сейчас я вам его вызову.

За его такси поехали две машины, битком набитые репортерами и фотографами. Мегрэ, по-прежнему готовый ворчать на весь мир, пытался дремать в углу салона, но время от времени рассеянно бросал взгляд на мокрые от дождя виноградники и на мелькавшие за деревьями серые куски озерной глади.

Больше всего его злило, что в каком-то смысле другие решили за него, что ему делать. Он ехал в Лозанну не потому, что ему пришла на ум мысль поехать, а потому, что другие проложили ему дорогу, которая, хотел он или нет, вела туда.

Такси остановилось перед колоннами отеля "Лозанна-Палас". Фотографы стали обстреливать Мегрэ из своих аппаратов, а журналисты - задавать ему вопросы. Портье помог комиссару пробиться сквозь их строй.

Внутри отеля Мегрэ вновь оказался в обстановке, знакомой по "Георгу Пятому" и отелю "Париж". Можно было подумать, что те, кто постоянно переезжает с места на место, специально хотят всегда жить в одном и том же интерьере. Разве что здесь этот интерьер выглядел немного солиднее и тяжеловеснее, а черный редингот консьержа был слегка украшен чем-то золотым. Консьерж говорил на пяти или шести языках, как и другие его коллеги. Разница была лишь в том, что у этого во французской речи слышался небольшой немецкий акцент.

- Графиня Пальмиери здесь?

- Да, господин комиссар. В 204-м, как обычно.

В креслах вестибюля сидела, ожидая бог знает чего, азиатская семья: женщина в золотистом сари и трое детей, которые с любопытством смотрели на комиссара большими черными глазами.

Только что наступило десять часов утра.

- Я полагаю, она еще не встала?

- Полчаса назад позвонила, чтобы ей подали первый завтрак. Вы хотите, чтобы я дал ей знать о вашем приезде? Я думаю, она вас ждет.

- Известно вам, звонила ли она кому-нибудь по телефону и звонили ли ей?

- Тут вам лучше обратиться на телефонную станцию отеля... Ханс, проводи комиссара на коммутатор.

Нужное помещение оказалось в конце коридора, за комнатой регистрации въезжающих. Внутри сидели в ряд три женщины и переставляли штекеры в пульте.

- Не могли бы вы мне сказать...

В ответ:

- Подождите минуту... - И затем по-английски:

- Соединяю вас с Бангкоком, сэр...

- Не могли бы вы мне сказать, звонила ли графиня Пальмиери по телефону и отвечала ли на звонки со времени своего приезда?

Перед телефонистками лежали какие-то списки.

- Сегодня в час ночи ей звонили из Монте-Карло.

Это, конечно, "папа" ван Мелен, который между двумя танцами в "Спортинге" или, скорее, между двумя партиями в карты побеспокоился узнать, что у нее нового.

- Сегодня утром она звонила в Париж.

- По какому номеру?

Номер холостяцкой квартиры Марко на улице Этуаль.

- Ей ответили?

- Нет. Она оставила нам записку, чтобы ее соединили снова.

- Это все?

- Минут десять назад она снова запросила разговор с Монте-Карло.

- И говорила?

- Да, два раза по три минуты.

- Вы не будете так добры доложить ей о моем приходе?

- Охотно доложу, месье Мегрэ.

Какой идиотизм! Услышав, как говорят о графине, Мегрэ немного оробел перед ее титулом, и теперь это его унижало. В лифте он чувствовал себя юнцом, который вот-вот в первый раз увидит живую знаменитую актрису.

- Сюда...

Посыльный постучал в дверь. Чей-то голос ответил:

"Войдите". Дверь открыли, и Мегрэ оказался в гостиной, оба окна которой выходили на озеро.

Здесь никого не было. Из соседней комнаты, дверь которой была полуоткрыта, до него донеслось:

- Садитесь, господин комиссар. Через минуту я буду в вашем распоряжении...

Поднос - и на нем почти не тронутая яичница с беконом, булочки и раскрошенный на мелкие кусочки круассан. Комиссару показалось, что он расслышал характерный звук, который раздается, когда снова открывают уже начатую бутылку. Потом что-то зашелестело.

- Извините меня...

Мегрэ по-прежнему чувствовал себя как посетитель, заставший актрису в интимной обстановке: был сбит с толку и разочарован. Перед ним стояла женщина маленького роста с очень обыкновенной внешностью, почти без макияжа, бледная, с усталыми глазами. Рука, которую она ему протянула, была влажной и дрожала.

- Садитесь, прошу вас...

Мегрэ успел рассмотреть за полуоткрытой дверью неубранную постель, разбросанные в беспорядке вещи и аптечный пузырек на ночном столике.

Графиня села напротив него, натягивая на колени полы кремового шелкового халата, под которым была видна ночная рубашка.

- Я так огорчена, что создала вам столько трудностей...

Она выглядела на все свои тридцать девять лет, а сейчас, пожалуй, казалась даже старше. Под глазами были глубокие синеватые круги, от которых глазницы казались глубже, и возле каждой из ноздрей - по тонкой горестной морщинке.

Эта женщина не изображала утомление. Она действительно страшно устала и была на пределе своих сил. Мегрэ был готов поклясться, что она вот-вот заплачет. Графиня смотрела на комиссара, не зная, что сказать, и тут зазвонил телефон.

- Вы позволите мне?

- Прошу вас.

- Алло! Да, это я... Можете передать ей трубку... Да, Анна... С вашей стороны очень мило, что вы мне позвонили... Спасибо... Да... Да... Еще не знаю... Сейчас у меня гость... Нет. Не просите меня выходить... Да... Скажите ее высочеству спасибо. До скорой встречи. - Над верхней губой у нее блестели крошечные капельки пота, и, когда она говорила, Мегрэ почувствовал, что от нее пахнет спиртным. - Вы очень сердитесь на меня?

Это был вопрос жеманницы, но графиня не кокетничала. Она выглядела естественно и была слишком потрясена, чтобы набраться мужества для актерской игры.

- Все так ужасно, так неожиданно! И как раз в тот день, когда...

- Когда вы объявили полковнику Уорду, что решили с ним расстаться? Вы это хотите сказать?

Она кивнула:

- Я думаю, Жеф... то есть ван Мелен вам все рассказал, разве не так? И спрашиваю себя, что могу добавить...

Вы отвезете меня обратно в Париж?

- Вы этого боитесь?

- Не знаю... Он посоветовал мне следовать за вами, если вы так решите. Я делаю все, что он говорит. Он такой умный и такой добрый, настолько выше других!

Можно сказать, он все знает, все предвидит...

- Он не предвидел смерть своего друга Уорда...

- Но он предвидел, что я вернусь к Марко...

- Вы и Марко договорились об этом? Я думал, что, когда вы оказались лицом к лицу в кабаре, ваш первый муж был в обществе молодой голландки и вы не говорили с ним...

- Это верно, но все же я решила...

Кисти ее рук, которые, выглядели старше, чем лицо, нервно двигались, не останавливаясь ни на секунду; пальцы сплетались и стискивали друг друга так сильно, что кожа на суставах белела.

- Что я могу объяснить вам, если я не знаю сама, как это произошло? Все было хорошо. Я думала, что излечилась. Мы с Дэвидом были готовы пожениться и только ждали, пока будут подписаны последние бумаги... Дэвид был человек того же сорта, что ван Мелен - не совсем того же, но почти такой.

- Что вы хотите этим сказать?

- Папа, я это чувствую, всегда говорит мне то, что думает. Необязательно все, потому что не хочет утомлять меня подробностями, но я чувствую, что у нас с ним есть контакт, вы понимаете? А Дэвид - тот только смотрел на то, как я живу, своими большими глазами, и в них всегда был веселый огонек. Может быть, он смеялся не надо мной, а над собой. Он был похож на большого, толстого кота, очень лукавого и умного, как философ. - И графиня повторила:

- Вы понимаете?

- В начале вечера, отправляясь обедать с полковником, вы не имели намерения порвать с ним?

Она немного подумала:

- Нет. - Потом заговорила снова:

- Но я догадывалась, что однажды это случится.

- Почему?

- Потому, что это было не в первый раз. Я не хотела возвращаться к Марко, потому что хорошо знала...

Она прикусила губу.

- Вы знали что?

- Что все начнется сначала... У него нет денег, и у меня тоже нет. - Вдруг ее мысли приняли новое направление, и графиня заговорила быстро и отрывисто, словно опьяненная наркотиком:

- У меня нет своих денег, вы это знаете? Нет совсем ничего. Если бы ван Мелен не прислал деньги в банк сегодня утром, мне нечем было бы заплатить по чеку, который я подписала в аэропорту. И вчера он вынужден был дать мне денег на дорогу сюда. Я очень бедна...

- Ваши драгоценности...

- Драгоценности - да. И моя норка... Это все!

- Но полковник?..

Графиня вздохнула, окончательно потеряв надежду быть понятой.

- Это делается не так, как вы думаете... Он платил за мою квартиру или номер, оплачивал мои счета и поездки. Но у меня никогда не было денег в сумочке. Пока я оставалась с ним, они не были мне нужны...

- А когда вы стали бы его женой...

- Было бы примерно то же самое...

- Он ведь назначил содержание своим трем другим женам.

- Это после, когда он расставался с ними.

И Мегрэ задал грубый вопрос:

- Он поступал так для того, чтобы вы не давали денег Марко?

Графиня долго и пристально смотрела на него.

- Я так не думаю. Я не думала об этом. Дэвид сам тоже никогда не носил деньги в кармане. Счета оплачивал Арнольд в конце каждого месяца. Теперь мне сорок лет и...

Она огляделась так, словно хотела сказать, что должна расстаться со всем этим. Бороздки возле крыльев носа сделались глубже, и стало заметно, что у них желтоватый цвет. Графиня захотела встать, но не осмелилась без разрешения и спросила:

- Вы позволите мне выйти на минуту?

Она быстро перешла в спальню, закрыла за собой дверь, а когда вернулась в гостиную, Мегрэ снова почувствовал запах спиртного.

- Что вы ходили пить?

- Выпила глоток виски, раз уж вы хотите знать. Я падаю от усталости. Но иногда я по несколько недель не пью ничего...

- Кроме шампанского?

- Да, только бокал шампанского время от времени. Но когда я в таком состоянии, как сейчас, мне это необходимо...

Мегрэ готов был поклясться, что графиня пила сейчас жадно, прямо из бутылки, как некоторые наркоманы для скорости вкалывают себе дозу прямо через одежду.

Теперь ее глаза блестели ярче, и она стала разговорчивее.

- Я заверяю вас, что ничего тогда не решила. Я увидела Марко с этой женщиной, и для меня это было таким ударом...

- Вы знакомы с ней?

- Да... Она разведена. Ее муж занимается морскими перевозками и имел деловые отношения с Дэвидом...

Эти люди знали друг друга, оказывались рядом на административных советах, на пляжах, в кабаре, и, похоже, их женщины переходили из постели одного в постель другого так, словно это самый естественный поступок на свете.

- Я знала, что в Довиле она и Марко были близки.

Мне даже сказали, что она решила выйти за Марко, но я не поверила. Она очень богата, а у него ничего нет...

- И вы решили помешать этой свадьбе?

Графиня поджала губы, и они стали тоньше и жестче.

- Да...

- Вы думаете, Марко пошел бы на это?

Глаза графини стали влажными, но она не позволила себе заплакать.

- Не знаю... Я не подумала... Я следила за ними обоими... Он нарочно, когда в танце проходил мимо меня, держался очень прямо и даже не смотрел в мою сторону...

- То есть, если следовать логике, убитым должен был оказаться Марко?

- Что вы хотите сказать?

- У вас не возникала мысль убить его? Вы никогда не угрожали ему этим?

- Откуда вы это знаете?

- Он не считал вас способной на такое?

- Это сказал вам ван Мелен, верно?

- Нет.

- Все не так просто... За обедом мы уже выпили - в "Монсеньере" я выпила бутылку шампанского и, по-моему, еще два или три глотка виски из бокала Дэвида, - и я была готова устроить скандал, подойти и вырвать Марко из рук этой обнимавшей его женщины, омерзительно толстой и розовой, как младенец. Дэвид стал настаивать, чтобы мы ушли. В конце концов я пошла с ним. В машине я молчала, собиралась чуть позже уйти из отеля, вернуться в то кабаре и... Не знаю почему... Не просите меня быть точнее... Должно быть, Дэвид догадался. Это он предложил, чтобы мы выпили по последнему бокалу в моем номере...

- Почему в вашем?

Графиню этот вопрос поставил в тупик, и она озадаченно повторила:

- Почему? - Потом стала искать ответ словно бы для самой себя:

- У нас всегда было так заведено, что Дэвид приходил ко мне. Я думаю, он не любил, чтобы...

Он очень оберегал свою частную жизнь.

- Вы объявили ему, что намерены его покинуть?

- Я сказала ему все, что думала: что я просто-напросто сука, что я никогда не буду счастлива без Марко, что Марко достаточно только появиться, чтобы...

- И что он вам ответил?

- Он спокойно пил свое виски и смотрел на меня большими лукавыми глазами. В конце концов он возразил:

- А деньги? Вы же знаете, что Марко...

- Он говорил вам "вы"?

- Он ни к кому не обращался на "ты".

- Его замечание по поводу Марко было справедливым?

- У Марко большие потребности...

- Он никогда не думал о том, чтобы работать?

Графиня долго смотрела на Мегрэ с таким изумленным видом, словно этим вопросом он показал свою беспредельную наивность.

Что он мог бы делать? В конце концов я разделась...

- И между вами и Дэвидом что-то произошло?

Еще один изумленный взгляд.

- В этом смысле никогда ничего не происходило. Вы не понимаете... Дэвид тоже много выпил, он так пил каждую ночь перед сном.

- Третью бутылки?

- Не всю треть... Я знаю, почему вы меня об этом спросили... Это я выпила немного виски после того, как он ушел, потому что плохо чувствовала себя. Я хотела свалиться на кровать и больше ни о чем не думать. Я попыталась уснуть. Потом сказала себе, что с Марко все равно ничего не выйдет, что у меня с ним ничего не выйдет никогда и что лучше мне умереть...

- Сколько таблеток вы приняли?

- Не знаю... Полную горсть. Я почувствовала себя лучше. Я тихо плакала и начинала засыпать. Потом я представила себе свои похороны, кладбище и... Я стала бороться... Испугалась, что уже слишком поздно спастись и мне не хватит сил позвать на помощь. Я уже не могла больше кричать. Мне казалось, что кнопки звонка очень далеко. Рука была тяжелой. Знаете, это было как во сне, когда хочешь убежать, а ноги не двигаются. Должно быть, я дотянулась до кнопки, раз кто-то пришел...

Она замолчала, увидев, что лицо Мегрэ вдруг стало холодным и суровым.

- Почему вы так смотрите на меня?

- А почему вы лжете?

Мегрэ едва не попался на ее удочку.

- Когда вы пошли в спальню полковника?

- Это правда. Я забыла...

- Вы забыли, что ходили туда?

Она покачала головой и заплакала по-настоящему.

- Не будьте со мной жестоки! Клянусь вам, у меня не было намерения вам лгать.

Доказательство этого - что я сказала правду Жефу ван Мелену. Только когда я пришла в себя в той клинике, меня охватила паника, и я сначала решила притвориться, будто не знаю о том, что случилось. Я была убеждена, что мне не поверят и меня станут подозревать в убийстве Дэвида. Поэтому сейчас, разговаривая с вами, я забыла, что ван Мелен посоветовал мне ничего не скрывать.

- Через сколько времени после ухода полковника вы пошли к нему?

- Вы мне все еще верите?

- Смотря по обстоятельствам.

- Вот видите! Со мной всегда так бывает... Я делаю все, что могу. Мне нечего скрывать. Вот только у меня от всего этого голова распухла, и я уже не помню, на чем кончила. Вы не позволите мне пойти выпить глоток, всего один глоток? Я вам обещаю, что не буду пьяная... Я больше не могу этого выдержать, комиссар!

Мегрэ позволил графине сделать то, о чем она просила, и едва удержался, чтобы не попросить ее налить и ему бокал.

- Это было до того, как я проглотила таблетки. Я еще не решила умереть, но уже выпила виски. Я была пьяная, больная... Я жалела о том, что сказала Дэвиду... Я вдруг испугалась жизни... Представила, как я буду старая, совсем одна, без денег и не смогу зарабатывать себе на жизнь, потому что никогда ничего не умела делать. Дэвид - это был мой последний шанс. Когда я ушла от ван Мелена, я была моложе. Доказательство этого - то, что...

- Что потом вы нашли полковника.

Она, похоже, удивилась и была обижена резкостью этих слов.

- Думайте обо мне что хотите. По крайней мере я знаю, что вы ошибаетесь. Я боялась, что Дэвид меня бросит. Пошла в одной ночной рубашке, не накинув даже халата, в его номер, и увидела, что дверь приоткрыта...

- Я спрашивал у вас, сколько времени тогда прошло с того момента, как полковник расстался с вами.

- Не знаю... Вспоминаю, что выкурила несколько сигарет. Их, должно быть, нашли в пепельнице. Дэвид курил только сигары...

- Вы никого не видели в его номере?

- Только его самого... Я чуть не закричала... Может быть, и закричала. Я не уверена - да или нет.

- Он был мертв?

Графиня посмотрела на Мегрэ, широко раскрыв глаза: видимо, эта мысль впервые пришла ей в голову.

- Был... я думаю. Во всяком случае, я посчитала, что был, и убежала.

- Вы никого не встретили в коридоре?

- Нет... Хотя... подождите! Я слышала, как поднимался лифт... Я в этом не уверена, потому что бросилась бежать...

- Вы выпили еще?

- Может быть... Машинально... Тогда я пришла в отчаяние и проглотила таблетки. Остальное я вам уже рассказала. Нельзя ли...

Графиня, несомненно, хотела еще раз попросить у него разрешения выпить глоток виски, но тут зазвонил телефон, и она неуверенно протянула руку к трубке:

- Алло! Алло! Да, он здесь, да...

Мегрэ услышал спокойный голос Люка - это наконец был нормальный голос. Комиссар представил себе, как Люка сидит за своим письменным столом на набережной Орфевр, и сам успокоился, даже почти почувствовал прилив свежих сил.

- Это вы, шеф?

- Я собирался позвонить тебе позже...

- Я так и предполагал, но подумал, что лучше сразу сообщить вам. Марко Пальмиери здесь.

- Его нашли?

- Это не мы его нашли. Он пришел по своей воле минут двадцать назад, свежий и бодрый, держался очень непринужденно. Спросил, здесь ли вы, а когда ему ответили, что нет, попросил, чтобы ему дали поговорить с кем-нибудь из ваших сотрудников. Принял его я. Сейчас оставил его в вашем кабинете с Жанвье.

- Что он говорит?

- Что узнал обо всей этой истории только из газет.

- Вчера вечером?

- Нет, только сегодня утром. Он был не в Париже, а у друзей. У них замок в Ньевре, и они устраивали там охоту...

- Голландка была с ним?

- На охоте? Да. Они поехали туда вместе в ее машине. Он сказал мне, что они скоро поженятся. Ее зовут Анна де Гроот, и она разведена.

- Знаю... Продолжай...

Маленькая графиня слушала его, сжавшись в комок в своем кресле и кусая ногти, лак на которых облупился...

- Я спросил его, что он делал в позапрошлую, ночь.

- Ну и?..

- Он был в кабаре "Монсиньор".

- Знаю.

- С Анной де Гроот.

- Это тоже знаю.

- Он увидел там полковника со своей бывшей женой...

- Что потом?

- Голландка поехала к себе, и он с ней.

- Куда к себе?

- В "Георг Пятый", где она занимает номер на пятом этаже.

- Который час тогда был?

- По его словам, около половины четвертого утра, может быть, четыре. Я послал человека проверить это, но еще не получил ответ... Они легли спать, и он встал только в десять утра. Марко утверждает, что на охотничий праздник в замок банкира с улицы Обер их пригласили больше недели назад. Встав, Марко Пальмиери ушел из "Георга Пятого" и поехал к себе на такси за своим чемоданом. Он продолжал ездить на этом же такси, и сейчас оно стоит у нас перед входом. Он вернулся в "Георг Пятый", и около половины двенадцатого парочка отправилась в путь в "ягуаре" Анны де Гроот. Сегодня утром, в тот момент, когда он выезжал из замка на охоту, он машинально пробежал глазами газеты в холле замка и помчался в Париж, как был - в сапогах...

- Голландка поехала с ним?

- Нет, осталась там. Лапуэнт позвонил в замок, чтобы это проверить, и метрдотель подтвердил, что она среди охотников.

- Какое он производит впечатление?

- Держался очень непринужденно и выглядел искренним. Это молодой человек высокого роста, довольно симпатичный...

Черт побери! Они все симпатичные!

- Что мне с этим делать?

- Пошли Лапуэнта в "Георг Пятый". Пусть он подробно отследит, кто куда ходил в ту ночь, пусть расспросит ночных служащих.

- К этим людям ему придется идти на дом: они никогда не дежурят днем.

- Пусть идет. А что касается... - Комиссар предпочел не произносить это имя перед молодой женщиной, которая впивалась в него взглядом. - Что касается твоего посетителя, на этом этапе дела ты можешь только одно - отпустить его. Попроси его не покидать Париж. Приставь к нему кого-нибудь. Да... Да... Ну как всегда делается!

Я перезвоню тебе позже. Я не один... - Почему он в последний момент спросил:

- Какая там у вас погода?

- Прохладно; солнце выглянуло, но какое-то невеселое.

Когда он клал трубку, маленькая графиня вполголоса спросила:

- Это он?

- Кто?

- Марко. Это о нем вы говорили, да?

- Вы уверены, что не встретили его в коридорах "Георга Пятого" или в номере полковника?

Графиня выпрыгнула из кресла. Мегрэ испугался за нее: она была крайне возбуждена, на грани нервного припадка.

- Я об этом догадывалась! - закричала она, и ее лицо исказилось. - Он был там с ней, у меня над головой, да?

Был, я знаю! Она всегда останавливается в "Георге Пятом". Я выяснила, какой у нее номер. Они были там вдвоем, в постели... - Похоже, она ничего не замечала вокруг от гнева и ярости. - Они были там, и смеялись, и занимались любовью, когда я...

- А вы не думаете, что Марко скорее мог...

- Мог что?

- Держать голову полковника под водой?

Графиня не поверила своим ушам. Ее тело вздрогнуло под прозрачным халатом, и вдруг она бросилась на Мегрэ и стала колотить кулаками куда попало.

- Вы в своем уме? В своем уме? Вы смеете... Вы чудовище! Вы...

Мегрэ чувствовал, что выглядит смешно в этом гостиничном номере, пытаясь схватить руками запястья разъяренной женщины, чью энергию гнев увеличивал в десять раз.

Его галстук съехал набок, волосы растрепались, дыхание уже становилось чаще, но наконец он сумел ее остановить, и тут в дверь постучали.

Глава 6

В которой Мегрэ приглашают на завтрак и где по-прежнему идет речь о ВИП-персонах

Потасовка кончилась не так плохо, как опасался Мегрэ. Эти удары в дверь маленькой графине послал сам Бог, потому что они позволяли ей выйти из положения и закончить эту сцену, ибо она, без сомнения, не знала, как это сделать.

Она опять бросилась в спальню, а комиссар без лишней спешки поправил галстук, пригладил волосы и пошел открывать дверь в коридор.

Это был коридорный, обслуживавший этаж. Почему-то смущаясь, он спросил, нельзя ли ему забрать поднос от первого завтрака. Может быть, он слушал у двери или, не подслушивая специально, услышал отголоски скандала? Если и было так, он ничем этого не показал. Когда коридорный вышел, графиня снова появилась в гостиной, вытирая губы, и теперь была спокойнее.

- Я полагаю, вы намерены увезти меня в Париж?

- Даже если бы я этого желал, мне нужно было бы выполнить формальности, которые занимают довольно много времени.

- Мой здешний адвокат не позволил бы вам добиться моей выдачи. Но я сама хочу полететь туда, потому что непременно должна присутствовать на похоронах Дэвида. Вы летите четырехчасовым самолетом?

- Возможно, да, но вот вы на нем не полетите.

- Почему это, будьте добры объяснить?

- Потому, что я не желаю быть в дороге вместе с вами.

- Это мое право, разве не так?

Мегрэ подумал о журналистах и о фотографах, которые обязательно обстреляют его из своих фотоаппаратов и в Женеве, и в Орли.

- Может быть, это и ваше право, но если вы попытаетесь сесть в этот самолет, я найду более или менее законный способ помешать вам. Полагаю, вы не собираетесь сделать мне никакого заявления?

В общем, эта встреча закончилась трагикомедией, и, чтобы вернуться в свою привычную жизнь, комиссар после нее примерно полчаса разговаривал с Люка. Дирекция отеля догадалась предложить ему для этого маленький кабинет возле комнаты регистраторов.

Доктор Поль пока не прислал официального ответа, но уже дал Люка предварительный отчет по телефону. После вскрытия он был больше, чем когда-либо, уверен, что кто-то силой удерживал Дэвида Уорда в ванне, потому что никак иначе нельзя было объяснить кровоподтеки на плечах. С другой стороны, не было никаких травм затылка или спины, которые почти обязательно были бы обнаружены, если бы полковник поскользнулся, ударился о край ванны и потерял сознание.

Жанвье вел наблюдение за Марко. Как и следовало ожидать, первое, что сделал бывший муж маленькой графини, выйдя с набережной Орфевр, - позвонил Анне де Гроот.

Люка замучили телефонные звонки, среди которых многие были из крупных банков и финансовых компаний.

- Вы вернетесь сегодня днем, шеф?

- Да, четырехчасовым самолетом.

В тот момент, когда Мегрэ клал трубку телефона, ему передали конверт, который принес для него полицейский в форме. Это было очень милое письмо. Начальник лозаннской полиции писал, что счастлив, что наконец ему представился случай встретиться со знаменитым Мегрэ, и приглашал его позавтракать вместе "по-простому, на берегу озера, в спокойной деревенской гостинице, в кантоне Во".

Мегрэ, у которого было полчаса свободного времени, позвонил на бульвар Ришар-Ленуар.

Ты по-прежнему в Лозанне? - спросила мадам Мегрэ.

Накануне ей сообщили с набережной Орфевр об отъезде мужа, а утром она узнала новости о нем из газет.

- Я вылетаю обратно сегодня днем, но это не значит, что я приду домой рано. Не жди меня к обеду.

- Ты везешь с собой графиню?

Это, конечно, была не ревность, но первый раз в жизни комиссару показалось, что он расслышал в голосе жены беспокойство и одновременно едва заметную ироническую нотку.

- У меня нет никакого желания везти ее с собой.

- А-а!

Он зажег свою трубку, вышел из отеля и сказал консьержу, чтобы, если его будут спрашивать, тот ответил, что Мегрэ вернется через несколько минут. Два фотографа пошли за Мегрэ следом в надежде, что он чем-нибудь выдаст свои планы.

Но комиссар только рассматривал витрины, держа руки в карманах, потом зашел в табачный магазин и купил трубку, потому что улетел из Парижа так поспешно, что имел при себе только одну трубку, в кармане, а он к этому не привык.

Увидев марки табака, не известные во Франции, Мегрэ поддался искушению и купил несколько пачек трех марок.

Потом, почувствовав что-то вроде угрызений совести, он вошел в соседний магазин и приобрел для мадам Мегрэ носовой платок, на котором был вышит герб Лозанны.

Начальник полиции зашел за ним в условленное время. Он был высокий, спортивного телосложения и, должно быть, страстный лыжник.

- Вас не беспокоит то, что мы отправимся поесть в сельские места, за несколько километров отсюда? Не волнуйтесь из-за своего самолета: я велю отвезти вас в аэропорт на одной из наших машин.

Кожа у него была светлая, и щеки выбриты до блеска.

Внешность и манеры этого человека говорили о том, что он сохранил тесную связь с деревней, и Мегрэ действительно узнал от начальника полиции, что отец того был виноградарем и жил возле Веве.

Они сели за столик в деревенской гостинице на берегу озера. Кроме их мест, здесь был занят только один столик. За ним сидели местные жители и говорили между собой о хоровом обществе, членами которого были.

- Вы позволите мне выбрать блюда?

Начальник полиции заказал сушеное мясо из Гризона, деревенские ветчину и колбасу, а потом еще озерную рыбу - гольца.

Он то и дело смотрел на Мегрэ, и эти брошенные украдкой осторожные взгляды выдавали его любопытство и восхищение.

- Интересный экземпляр эта женщина, верно?

- Графиня?

- Да. Мы ведь ее тоже хорошо знаем, потому что часть года она живет в Лозанне. - И не без трогательной гордости начальник полиции объяснил:

- У нас маленькая страна, месье Мегрэ, но именно потому, что маленькая, доля очень важных особ - ВИП-персон, как сокращают эти слова англичане - в населении у нас больше, чем в Париже или даже на Лазурном берегу. У вас они, хотя их и больше, растворяются в общей массе. А здесь их невозможно не видеть. Правда, это те же люди, которых можно встретить на Елисейских полях и на Круазет.

Мегрэ в это время наслаждался заказанными блюдами и местным легким белым вином, которое ему подали в запотевшем от холода графине.

- Мы знаем и полковника Уорда, и почти всех, с кем вы сейчас имеете дело. Кстати, третья жена Уорда, Мюриэль, сегодня утром поспешно вылетела в Париж.

- Какую жизнь она ведет в Лозанне?

Голубые глаза его собеседника, когда тот что-нибудь обдумывал, становились светлее и казались почти прозрачными.

- Это нелегко объяснить. Она имеет квартиру, удобную, можно даже сказать роскошную, но небольшую, в новом доме в Уши. Ее дочь Эллен учится в пансионе, где ученицы в основном американки, англичанки, голландки и немки из лучших семей. У нас в Швейцарии много таких школ, и к нам присылают детей со всего мира.

- Знаю...

- Мюриэль Уорд - я говорю "Уорд", потому что развод не доведен до конца и она до сих пор носит эту фамилию - принадлежит к тому, что мы называем "клуб одиноких дам". Это, разумеется, не настоящий клуб: там нет ни устава, ни членских карточек, ни взносов. Мы так называем дам, которые по разным причинам приезжают в Швейцарию жить в одиночестве. Некоторые из них разведены, другие - вдовы, есть еще несколько знаменитых певиц и музыкантш и несколько жен, к которым иногда на время приезжают мужья. По каким причинам они живут здесь - это их дело, разве не так? Иногда это политические причины, иногда финансовые, а иногда и медицинские. Среди этих дам есть королевские высочества и женщины без титулов, богатейшие вдовы и женщины, у которых есть только скромные пенсии.

Начальник говорил все это тоном, немного похожим на тон экскурсовода, и с легкой улыбкой, которая окрашивала его юмором.

- Общее у них вот что: все они кто по имени, кто по богатству, кто еще почему-либо - очень важные особы, ВИП-персоны, как я говорил. Это объединяет их в группы, которые в разной степени дружат или враждуют между собой. Некоторые из этих дам весь год живут в "Лозанна-Палас", который вы уже видели. Самые богатые имеют виллу в Уши или замок поблизости. Они приглашают друг друга на чай, встречаются на концертах. Но разве в Париже не то же самое? Разница, я повторяю, в том, что здесь они более заметны. У нас тут есть и мужчины, почти со всего мира, которые решили жить в Швейцарии, кто круглый год, кто часть года. К примеру, если снова взять "Лозанна-Палас", там сейчас живут человек двадцать из семьи короля Сауда. Добавьте сюда делегатов международных совещаний - конференций ЮНЕСКО и разных других, которые проходят у нас в стране, - и вы поймете, что у нас много дел... Я думаю, что наша полиция, хотя работает тихо, не так уж плоха...

Если я могу быть вам полезен...

У Мегрэ постепенно появилась на лице та же улыбка, что и у его собеседника. Комиссар понимал, что, хотя швейцарцы и очень гостеприимны, тем не менее полиция у них очень хорошо информирована о том, что делают все эти известные личности.

В общем, все, что он сейчас услышал, значило: "Если у вас есть вопросы, то..."

И он вполголоса произнес:

- Похоже, Уорд прекрасно ладил со своими бывшими женами...

- А за что ему было на них сердиться? Он каждый раз сам покидал жену, когда она ему надоедала.

- Он был с ними щедрым?

- Не слишком щедрым. Давал столько денег, чтобы хватило на достойную жизнь, но не крупное состояние.

- Что представляет собой Мюриэль Хэллиген?

- Она американка. - В устах этого человека слово "американка" имело весь смысл, который можно в него вложить. - Я не знаю, почему полковник попросил развод именно в Швейцарии. Разве что у него были другие причины поселиться здесь. В любом случае развод тянется уже два года. Мюриэль наняла двух лучших адвокатов нашей страны и должна знать, сколько это ей будет стоить. Она выдвинула тезис, который, кажется, признают некоторые американские суды: что раз муж приучил ее к определенному образу жизни, он должен обеспечить ей тот же образ жизни до конца ее дней...

- Полковник не уступил?

- У него тоже отличные адвокаты. Три или четыре раза возникал слух, что достигнуто соглашение, но я не думаю, что последние бумаги уже подписаны.

- Я полагаю, пока продолжается процесс, эта женщина воздерживается от любовных приключений?

Полицейский из Лозанны налил вина в бокалы, и было заметно, что он наполняет их слишком медленно, словно хочет хорошо обдумать ответ.

- Приключений? Нет, этого нет. Как правило, у этих дам из клуба нет открытых любовных увлечений. Вы, я думаю, уже встречались с Джоном Т. Арнольдом?

- Он первый примчался в "Георг Пятый".

- Он холост, - лаконично сказал начальник полиции.

- И?..

- И одно время говорили, что у него нетрадиционные вкусы в этом отношении. Но от людей из obsługi тех гостиниц, где он живет, мне известно, что это совершенно не так.

- Что еще вы знаете?

- Он очень близок с полковником с давних пор. Он был для полковника доверенным лицом, секретарем, поверенным в делах. Полковник кроме законных жен всегда имел любовные приключения, достаточно короткие, чаще всего очень короткие, а случалось - всего на одну ночь или на один час. Так как полковник ленился ухаживать за женщинами, а при его положении в обществе ему было неудобно делать подобные предложения, например, танцовщице из кабаре или продавщице цветов, то этим занимался Джон Т. Арнольд...

- Понимаю.

- Тогда вы угадываете остальное. Арнольд брал комиссионные натурой. Утверждают, хотя у меня нет формальных доказательств, что он брал такой же сбор и с законных жен Уорда.

- Мюриэль?

- Он два раза приезжал к ней один в Лозанну. Но нет никаких доказательств, что приезжал не по поручению Уорда.

- Графиня?

- Несомненно! Он и другие. Когда она выпьет достаточно много шампанского, у нее часто возникает потребность поплакать на груди спутника-мужчины...

- Уорд об этом знал?

- Я был не настолько близко знаком с полковником Уордом. Вы забываете, что я всего лишь полицейский.

Оба улыбнулись. Забавный это был разговор: одни половинки фраз, и в каждой им двоим многое было понятно без слов.

- По-моему, Уорд знал много, но это его не очень волновало. Вы - я это узнал из сегодняшних утренних газет - встречались в Монте-Карло с господином ван Меленом, еще одним нашим подопечным. Он и Уорд были большими друзьями; они оба много прожили и не требовали от людей, в том числе от женщин, больше, чем те могут им дать. Оба были личности примерно одного масштаба с той только разницей, что ван Мелен хладнокровнее и лучше себя контролирует, а полковник позволял себе пить... Я полагаю, вы выпьете кофе?

Мегрэ чувствовал, что, наверно, долго будет помнить этот завтрак в маленьком ресторанчике, который напомнил ему закусовые на берегу Марны, но выглядел по-швейцарски солидно. Возможно, здесь меньше яркого своеобразия, зато больше уюта и уединения.

- Графиня полетит тем же самолетом, что и вы?

- Я ей это запретил.

- Все будет зависеть от того, сколько она выпьет в ближайшие четыре часа. Вы не хотите, чтобы она летела этим рейсом?

- Она достаточно заметная и достаточно неудобная спутница.

- Она не сядет в этот самолет, - пообещал начальник полиции. - Вас не очень затруднит провести несколько минут в наших кабинетах? Мои подчиненные так хотят познакомиться с вами.

Комиссару Мегрэ устроили радушный прием в сыскной полиции, в новом здании, на одном этаже с частным банком, над дамской парикмахерской. Мегрэ пожимал руки, улыбался, десять раз повторил одни и те же любезные слова, благодушный и довольный жизнью благодаря легкому вину из Во.

- А теперь вам пора в машину. Если вы задержитесь, нам придется всю дорогу ехать с включенной сиреной...

Мегрэ снова оказался в уже знакомой атмосфере аэровокзала. Опять призывы из громкоговорителя и бары, где пилоты в форме и стюардессы торопливо пьют кофе.

Потом - самолет, горы, не такие высокие, как утром, луга и фермы, которые он видел в разрывы между облаками.

В Орли его ждал Лапуэнт в одной из черных машин уголовной полиции.

- Поездка получилась хорошая, шеф?

Мегрэ вновь увидел парижские пригороды, а потом Париж под ясным предвечерним небом.

- Дождя не было?

- Ни капли. Я подумал, что будет лучше приехать встретить вас.

- Что нового?

- Я не все знаю: информацию собирает Люка. Я объездил часть ночной obsługi, и расстояние в результате получилось приличное, потому что большинство этих людей живут в пригородах.

- Что ты узнал?

- Ничего конкретного. Я попытался составить график прихода и ухода для всех. Это было трудно. В отеле живут, кажется, триста десять человек, и похоже, все они постоянно ходят то туда, то сюда, звонят по телефону, вызывают коридорного или горничную, такси, посыльного, маникюршу и не знаю, кого еще. Кроме того, служащие отеля боятся сказать лишнее, и многие отвечают уклончиво...

Продолжая вести машину, он вытащил из кармана листок бумаги и протянул его Мегрэ.

"Восемь часов вечера. Горничная третьего этажа входит в номер 332, где живет графиня, и видит графиню в пеньюаре, которой обрабатывает руки маникюриста.

- Вы пришли по поводу одеяла, Аннетта?

- Да, госпожа графиня.

- Зайдите, пожалуйста, через полчаса.

Восемь десять. Полковник Уорд находится в баре отеля вместе с Джоном Т. Арнольдом. Полковник, посмотрев на часы, расстаётся со спутником и поднимается в свой номер. Арнольд заказывает сэндвич.

Восемь двадцать две. Полковник из своего номера заказывает телефонный разговор с Кембриджем и около десяти минут говорит с сыном. Похоже, он регулярно звонил сыну два раза в неделю, всегда примерно в одно и то же время.

Около восьми тридцати. Арнольд в баре входит в телефонную кабинку. Звонил он, видимо, в Париж, потому что телефонистка на коммутаторе не зарегистрировала этот звонок.

Восемь сорок пять. Полковник из номера 347 звонит в номер 332, несомненно, чтобы узнать, готова ли графиня.

Около девяти часов. Полковник и графиня выходят из лифта, по пути оставляют ключи. Портье вызывает им такси. Уорд называет адрес ресторана на площади Мадлен".

Лапуэнт следил за тем, как продвигается чтение листка.

- Я сходил в этот ресторан, - пояснил он. - Тут зацепиться не за что. Они там обедали часто, и им всегда давали один и тот же столик. Три или четыре человека подошли к полковнику и пожали ему руку. Полковник и графиня, похоже, не ссорились. Пока графиня ела десерт, полковник, который его никогда не заказывает, зажег сигару и просмотрел вечерние газеты.

"Около одиннадцати тридцати. Полковник и графиня входят в кабаре "Монсиньор".

- Там, - сказал Лапуэнт, - они тоже постоянные посетители, и цыганский оркестр автоматически начинает играть всегда одну и ту же мелодию, когда входит графиня. Шампанское и виски. Полковник никогда не танцует.

Мегрэ представил себе полковника сначала в ресторане, где тот воспользовался тем, что не ел десерты, чтобы прочесть газету, а потом на обитой красным бархатом скамье без спинки в "Монсиньоре". Он не танцевал и не ухаживал за своей спутницей, потому что близко знал ее уже давно. Музыканты подошли к его столику и сыграли для него.

"Там они тоже постоянные посетители", - так сказал Лапуэнт.

Три вечера, четыре вечера в неделю? И в других городах - в Лондоне, Каннах, Риме, Лозанне - он ходил в кабаре, похожие на это почти как близнецы; там, должно быть, играли тот же мотив, когда графиня входила в дверь, и там полковник тоже не танцевал.

У него был в Кембридже взрослый шестнадцатилетний сын, с которым он раз в три дня несколько минут разговаривал по телефону, а в Швейцарии дочь, которой он, конечно, тоже звонил. И были три жены. Первая снова вышла замуж и вела жизнь, похожую на его собственную.

Затем Алиса Перрен, которая часть времени жила в Лондоне, а часть - в Париже, и, наконец, Мюриэль Хэллиген - та, что входит в клуб одиноких дам.

На улицах люди, закончившие работу, спешили ко входам в метро и автобусным остановкам.

- Мы приехали, шеф...

- Знаю...

Набережная Орфевр - двор, где уже начинает темнеть, лестница, погруженная в сероватый полумрак, несмотря на уже зажженные лампы.

Мегрэ не пошел сразу к Люка, а направился в свой кабинет, включил свет и сел на привычное место, держа перед собой записку Лапуэнта.

"Ноль пятнадцать. Уорда зовут к телефону. Откуда был звонок, я не смог узнать".

Мегрэ почти машинально протянул руку к телефонной трубке.

- Соедините меня с моей квартирой. Алло! Это ты? Я приехал... Да, я у себя в кабинете. Пока не знаю... Все идет хорошо. Нет, что ты!.. Уверю тебя... Из-за чего мне грустить?

Почему жена задала ему этот вопрос? Он просто соскучился и хотел услышать ее голос.

"Примерно половина первого. Появление Марко Пальмиери и Анны де Гроот в "Монсиньоре".

Анна де Гроот ушла из "Георга Пятого" в семь вечера одна. Она встретила с Марко у "Фуке", где быстро пообедали перед тем, как отправиться в театр. Ни он, ни она не были одеты по-вечернему. И у "Фуке", и в "Монсиньоре" их хорошо знают, и похоже, что их связь считается признанной обществом".

Мегрэ понимал, сколько нужно было ходьбы, чтобы составить этот отчет, и сколько терпения проявил Лапуэнт, чтобы получить такие неважные на первый взгляд сведения.

"Ноль пятьдесят пять. Бармен "Георга Пятого" объявляет пяти или шести клиентам, которые еще остаются в баре, что собирается его закрывать. Джон Т. Арнольд заказывает гаванскую сигару и уводит в вестибюль троих мужчин, с которыми перед этим играл в карты.

Я не смог точно установить, выходил ли Арнольд из бара в течение вечера. Бармен не может ответить на этот вопрос уверенно. До десяти вечера все столики были заняты, и все табуреты тоже. Тогда он видел Арнольда в левом углу возле окна в обществе трех недавно приехавших американцев, из которых один - кинопродюсер, второй - коммерческий агент актера. Они играли в покер. Я не смог узнать и того, был Арнольд знаком с ними раньше или познакомился только в тот вечер в баре. Они пользовались жетонами, но, когда закончили играть, бармен увидел, как они передают друг другу доллары. Он думает, что игра была крупная. Кто выиграл, он не знает.

Час десять. Коридорного вызывают в маленькую ампирную гостиную, которая устроена в глубине вестибюля, и спрашивают, можно ли еще заказать еду и напитки.

Он отвечает "да", и ему заказывают бутылку виски, содовую воду и четыре стакана. Четыре клиента бара облюбовали это место и продолжали там свою партию в покер.

Час пятьдесят пять. Войдя в ампирную гостиную, коридорный уже не обнаруживает там никого. Бутылка почти пуста, жетоны на столе, в пепельнице окурки сигар.

Я расспросил на этот счет ночного консьержа. Продюсера зовут Марк П. Джонс, и он сопровождает во Францию знаменитого американского комика, который должен снимать фильм или продолжение фильма на нашем Юге.

Второй, Арт Левинсон, - коммерческий агент этой кинозвезды. Третьего игрока консьерж не знает. Он много раз видел этого человека в вестибюле, но в отеле тот не живет. Консьерж считает, что видел, как этот человек в ту ночь вышел из отеля около двух часов. Я спросил, вышел ли вместе с ним Арнольд. Консьерж не смог ответить ни да, ни нет. Он в это время был у телефона: одна клиентка с шестого этажа жаловалась на соседей, которые сильно шумели. Консьерж сам поднялся вверх, чтобы учтиво попросить пару, о которой шла речь, вести себя потише".

Мегрэ откинулся на спинку стула и медленно набил табаком свою трубку, глядя на серые сумерки за окнами.

"Примерно два ноль пять. Полковник и графиня уходят из "Монсиньора", берут такси на стоянке перед кабаре и приказывают отвезти их в "Георг Пятый". Я легко нашел это такси. По дороге оба не сказали ни слова.

Два пятнадцать. Они приезжают в "Георг Пятый".

Каждый берет из рук консьержа свой ключ. Полковник спрашивает, есть ли для него какие-нибудь сообщения.

Их нет. Он и графиня о чем-то совещаются у двери лифта, который спустился не сразу. Не было похоже, чтобы они спорили.

Два восемнадцать. Дежурный коридорный по этажу вызван в номер 332. Полковник сидит в кресле; вид у него усталый, как обычно в эти часы. Графиня напротив него снимает туфли и растирает себе ступни. Она заказывает бутылку шампанского и бутылку виски.

Примерно три часа. Возвращается Анна де Гроот вместе с графом Марко Пальмиери. Они веселы и нежны друг с другом, но ведут себя сдержанно. Она немного оживленнее, чем он, - конечно, это действие шампанского. Друг с другом они разговаривают по-английски, хотя оба свободно говорят по-французски (голландка - с довольно сильным акцентом). Они поднимаются на лифте. Через несколько минут заказывают минеральную воду.

Три тридцать пять. Заработал телефон номера 332.

Графиня говорит телефонистке, что умирает, и просит позвать врача. Телефонистка сначала вызывает медсестру, потом звонит доктору Фреру".

Мегрэ быстро дочитал остальное, встал, открыл дверь кабинета инспекторов и увидел там Люка. Тот сидел у телефона возле своей лампы с зеленым абажуром.

- Не понимаю! - кричал осунувшийся от усталости Люка. - Я же вам говорю: не понимаю ни слова из того, что вы рассказываете... Я даже не знаю, на каком языке вы говорите. Нет у меня рядом переводчика... - Он положил трубку и вытер лоб. - Если я правильно понял, это был звонок из Копенгагена. Не знаю, говорили со мной по-немецки или по-датски. Это не прекращается с утра. Все спрашивают подробности...

Тут он смутился и встал перед шефом.

- Простите меня: я даже не спросил вас, хорошо ли прошла поездка. Кстати, вам звонили из Лозанны - сказать, что графиня поедет ночным поездом и будет в Париже в семь утра.

- Это она звонила?

- Нет, человек, с которым вы обедали.

Это было очень любезно, и Мегрэ оценил деликатность такого поступка. Помощь без шума... Начальник полиции не назвал своего имени. Но, говоря по правде, Мегрэ, который не сохранил его визитную карточку, уже забыл это имя.

- Что сегодня делал Арнольд? - поинтересовался комиссар.

- Прежде всего сегодня утром он побывал в гостинице "Бристоль" на улице Фобур-Сент-Оноре, где остановился Филпс, английский солиситор...

Этот не поселился ни в "Георге Пятом", слишком международном для него, ни в слишком французском "Скрибе", а решил поселиться напротив посольства Великобритании, словно хотел почувствовать себя ближе к родной стране.

- Они совещались в течение часа, потом пошли в американский банк на проспекте Оперы, после этого в английский банк на Вандомской площади. В обоих банках их сразу принимали директора. Они оставались там довольно долго. Ровно в двенадцать они расстались на Вандомской площади. Солиситор взял такси, возвратился в отель, где позавтракал в одиночестве.

- Арнольд?

- Прошел пешком через парк Тюильри - не спеша, как человек, у которого впереди много времени, при этом иногда смотрел на часы у себя на руке, чтобы убедиться в своей правоте. Он даже немного походил по книжным лавкам на набережных, листал там старые книги и смотрел гравюры. Без четверти час он пришел в отель "Гранд Огюстен". Там он стал ждать в баре, при этом пил мартини и просматривал газеты. Вскоре к нему подошла третья жена Уорда...

- Мюриэль Хэллиген?

- Да. Она привыкла останавливаться в этом отеле.

Похоже, она прилетела в Орли около половины двенадцатого, потом приняла ванну и полчаса отдохнула перед тем, как идти в бар...

- Она звонила по телефону?

- Нет...

Значит, о встрече с Арнольдом она договорилась из Лозанны, перед отъездом.

- Они завтракали вместе?

- Да, в маленьком ресторане, который похож на бистро, но очень дорогой; это на улице Жакоб. Торранс, который зашел туда вслед за ними, говорит, что еда там чудесная, но цены кусаются. Те двое беседовали спокойно, как старые друзья, и так тихо, что Торранс ничего не смог расслышать. Потом Арнольд отвез ее обратно в отель, взял такси и снова приехал к месье Филпсу. В

"Бристоле" телефон звонит без остановки - Лондон, Кембридж, Амстердам, Лозанна. Кроме того, они приняли в своем номере много посетителей, в том числе месье Демонто, парижского нотариуса, который пробыл там дольше остальных. В вестибюле ждет группа журналистов: они хотят знать, когда будут похороны и где будут хоронить - в Париже, в Лондоне или в Лозанне.

Кстати, говорят, что юридическое место жительства Уорда было в Лозанне. Кроме того, им интересно, что написано в завещании, но пока у них об этом нет совершенно никакой информации. И последнее: репортеры говорят, что с минуту на минуты здесь ждут обоих детей Уорда. Вы выглядите усталым, шеф...

- Нет... не знаю...

Мегрэ чувствовал себя вялым, и, правду говоря, ему трудно было бы сказать, о чем он думает. То же самое бывало с ним после плавания на корабле. Он еще чувствовал в своем теле отголосок движения самолета, и картины увиденного заполняли его ум, отгесняли одна другую. Все это произошло слишком быстро. Слишком много людей, слишком много впечатлений одно за другим. Йозеф ван Мелен, голый на кровати, в руках своего массажиста, потом он же в смокинге в тот момент, когда расставался с Мегрэ в вестибюле отеля "Париж", чтобы отправиться на торжественный обед в "Спортинг". Маленькая графиня с помятым лицом и морщинками на ноздрях, ее дрожащие руки алкоголички. Потом этот светловолосый начальник лозаннской полиции - как все-таки его зовут? - который наливал ему такое светлое, такое прохладное вино и улыбался искренне и с легкой иронией по отношению к тем, о ком говорил. Клуб одиноких дам...

Теперь еще появились четверо мужчин, игравших в покер сначала в баре, потом в ампирной гостиной...

И мистер Филпс в своем английском отеле напротив посольства Великобритании, и директора банков, которые так услужливо спешили принять его и Арнольда. Совещания, телефонные звонки, нотариус месье Демонто, журналисты в вестибюле на Фобур-Сент-Оноре и у дверей "Георга Пятого", хотя там уже больше не на что было смотреть...

Молодой студент, который, конечно, тоже в свою очередь станет миллиардером, вдруг узнал о себе в Кембридже, что его отец, который накануне звонил ему с континента из гостиницы, умер.

И девочка, школьница четырнадцати лет, которой ее подруги по пансиону, может быть, завидовали, потому что она уезжает, паковала чемоданы, чтобы лететь на похороны отца.

Маленькая графиня теперь, должно быть, уже пьяна, но это не мешает ей сесть на ночной поезд. Когда она ослабеет, ей достаточно выпить еще глоток, чтобы подняться снова. Пока не упадет.

- Можно подумать, что у вас есть идея, шеф?

- У меня?

Мегрэ разочарованно пожал плечами, а потом настала его очередь спрашивать:

- Ты очень устал?

- Не слишком сильно.

- В таком случае пойдем спокойно пообедаем вдвоем "У дофины".

Там они не увидят такого общества, как в "Георге Пятом", или в самолетах, или в Монте-Карло и Лозанне.

В этой пивной сильно пахнет едой, как в деревенской гостинице. Хозяйка - у плиты, хозяин - за покрытой оловом стойкой, дочь помогает официанту обслуживать клиентов.

- А потом?

- Потом я хочу начать все заново, как будто ничего не знаю, как будто не знаком с этими людьми...

- Мне пойти с вами?

- Не стоит. Эту работу я больше люблю делать один...

Люка знал, что это значит. Мегрэ сейчас пойдет бродить по проспекту Георга Пятого, будет ходить там, маленькими глотками втягивать дым своей трубки, бросать взгляды то налево, то направо, присаживаться то тут, то там и почти сразу вставать, словно он не знает, куда деть свое большое тело.

Никто, даже сам Мегрэ, не мог сказать, сколько времени это будет продолжаться, и сейчас в этом незнании не было ничего хорошего.

Кто-то, увидев однажды комиссара в таком состоянии, не слишком вежливо заметил:

- Он похож на большого больного зверя!

Глава 7

В которой Мегрэ не только чувствует себя нежеланным, но более того - к нему относятся с подозрением

Мегрэ поехал на метро, потому что времени у него было вполне достаточно и этой ночью он совершенно не собирался трогаться с места. Можно было подумать, что он специально ел слишком много, чтобы чувствовать себя еще более тяжелым. Когда он расстался с Люка на площади Дофина, тот собрался что-то сказать, даже открыл рот, но никак не решался начать, и комиссар подбодрил его взглядом.

- Нет... Ничего... - решил Люка.

- Скажи...

- Я собирался спросить вас, стоит ли мне ложиться спать.

Когда шеф бывал в таком настроении, это, как правило, означало, что осталось уже немного времени до того, как в стенах его кабинета разыграется последний акт драмы.

А это, как нарочно, происходило почти всегда по ночам, когда во всем остальном здании было темно, и иногда нескольким сотрудникам Мегрэ приходилось сменять друг друга напротив того человека - мужчины или женщины, - который входил в дом на набережной Орфевр как просто подозреваемый, чтобы через больший или меньший промежуток времени выйти оттуда в наручниках.

Мегрэ понял этот скрытый смысл слов Люка. Он не был суеверным, но не любил торопить события, а в такие моменты сомневался в своей правоте.

- Иди спать.

Было не жарко. Вчера утром он вышел из дому, уверенный, что в двенадцать дня вернется завтракать туда же, на бульвар Ришар-Ленуар. Только вчера? Ему казалось, что все это началось гораздо раньше.

Он вышел из метро на проспекте Елисейских полей, который сверкал всеми своими огнями. Поздняя осень выдалась такой теплой, что террасы и теперь были полны народа. Держа руки в карманах пиджака, Мегрэ свернул на проспект Георга Пятого. Перед знакомым отелем великан в форме удивленно посмотрел на него, когда увидел, как он толкает вращающуюся дверь.

Это был ночной портье, а служащие, которых Мегрэ видел накануне, были из дневной смены. И портье, разумеется, спрашивал себя, что собирается здесь делать этот хмурый человек, который не живет в отеле и у которого костюм помят в дороге.

Посыльный, стоявший на посту по другую сторону вращающейся двери, проявил такое же любопытство и удивление и едва не спросил у Мегрэ, чего тот хочет.

Около двадцати человек рассредоточились по всему вестибюлю. Большинство были одеты в смокинги или вечерние платья, на женщинах были норковые манто и бриллианты, и, выйдя из облака одних духов, Мегрэ сразу оказывался в облаке других.

Посыльный, не сводивший с него глаз, был готов пойти за ним и окликнуть незнакомого посетителя, если тот зайдет слишком далеко, и Мегрэ предпочел направиться к регистрационной стойке. Служащие в черных куртках, которых он увидел там, были ему неизвестны.

- Месье Жиль у себя в кабинете?

- У себя. Что вам надо?

Мегрэ часто замечал в гостиницах, что служащие ночной смены не так вежливы, как те, которые работают днем. Почти всегда можно было сказать, что это служащие второго сорта, которые злятся на весь мир за то, что он заставил их жить перевернутой жизнью - работать, когда все спят.

- Комиссар Мегрэ... - вполголоса представился он.

- Желаете подняться наверх?

- Возможно, поднимусь. Я только хочу предупредить вас, что намерен какое-то время ходить по вашему отелю. Ничего не бойтесь. Я постараюсь быть как можно менее заметным.

- Ключи от номеров 332 и 347 теперь не у консьержа.

Они здесь, у меня. По просьбе следователя эти номера оставили в том виде, в каком они были.

- Знаю...

Мегрэ засунул эти ключи в карман. Почувствовав себя неудобно в шляпе, он поискал, куда ее положить, и в конце концов положил в одно из кресел, а сам сел в другое, как делали те, кто ждал кого-то в вестибюле.

Со своего места он увидел, что регистратор въезжающих берет трубку телефона, и понял: этот человек сообщает директору о его приходе. Через несколько минут Мегрэ получил доказательство своей правоты: служащий в куртке подошел к нему.

- Я говорил по телефону с месье Жилем. Сейчас я дам указания служащим, чтобы они позволили вам ходить, где вам хочется. Но все же месье Жиль советует вам...

- Знаю! Знаю! Месье Жиль живет здесь, в отеле?

- Нет, у него особняк в Севре...

Чтобы опросить ночного консьержа, Лапуэнт должен был ехать в Жуанвиль. Бармен - Мегрэ это знал - жил еще дальше от Парижа, в долине Шеврез, сам ухаживал за довольно большим огородом, выращивал кур и уток.

Разве это не странно? Клиенты платят заведомо высокие цены за то, чтобы спать в двух шагах от Елисейских полей, а служащие, по крайней мере те из них, кто может позволить себе эту роскошь, убегают отсюда в деревню, как только кончают работать.

Группы стоящих людей, и прежде всего одетых по-вечернему, состояли из тех, кто еще не обедал и ждал, пока их кружок соберется в полном составе, чтобы ехать к "Максиму", в "Серебряную башню" или еще в какой-нибудь ресторан того же класса. Такие люди были и в баре - эти выпивали последний коктейль перед тем, как перейти к самой важной для них части дня: обеду и послеобеденному отдыху.

Это же, видимо, происходило и позавчера, и картина была точно такая же. Продавщица цветов в своем киоске готовила бутоньерки. Театральный киоскер раздавал опаздывающим клиентам заказанные билеты. Консьерж объяснял, куда идти, тем, кто этого еще не знал.

Мегрэ после обеда выпил рюмку кальвадоса - из чувства противоречия, именно, потому, что должен был возвратиться туда, где никто никогда не пьет кальвадос и тем более бургундскую виноградную водку. Там пьют виски, шампанское, из коньяков - хороший "Наполеон".

Группа южноамериканцев приветствовала криками "браво" молодую женщину в норковой шубе палевого цвета, которая суетливо выпрыгнула из лифта и удачно обеспечила себе встречу на уровне кинозвезды.

Была ли она красива? О маленькой графине тоже говорили, что она удивительная женщина, но Мегрэ видел ее вблизи, без косметики, даже застал ее пьющей виски из горла - так отхлебнула бы большой глоток красного вина пьянчужка с набережных.

Почему уже несколько минут Мегрэ казалось, что он живет на корабле? Атмосфера этого вестибюля напомнила ему, как он ездил в Соединенные Штаты, когда один американский миллиардер - опять миллиардер! - очень просил его распутать одно дело. Он вспомнил, что рассказал ему полицейский комиссар корабля, когда они однажды ночью остались последними в салоне после в достаточной степени детских игр, которые там были устроены.

- Вы знаете, комиссар, что в первом классе три человека обслуживают одного пассажира?

Действительно, на мостиках, в салонах, в коридорах через каждые двадцать метров ему попадался навстречу человек в белой куртке или в форме, готовый оказать какую-то услугу.

Здесь то же самое. В спальнях было по три кнопки: вызов метрдотеля, горничной и лакея. И возле каждой кнопки был изображен силуэт - соответствующего слуги (разве не все клиенты умеют читать?).

У входной двери в желтоватом свете фонаря стояли по стойке "смирно", как у входа в казарму, носильщики в зеленых фартуках, а кроме них два или три портье и несколько водителей (швейцары и извозчики!). И во всех углах были еще люди в униформе, которые стояли навтыжку, глядя перед собой, и ожидали приказа.

- Хотите верить, хотите нет, - говорил дальше корабельный комиссар, - но самое трудное на корабле - не поддерживать работу машин, не управлять его движением, не вести его в плохую погоду, не прибыть вовремя в Нью-Йорк или Гавр. Кормить столько людей, сколько живет в целом городском районе, и поддерживать порядок в спальнях, салонах и столовых тоже не самое трудное. Больше всего у нас хлопот... - Тут он помолчал, выдерживая паузу. - С тем, как развлечь пассажиров. Их нужно чем-то занимать с того момента, как они встают, до того, как они ложатся спать, а некоторые ложатся только на рассвете...

Вот почему, как только заканчивался первый завтрак, на мостике подавали бульон. Потом начинались игры, коктейли. Затем икра, гусиная печенька и горячие омлеты.

- По большей части это люди, которые все видели и перепробовали все развлечения, какие можно придумать, но мы все-таки должны во что бы то ни стало...

Чтобы не задремать, Мегрэ встал и отправился искать ампирную гостиную. В конце концов он ее нашел - слабо освещенную, торжественную и пустую в этот час, если не считать старого седого господина в смокинге, который спал в кресле, открыв рот и держа в руке потухшую сигарету. Немного дальше Мегрэ заметил столовую. Метрдотель, стоявший на страже у ее двери, смерил его с ног до головы внимательным взглядом и не предложил ему столик. Может быть, он понял, что Мегрэ не настоящий клиент?

Мегрэ заглянул внутрь столовой, несмотря на то что метрдотель, судя по выражению его лица, этого не одобрял. Около десяти расставленных под люстрами столиков были заняты.

У комиссара стала возникать идея, правда, она была не слишком оригинальной. Он прошел мимо лифта, рядом с которым стоял на посту светловолосый молодой человек в униформе оливкового цвета. Это был не тот лифт, в котором он ехал накануне с директором. Еще в одном месте Мегрэ обнаружил третий лифт.

Те, кто видел комиссара, провожали его взглядом.

У начальника службы приема вряд ли было столько времени, чтобы предупредить всех служащих; он, конечно, только дал знать начальникам остальных служб о присутствии Мегрэ в отеле.

У Мегрэ не спрашивали, чего он хочет, что ищет или куда идет, но он оказывался вне поля зрения недоверчивых глаз только в тот момент, когда переходил в другой сектор, который тоже был под наблюдением.

Его маленькая идея... Она была еще нечеткой, но Мегрэ все же чувствовал, что открыл для себя нечто важное.

Его открытие можно было коротко сформулировать так: эти люди - он имел в виду клиентов "Георга Пятого", Монте-Карло, Лозанны: Уордов, ван Меленое, графинь Пальмиери - в общем, всех тех, кто ведет этот образ жизни, - так вот, разве эти люди не будут чувствовать себя потерявшимися, незащищенными, как будто безоружными и голыми, бессильными, неловкими и хрупкими, как младенцы, если их вдруг погрузить в обычную жизнь?

Могли бы они, толкаясь, влезть в вагон метро, найти нужный поезд в железнодорожном расписании, спросить билет в кассе, нести чемодан?

С того момента, как они выходят из своего номера, до момента, когда вселяются в такой же номер в Нью-Йорке, Лондоне или Лозанне, им не нужно заботиться о своем багаже: он переходит из рук в руки как будто без ведома хозяина, и тот находит свои вещи на месте в ящиках мебели. И сами эти люди тоже переходят из рук в руки...

Что сказал ван Мелен о достаточно сильном интересе!

Кто-то, у кого есть достаточно сильный интерес, чтобы убить...

Мегрэ становилось ясно, что речь не обязательно могла идти о достаточно крупной сумме. Он даже начинал понимать разведенных американок, которые требовали, чтобы им дали до конца их дней вести тот образ жизни, который сделал для жены привычным ее бывший муж.

Он плохо представлял себе, как бы маленькая графиня вошла в бистро, заказала себе чашку кофе со сливками и позвонила из телефона-автомата.

Разумеется, это мелочи. Но разве не часто как раз мелочи и оказываются самым важным. Могла бы Луиза Пальмиери в своей квартире отрегулировать отопление, зажечь газовую плиту на кухне, приготовить себе яйца всмятку?

Идея комиссара была сложнее, чем эти мысли, была такой сложной, что ей не хватало четкости.

Сколько их в мире - тех, кто перелетает с места на место, уверенный, что везде найдет те же стены и вещи вокруг, ту же услужливую заботу о себе, можно сказать, тех же людей, которые вместо них занимаются мелочами жизни?

Несколько тысяч - это точно. Комиссар полиции с корабля "Свобода" сказал ему еще вот что:

- Невозможно придумать ничего нового, чтобы их развлечь, потому что они держатся за свои привычки...

Так же они дорожат знакомой обстановкой. Везде одинаковые интерьеры, разница только в немногих деталях. Может быть, это способ успокоить себя, создать для себя видимость того, что ты дома? Даже зеркала в спальнях и вешалки для галстуков всюду на одних и тех же местах.

- Нет смысла браться за наше дело, если у тебя нет памяти на лица и имена...

Это сказал не корабельный комиссар, а консьерж из отеля на Елисейских полях, где Мегрэ вел расследование двадцать лет назад.

- Клиенты требуют, чтобы их узнавали, даже если они приезжали только один раз.

Вероятно, от этого им тоже становится спокойнее.

Понемногу Мегрэ делался менее суровым по отношению к этим людям. Они как будто чего-то боялись - себя самих, действительности, одиночества. Они кружились в тех немногих местах, о которых точно знали, что там получают те же самые услуги и те же самые знаки внимания, будут есть те же блюда и пить то же шампанское или то же виски.

Может быть, им от этого не было весело, но после того, как они однажды вошли в эту колею, они были не в состоянии жить иначе.

Не это ли достаточная причина? Мегрэ начал думать, что так оно и есть, и сразу увидел смерть полковника Уорда с новой точки зрения.

Кто-то из окружения полковника оказался (или посчитал, что оказался) под угрозой в один миг быть выброшенным в такую жизнь, как у всех, и ему не хватило мужества вынести это. И еще должно быть так, чтобы исчезновение Уорда позволяло этому "кому-то" продолжать вести ту жизнь, от которой он не мог отказаться.

О завещании ничего не было известно. Мегрэ не знал, у какого нотариуса или солиситора оно хранилось. Джон Т. Арнольд дал ему понять, что завещаний может быть несколько у разных юристов.

Может быть, он зря теряет время на эту ходьбу по коридорам "Георга Пятого"? Не лучше ли пойти спать и ждать, что будет?

Мегрэ вошел в бар. Ночной бармен тоже не знал его, но один из официантов узнал комиссара по фотографиям и тихо заговорил со своим начальником. Тот нахмурил брови: то, что он обслуживает комиссара Мегрэ, не льстило ему, а скорее его беспокоило.

В баре было много народу, много дыма от сигар и сигарет и только одна трубка кроме трубки самого комиссара.

- Что вы желаете?

- Есть у вас кальвадос?

Он не видел искомого на полке для напитков, где стояли в ряд все сорта виски. Однако бармен где-то откопал бутылку кальвадоса и взял в руку огромный бокал-шар для дегустации, как будто здесь не знали других бокалов для спиртного.

Говорили в баре в основном по-английски. Мегрэ узнал одну посетительницу в небрежно наброшенном на плечи норковом палантине. Эта женщина имела дело с полицией, когда работала на Монмартре и была под началом у мелкого сутенера-корсиканца.

Это было два года назад, и она не теряла время зря: у нее на пальце поблескивало кольцо с бриллиантом, а на запястье - браслет с такими же камнями. Тем не менее она снизошла до полицейского - узнала Мегрэ и подмигнула ему - точнее, это было едва заметное движение век вниз и снова вверх.

В дальнем конце бара Мегрэ заметил троих мужчин за столиком слева, у занавешенного шелковыми шторами окна, и совершенно наугад спросил:

- Это не продюсер Марк Джонс?
- Маленький толстяк? Да.
- А кто из них Арт Левинсон?
- Тот, у которого очень темные волосы и очки в черепаховой оправе.
- А третий кто?
- Я видел его много раз, но не знаю, кто он.

Бармен отвечал неохотно, словно чувствовал отвращение от того, что предает своих клиентов.

- Сколько я вам должен?
- Не надо об этом...
- Я все же хочу заплатить.
- Как хотите...

Мегрэ не поехал на лифте, а медленно поднялся пешком на четвертый этаж, по дороге отметив в уме, что, видимо, мало кто из клиентов топчет красный ковер, которым покрыта лестница. Навстречу ему шла одетая в черное женщина с тетрадью в руках и карандашом за ухом. Должно быть, она занимала не последнее место в иерархии служащих отеля. Мегрэ, заметив связку ключей у нее на поясе, предположил, что она управляла горничными и распределяла простыни и салфетки на нескольких этажах.

Женщина обернулась, чтобы посмотреть на него, и, кажется, на секунду замерла на месте, решая, как быть. Вероятно, потом она сообщила в дирекцию, что за кулисами "Георга Пятого" находится какой-то странный тип.

Именно так: сам того не желая, Мегрэ вдруг попал за кулисы. Он толчком открыл дверь, через которую вошла женщина, и обнаружил еще одну лестницу, более узкую и без ковра. Стены здесь тоже были не такие белые. За другой, приоткрытой дверью виднелась маленькая кладовая, можно сказать, чулан, заставленная метлами и швабрами. В середине чулана лежала огромная куча грязного белья.

Людей поблизости не было. Никого не было и этажом выше, в другой, более просторной комнате, где стояли некрашенные деревянные стол и стулья. На столе лежал поднос, а на нем лежали кости от котлет, соус и несколько холодных ломтиков жареного картофеля.

Над дверью этой комнаты Мегрэ увидел звонок и три лампы, все разного цвета.

За один час он много увидел, встретил несколько человек - коридорных, горничных, лакея, который натирал кремом туфли. Большинство этих людей смотрели на него с удивлением и недоверчиво провожали его взглядом. Но, за единственным исключением, никто с ним не заговорил.

Может быть, они думали, что раз Мегрэ здесь находится, значит, имеет на то право? Или за его спиной они торопливо звонили в дирекцию?

Мегрэ встретил рабочего в спецовке с инструментами водопроводчика в руках: видимо, где-то в отеле были неполадки с трубами. Этот рабочий с папиросой в углу рта оглядел комиссара с ног до головы и спросил:

- Вы что-то ищете?
- Нет, благодарю вас.

Водопроводчик, пожав плечами, пошел дальше, свернул в сторону и, наконец, исчез за одной из дверей.

Мегрэ мало интересовали два уже знакомых ему номера, поэтому он поднялся выше четвертого этажа, чтобы лучше освоиться в этих местах. Он уже научился узнавать те двери, которые отделяли коридоры с безупречно окрашенными стенами и толстыми коврами от менее роскошных кулис и узких лестниц.

Переходя с одной из этих половин отеля на другую, все примечал: тут - подъемник для подачи блюд, там - уснувший на своем стуле коридорный, еще где-то - две горничные, рассказывавшие друг другу о своих болезнях.

В конце концов комиссар оказался на крыше и вдруг с удивлением увидел у себя над головой звезды и цветной ореол в небе от освещения Елисейских полей.

Здесь Мегрэ оставался довольно долго. Он вытряхнул табак из трубки, походил по смотровой площадке, время от времени наклоняясь над балюстрадой, чтобы посмотреть на автомобили, которые бесшумно скользили по проспекту, останавливались перед отелем и снова отъезжали, полные богато одетых женщин и мужчин в черно-белой одежде.

Напротив отеля он видел ярко освещенную улицу Франциска Первого и английскую аптеку на углу этой улицы и проспекта Георга Пятого. Аптека была открыта.

Она дежурная? Или всегда открыта по вечерам? Она, должно быть, отлично зарабатывает на постояльцах "Георга Пятого" и соседнего отеля "Принц Уэльский", которые берегут себя и при этом ведут ночную жизнь, перевернув обычный распорядок дня.

Слева была улица Христофора Колумба, более спокойная, освещенная только красной неоновой вывеской ресторана или ночного клуба. Вдоль обеих ее тротуаров во всю их длину дремали большие блестящие автомобили.

Сзади, на улице Магеллана, был бар для шоферов; такие бары встречаются в богатых кварталах. Мужчина в белой куртке - конечно, коридорный или официант - пересек эту улицу и вошел в бар.

Ум Мегрэ работал медленно, так что комиссар долго искал ту дорогу, которая привела его на крышу. Потом он заблудился и случайно увидел, как метрдотель доедает остатки ужина с подноса.

Когда Мегрэ снова появился в баре, было уже одиннадцать часов, и клиентов становилось меньше. Трое американцев, которых он заметил раньше, были по-прежнему здесь, на том же месте, и играли в покер с еще одним человеком, тоже американцем, худым и невероятно высоким.

Туфли на высоких каблуках, которые носил этот четвертый, в первую минуту были для комиссара любопытной загадкой. Потом он понял, что это ковбойские сапоги, пестрые кожаные голенища которых скрывали брюки. Значит, американец - из Техаса или Аризоны.

Этот выражал свои чувства более бурно, чем остальные трое, говорил громко. Можно было подумать: он вот-вот вытащит револьвер из-за пояса.

Мегрэ сел на один из табуретов, и бармен спросил его:

- То же, что раньше?

Мегрэ кивнул и в свою очередь задал ему вопрос:

- Вы его знаете?

- Имя - нет, но знаю, что это владелец нефтяных скважин. Похоже, его насосы работают сами собой, и этот человек, ничего не делая, зарабатывает миллион в день.

- Он был здесь позавчера вечером?

- Нет. Он прилетел сегодня утром. А завтра снова улетает в Каир и дальше в арабские страны, где у него есть деловые интересы.

- А остальные трое были?

- Да.

- С Арнольдом?

- Подождите... Позавчера... Да... Один из ваших инспекторов уже расспрашивал меня об этом.

- Знаю... Кто такой третий, тот, у кого самые светлые волосы?

- Я не знаю его имени. Он не живет у нас в отеле. По-моему, он поселился в "Крийоне". Мне говорили, что он владеет сетью ресторанов.

- Он говорит по-французски?

- Нет, и остальные тоже нет, кроме месье Левинсона, который жил в Париже, когда еще не был агентом кинозвезды...

- Вы знаете, чем он тогда занимался?

Бармен пожал плечами.

- Не могли бы вы задать от моего имени вопрос тому, кто живет в "Крийоне"?

Бармен поморщился, но не осмелился сказать "нет" и без всякого воодушевления спросил:

- Какой вопрос?

- Я бы хотел знать, где он расстался с месье Арнольдом, когда вышел из отеля "Георг Пятый"?

Бармен пошел к столику четырех игроков, готовя для них свою дежурную улыбку. Он наклонился к третьему, тот с любопытством посмотрел в сторону Мегрэ, потом - узнав, кто такой комиссар, - это же сделали трое остальных.

Объяснение продолжалось дольше, чем можно было ожидать.

Наконец бармен вернулся, а в левом углу тем временем снова началась прерванная партия.

- Он спросил меня, почему вам нужно это знать, и указал мне, что на его родине дела так не делаются. Он не сразу вспомнил. Позавчера он много выпил. То же будет и сегодня вечером к часу закрытия. Они продолжили партию в ампирной гостиной...

- Это я знаю.

- Он проиграл десять тысяч долларов, но сейчас отыгрывается.

- А выиграл Арнольд?

- Этого вопроса я не задавал. Он считает, что вспомнил, как они пожимали друг другу руки у двери ампирной гостиной. Ему казалось, что Арнольд, с которым он знаком всего несколько дней, живет в "Георге Пятом".

Мегрэ никак не отреагировал. Потом он целых пятнадцать минут неподвижно просидел перед своим бокалом, рассеянно наблюдая за игроками. Девушка, которую он узнал, в баре больше не было, но была другая того же сорта, единственная на весь бар, у которой пока еще были фальшивые бриллианты. Похоже, что она так же сильно интересовалась карточной партией, как Мегрэ.

Комиссар взглядом показал на нее бармену:

- Я думал, что вы не позволяете таким особам...

- В принципе не позволяем. Но для двух или трех, которые нам знакомы и умеют держать себя в обществе, делаем исключение. Это почти необходимость. Иначе клиенты начинают подбирать вне отеля неизвестно кого, и вы не можете себе представить, что за экземпляры они иногда приводят с собой...

На секунду Мегрэ подумал, что... Нет! Во-первых, у полковника ничего не украли... Кроме того, это не вяжется с его характером...

- Вы уходите?

- Может быть, я скоро вернусь...

Мегрэ хотел дожидаться, пока наступит три часа утра, так что времени у него было много. Не зная, куда себя деть, он снова стал бродить по отелю, то на половине клиентов, то на половине служащих. Чем дольше продолжалась ночь, тем меньше народа ходило по обеим половинам. Мегрэ видел две или три пары, возвращавшиеся из театра, слышал звонки, которыми вызывали служащих, встретил коридорного, который нес бутылки пива на подносе, и другого коридорного, который готовился подать кому-то полный обед.

В какой-то момент он почти столкнулся на повороте коридора с начальником службы приема.

- Я вам не нужен, комиссар?

- Спасибо, нет.

Заведующий приемом сделал вид, что находится здесь, чтобы услужить ему, но Мегрэ был убежден: этот человек пришел сюда выяснить, что он делает.

- Большинство клиентов возвращаются не раньше трех часов утра...

- Знаю. Спасибо.

- Если вам что-то нужно...

- Я попрошу это у вас...

Потом заведующий приемом еще раз подошел к нему.

- Я точно отдал вам те ключи?

Этому человеку явно было неуютно от присутствия комиссара в отеле. Несмотря на это, Мегрэ продолжал бродить по "Георгу Пятому". В конце концов он оказался на подвальной этажке, огромном как склеп под собором, и краем глаза увидел, как рабочие в синей одежде трудятся в котельной, которая могла бы быть кочегаркой корабля.

Здесь на него тоже оглядывались. Служащий, сидевший в застекленной кабинке, отмечал, сколько бутылок вынуто из винных погребов. На кухне женщины мыли плиточный пол, не жалея на это воды.

Еще одна лестница, на потолке - лампа, закрытая решеткой, дверь, которая отодвигается вбок, еще одна застекленная кабинка, в которой никого нет. Здесь воздух стал свежее. Мегрэ открыл вторую дверь и с удивлением обнаружил, что оказался на улице, а на противоположном тротуаре человек в одной рубашке опускал металлическую штору на окне того маленького бара, который он видел с крыши.

Мегрэ стоял на улице Магеллана, а справа, в конце улицы Бассано, были видны Елисейские поля. На соседнем пороге обнималась влюбленная пара. Может быть, влюбленный с порога - служащий, который должен бы сидеть в пустой кабинке?

Охраняют ли эту дверь днем и ночью? Отмечают ли вход и выход служащих через нее? Разве Мегрэ совсем недавно не видел, как официант в белой куртке перешел улицу и пропал в бистро напротив?

Комиссар подсознательно запоминал все эти подробности. Когда он вернулся в бар, половина ламп там была погашена, игроков в покер там не было, и официанты убирали со столиков остатки еды.

Мегрэ не обнаружил своих четверых американцев и в ампирной гостиной. Она была пуста и похожа на полную тишины часовню.

Когда он снова увидел бармена, тот был без формы, и Мегрэ едва узнал его в обычной одежде.

- Игроки в покер уже ушли?

- По-моему, они поднялись в номер Марко Джонса и там, несомненно, будут играть всю ночь.

Вы остаетесь?

Доброй ночи и до свидания.

Было всего четверть второго, и Мегрэ прошел в номер покойного Дэвида Уорда, где все осталось на своих местах, в том числе разбросанная одежда и вода в ванне.

Он не стал осматривать место преступления, а просто сел в кресло, зажег трубку и задремал.

Может быть, зря он мчался в Орли, Ниццу, Монте-Карло, Лозанну. Кстати, маленькая графиня сейчас, должно быть, спит в своем купе.

Остановится ли она в "Георге Пятом", как привыкла?

Сколько времени сможет прожить на то, что выручит за меха и драгоценности?

Предвидел ли полковник, что может умереть раньше, чем его развод с Мюриэль Хэллиген будет доведен до конца и он женится на графине? Это было невероятно.

А графиня не имеет даже возможности уехать в Лозанну и войти в клуб одиноких дам, которые в ресторанах требуют блюда без соли и масла, но каждый раз перед едой выпивают четыре или пять коктейлей.

Не подходит ли она под условия, которые перечислил ван Мелен?

Мегрэ не пытался сделать заключительный вывод, найти ответ задачи. Он вообще ни о чем не думал, а давал своему уму блуждать, где придется.

Возможно, все будет зависеть от маленького эксперимента. И даже этот эксперимент необязательно даст доказательный результат. Да, журналистам, которые расхваливают методы комиссара Мегрэ, лучше не знать, как он иногда берется за дело, иначе его репутация непременно пострадает.

Два раза Мегрэ едва не заснул, но вовремя встряхивался, выпрямлялся в кресле и смотрел на часы. Когда он взглянул во второй раз, они показывали половину третьего, и комиссар, чтобы не уснуть опять, сменил обстановку: перешел в номер 332, где было только одно изменение: драгоценности графини благоразумно унесли оттуда и положили в сейф отеля.

Бутылку, похоже, никто не трогал, и, пробыв в номере около десяти минут, Мегрэ ополоснул в ванной комнате один из бокалов и налил себе в него виски до краев.

В три часа комиссар наконец вошел в дверь, которая вела за кулисы. В этот момент мимо него проходила довольно сильно захмелевшая пара. Женщина пела и несла в руках, как младенца, огромного белого плюшевого медведя, которого ей, должно быть, продали в ночном клубе.

Мегрэ встретил только одного коридорного (лицо у этого человека было мрачное: ему давно было пора идти домой). Сориентировавшись, комиссар спустился вниз.

Сначала он оказался слишком низко и снова попал в первый из подвалов, но в конце концов нашел стеклянную кабинку, где по-прежнему никого не было, а потом опять оказался на свежем воздухе улицы Магеллана.

Бар напротив отеля был уже давно закрыт: Мегрэ видел, как там опускали штору. Красный неоновый свет на соседней улице погас, и, хотя автомобили по-прежнему стояли там, Мегрэ не увидел на тротуаре ни одного человека. Первого прохожего он встретил лишь тогда, когда дошел до улицы Бассано. Тот шел быстро и, похоже, испугался его.

Ресторан "У Фуке" на углу этой улицы и Елисейских полей и закусочная напротив него тоже были закрыты.

Возле стены какого-то туристического агентства стояла девушка. Она тихо сказала комиссару что-то, чего он не понял.

На другой стороне проспекта, по которому двигалось всего несколько машин, оставались освещенными две большие витрины недалеко от Лидо.

Мегрэ помедлил на краю тротуара. В этот момент он, наверно, был похож на лунатика, потому что пытался представить себя в роли другого - другого, который несколько минут назад убил

человека, удержав его голову под водой в ванне, и шел от номера 347 тем путем, которым теперь прошел он.

По проспекту ехало пустое такси и, оказавшись рядом с Мегрэ, замедлило ход. Остановил бы его убийца? Не сказал бы себе, что это опасно, что полиция почти всегда находит шоферов, которые выполняли какой-то определенный рейс?

Мегрэ дал такси проехать мимо и хотел было идти по этой же стороне улицы к площади Согласия.

Но потом он снова взглянул на освещенное кафе на противоположной стороне. Издалека он видел длинную, обитую медью стойку официанта, подающего пиво, кассиршу и четверых или пятерых неподвижно сидевших посетителей, среди которых были две женщины.

Он пересек улицу, снова помедлил в нерешительности, но в конце концов вошел.

Обе женщины посмотрели на него и уже начали складывать губы в улыбку, но потом, хотя и не узнали Мегрэ, похоже, поняли, что от этого человека им ждать нечего.

Так ли все было позавчера? Мужчина за стойкой тоже смотрел на Мегрэ вопрошающим взглядом, ожидая заказа.

Из-за выпитого раньше спиртного у Мегрэ был неприятный вкус во рту. Ему попался на глаза насос для разливания пива.

- Маленькую кружку пива...

На улице из темноты появились две или три женщины, подошли к кафе и стали рассматривать Мегрэ через стекло.

Одна из них рискнула на секунду зайти в кафе и потом, снова на улице, должно быть, сказала остальным, что этот человек для них не представляет интереса.

- Вы открыты всю ночь?

- Всю.

- Есть отсюда до Мадлен другие бары, которые сейчас открыты?

- Только кабаре со стриптизом.

- Вы были здесь позавчера в это время?

- Я здесь все ночи, кроме понедельника...

- Вы тоже? - спросил он кассиршу в накинутой на плечи синей шерстяной шали.

- У меня выходной среда.

Позавчера был вторник, значит, они оба были здесь.

Понизив голос, Мегрэ спросил, указывая на двух сидевших в баре девиц:

- Они тоже?

- Да, если только не уведут клиента на улицу Вашингтона или на улицу Берри.

Официант нахмурил брови. Он спрашивал себя, кто такой этот странный клиент, лицо которого ему кого-то напоминало. Но не он, а одна из девиц в конце концов узнала Мегрэ и зашевелила губами, предупреждая официанта.

Не догадываясь, что Мегрэ видит ее в зеркале, она раз за разом беззвучно, как рыба, повторяла одно и то же слово, а официант, не понимая, посмотрел на нее, потом на комиссара и снова на нее, теперь с таким видом, словно спрашивал, в чем дело.

В конце концов Мегрэ выполнил роль переводчика.

- Двадцать два! - сказал он.

Официант, судя по выражению его лица, не знал, о чем идет речь, и Мегрэ объяснил:

- Она вам говорит, что я легавый.

- А это правда?

- Правда.

Должно быть, он забавно выглядел, когда говорил это, потому что девица, которая в первый момент смутилась, потом не могла удержаться от смеха.

Глава 8

Те, кто видел, и те, кто не видел, или искусство перемешивать свидетелей

- Да нет же, шеф, мне это совсем не трудно. Я так ждал этого, что предупредил жену, когда мы ложились спать.

Как только зазвонил телефон, к Люка вернулось хорошее настроение, но, должно быть, у него не было перед глазами часов. Может быть, он еще не зажег свет в своей спальне?

- Сколько сейчас времени?

- Половина четвертого. У тебя есть бумага и карандаш?

- Одну минуту...

Через стекло телефонной кабинки Мегрэ видел дежурную по туалету, которая спала на своем стуле, и вязанье у нее на коленях. Он знал, что наверху, у прилавка, сейчас говорят о нем.

- Я вас слушаю...

- У меня нет времени объяснять тебе. Просто выполняй мои указания слово в слово...

Затем Мегрэ продиктовал эти указания - медленно, повторяя каждую фразу несколько раз, чтобы быть уверенным, что не будет ошибки.

- До скорого свиданья.

- Шеф, вы не очень устали?

- Не очень.

Мегрэ положил трубку и тут же позвонил Лапуэнту.

Тот просыпался дольше, может быть, потому, что был моложе.

- Прежде всего пойді выпей стакан холодной воды.

Потом выслушаешь меня...

Лапуэнту он тоже дал точные указания, потом подумал, не позвонить ли Жанвье, но тот жил в пригороде и, конечно, не смог бы сразу поймать такси. И Мегрэ поднялся наверх.

Девица, которая предложила, что сходит за Ольгой, и обещала дожидаться ее у двери меблированных комнат на улице Вашингтона и привести сюда, еще не вернулась, и Мегрэ выпил еще один стакан пива. От спиртного комиссар как будто немного отяжелел, но для того, что он собирался сделать, так было, пожалуй, даже лучше.

- Это так необходимо, чтобы я тоже туда пошел? - спрашивал его через стойку настойчивый официант. - Может быть, хватит двух девочек? Даже если он не помнит Малу, с которой не разговаривал, то Ольгу он точно не забыл, а вам ее сейчас найдут. Он не только угостил ее бокалом вина и поболтал с ней, но думал, не увести ли ее к себе, я это понял. И вообще, у Ольги рыжие волосы и такая грудь, что ее не забудешь...

- Я все же хочу, чтобы вы там были...

- То, что я вам сейчас сказал, я говорил не ради себя, а ради своего сменщика, которого мне сейчас придется поднимать с постели. Он будет злиться...

В этот момент та девица, которая уходила, вернулась с пресловутой Ольгой, которая действительно была ярко-рыжей и умело подчеркивала красоту своей пышной груди.

- Это он, - сказала ей ее подруга. - Это комиссар Мегрэ. Не бойся...

Ольга немного опасалась Мегрэ. Он угостил ее бокалом вина и дал указания ей, а также остальным.

После этого он вышел из кафе и в полном одиночестве неторопливо пошел по Елисейским полям, засунув руки в карманы и делая короткие затяжки из трубки.

Проходя мимо портье отеля "Клеридж", Мегрэ едва не остановился, чтобы нанять его тоже, и не сделал этого лишь потому, что увидел чуть дальше старую женщину, которая сидела на земле перед корзиной цветов, прислонясь спиной к стене.

- Вы были здесь позавчерашней ночью?

Старуха ответила на это недоверчивым взглядом, и комиссару пришлось вступить с ней в переговоры. В конце концов он получил то, что хотел, два или три раза повторил ей свои указания и дал денег.

Теперь он мог идти немного быстрее: группа статистов была набрана полностью. Остальное сделают Люка и Лапуэнт. Он хотел было взять такси, но не взял, потому что тогда оказался бы на месте слишком рано.

Мегрэ дошел до улицы Матиньон, немного задержался, выбирая дорогу, потом решил, что человек, который привык ходить этим путем, срезал бы угол и пошел бы по Фобур-Сент-Оноре. Поэтому получилось так, что Мегрэ прошел мимо посольства Великобритании и мимо той гостиницы, где мистер Филпс отдыхал после своей вчерашней ходьбы.

Площадь Мадлен, бульвар Капуцинок... Еще один человек в форме у двери "Скриба", турникет; вестибюль был освещен не так ярко, как вестибюль "Георга Пятого", и его обстановка и стены выглядели не такими новыми.

Мегрэ показал свой полицейский значок дежурному в службе приема.

- Мистер Джон Т. Арнольд у себя?

Взгляд на доску с ключами и утвердительный жест.

- Давно он лег спать?

- Он вернулся около половины одиннадцатого.

- Такое с ним бывает часто?

- Достаточно редко, но из-за всей этой истории у него был напряженный день.

- А прошлой ночью в котором часу вы видели, как он вернулся?

- В начале первого.

- А в ночь перед прошлой?

- Гораздо позже.

- Позже трех часов?

- Возможно. Вы должны знать, что мы не имеем права давать информацию о передвижениях наших клиентов.

- Каждый человек обязан сообщить полиции то, что знает, если это касается уголовного дела.

- В таком случае обратитесь к директору.

- А директор был здесь позавчерашней ночью?

- Нет. Я буду говорить только с его разрешения.

Какой упрямый, ограниченный, неприятный человек!

- Свяжите меня с директором по телефону.

- Я могу его беспокоить только по серьезному поводу.

- Этот повод настолько серьезный, что, если вы сию минуту не позвоните, я сейчас уведу вас в тюрьму при префектуре!

Служащий, видимо, понял, что дело и впрямь серьезно.

- В таком случае, я даю вам эту информацию. Это было позже трех часов, даже гораздо позже половины четвертого, потому что некоторое время спустя я был вынужден подняться наверх, чтобы прекратить шум, который подняли итальянцы.

Ему Мегрэ тоже дал указания, и этот человек все-таки едва не позвонил директору отеля.

- Теперь будьте так добры соединить меня с Джоном Т. Арнольдом. Просто наберите номер его телефона. Говорить буду я...

Взяв трубку в руки, Мегрэ почувствовал, что волнуется: сейчас ему предстояло сыграть трудную и деликатную роль. Он услышал звонок телефона в незнакомом ему номере. Потом на том конце провода сняли трубку.

Голос Мегрэ звучал глухо, когда он спросил:

- Мистер Арнольд?

Другой голос отозвался:

- Ху из ит?

Разумеется, Арнольд, еще полусонный, говорил на своем родном языке. Итак, он спрашивает: "Кто это?"

- Мне очень неловко беспокоить вас, мистер Арнольд.

Говорит комиссар Мегрэ. Я вот-вот найду убийцу вашего друга Уорда, и мне нужна ваша помощь.

- Вы по-прежнему в Лозанне?

- Нет, я в Париже.

- Когда вы хотите увидеться со мной?

- Сейчас.

Молчание: Арнольд решает, как быть.

- Где?

- Я здесь, внизу, в вашем отеле. Я бы хотел подняться на минуту и побеседовать с вами.

Снова молчание. Англичанин имеет право отказаться от этой встречи. Сделает ли он это?

- Вы хотите говорить со мной о графине?

- Да, и о ней тоже...

- Она приехала вместе с вами? Она с вами сейчас?

- Нет. Я один...

- Хорошо, поднимайтесь...

Мегрэ, успокоившись, положил трубку.

- Какой номер? - спросил он служащего.

- Пятьсот пятьдесят один. Посыльный вас проводит.

Коридоры и пронумерованные двери. По дороге он и посыльный встретили лишь одного коридорного, который тоже постучал в дверь номера 551.

Джон Т. Арнольд из-за того, что веки у него опухли, казался старше, чем в тот день, когда комиссар встретился с ним в "Георге Пятом". Одет он был в черный халат с цветными разводами и шелковую пижаму.

- Входите... Извините за беспорядок... Что вам сказала графиня? Она истеричка, вы это знаете?.. И когда она выпьет, то...

Знаю... Благодарю вас за то, что вы согласились меня принять. В интересах всех, - кроме, разумеется, убийцы, - чтобы это дело закончилось быстро, разве не так? Мне сказали, что вчера вы вместе с английским солиситором много потрудились для того, чтобы уладить дела с наследством Уорда.

- Это очень сложно... - вздохнул маленький розовый человечек. Он велел коридорному принести чай. - Не хотите ли тоже чая?

- Спасибо, нет.

- Чего-нибудь еще?

- Нет. По правде говоря, мистер Арнольд, вы нужны мне не здесь...

Мегрэ внимательно наблюдал за реакцией своего собеседника, хотя делал при этом вид, что не смотрит на него.

- Мои люди с набережной Орфевр обнаружили нечто такое, что я хотел бы представить вам для рассмотрения.

- Что они обнаружили?

Мегрэ притворился, будто не расслышал вопрос.

- Разумеется, я мог бы дождаться завтрашнего утра и только тогда вызвать вас. Но, поскольку вы были самым близким полковнику человеком, а также самым верным ему, я подумал, что вы не рассердитесь, если я побеспокою вас среди ночи.

Мегрэ говорил так добродушно, как только мог, и при этом смущенно - тоном чиновника, который из чувства долга осмелился на неприятный поступок.

- В таких расследованиях, как это, время - важнейший фактор. Вы сами подчеркивали, насколько велик масштаб дел Уорда и как серьезны будут последствия его смерти для финансовых кругов. Если вам не трудно одеться и поехать со мной...

- Куда?

- В мой кабинет.

- Мы не можем поговорить здесь?

- Только там я могу показать вам предметы, которые находятся у нас в руках, и предложить на рассмотрение некоторые проблемы...

Мегрэ потратил еще немного времени, но в конце концов Арнольд согласился одеться и сделал это, переходя из гостиной в спальню и из спальни в ванную комнату.

Мегрэ ни разу не произнес имя Мюриэль Хэллиген, зато много говорил о графине полусерьезным-полушутливым тоном. Арнольд выпил свой обжигающий чай. Несмотря на время и на то, куда они направлялись, он привел себя в порядок так же тщательно, как всегда.

- Я полагаю, это ненадолго? Я лег спать рано, потому что завтра у меня еще более напряженный день, чем был сегодня. Вы знаете, что Бобби, сын полковника, приехал сюда вместе с кем-то из своего колледжа? Они поселились здесь.

- Не в "Георге Пятом"?

- Я посчитал, что так будет лучше, учитывая, что там произошло...

- Вы поступили хорошо.

Мегрэ не торопил Арнольда, как раз напротив. Ему нужно было дать Люка и остальным время сделать все, что они должны были сделать, - построиться в боевой порядок.

- Ваша жизнь теперь сильно изменится, верно? Кстати, сколько времени вы прожили рядом с вашим другом Уордом?

- Около тридцати лет...

- И следовали за ним повсюду?

- Повсюду...

- И каждый день... Я задаю себе вопрос: не из-за него ли вы не женились?

- Что вы хотите этим сказать?

- То, что, будь вы женаты, у вас не было бы такой свободы сопровождать его. Короче говоря, вы пожертвовали для него своей личной жизнью.

Мегрэ предпочел бы взяться за это дело иначе - встать стеной перед этим пухлым, холеным маленьким человечком и сказать ему прямо: "Между нами двумя. Вы убили Уорда, потому что..."

Беда была в том, что он не знал, почему именно, и что англичанина, конечно, эти слова бы не встревожили.

- Графиня Пальмиери в семь часов приедет на Лионский вокзал. Сейчас она находится в поезде...

- Что она сказала?

- Что она пошла в номер полковника и, придя, увидела полковника мертвым.

- Вы вызвали ее на набережную Орфевр?

Мегрэ нахмурил брови.

- Вы не заставите меня ждать ее приезда?

- Не думаю, что заставлю.

Они в конце концов вместе направились к лифту; кнопку вызова нажал Арнольд, он сделал это машинально.

- Я забыл взять с собой пальто...

- Я тоже без пальто. Сейчас не холодно, а ехать нам всего несколько минут на такси.

Мегрэ не хотел, чтобы Арнольд один вернулся в спальню. Как только они сядут в машину, один из инспекторов начнет ее старательно обыскивать.

Они прошли через вестибюль быстро, и Арнольд не заметил, что за стойкой регистрации сидел не тот служащий, который был там раньше. У порога их ждало такси.

- Набережная Орфевр...

На бульварах не было почти никого, лишь редкие пары и несколько такси, которые почти все ехали в сторону вокзалов. Мегрэ оставалось всего несколько минут играть неприятную роль и спрашивать себя, не идет ли он по ложному пути.

Такси не въехало во двор здания уголовной полиции, поэтому Мегрэ с Арнольдом прошли мимо часового и оказались под каменной аркой, где и сейчас, как всегда, было холоднее, чем рядом.

- Я покажу вам дорогу. Вы позволите?

Комиссар пошел впереди Арнольда. Он поднялся по плохо освещенной широкой лестнице и открыл перед своим спутником застекленную дверь. Большой коридор за ней, куда выходили двери многих служб, был пуст, и в нем горели всего две лампы.

"Как в отелях по ночам!" - подумал Мегрэ, вспомнив все коридоры, по которым ходил этой ночью, и сказал:

- Сюда... Входите, пожалуйста.

Он не впустил Арнольда в свой кабинет прямо из коридора, а повел его через комнату инспекторов. А сам отступил в сторону, потому что знал, какое зрелище ожидает англичанина по ту сторону двери.

Шаг... еще шаг... остановка... Мегрэ заметил, как у его спутника пробежала по спине дрожь, увидел, как тот начал поворачивать, но удержался.

- Входите...

Заперев дверь комнаты изнутри, Мегрэ увидел ту картину, которую перед этим рисовал в своем воображении.

Люка сидел за столом и, казалось, был очень занят составлением очередного отчета. За столом напротив устроился молодой Лапуэнт с сигаретой во рту. Мегрэ заметил, что из всех в комнате Лапуэнт был самым бледным. Может быть, он понимал, что комиссар делал трудный, возможно, опасный ход?

Вдоль стен сидели на стульях люди с лицами неподвижными, как у восковых фигур.

Статистов рассадили не как попало, а в определенном порядке. Первым был ночной коридорный четвертого этажа отеля "Георг Пятый". Под расстегнутым пальто были видны черные брюки и белая куртка. Потом посыльный в форме. Следующим был маленький старичок со

слезящимися глазами, тот, кто в принципе должен был бы все время сидеть в своей стеклянной будке у служебного входа в отель с улицы Магеллана.

Этим троим было особенно не по себе, и они старались не смотреть на Арнольда: он не мог не узнать их. Во всяком случае, первого должен был узнать обязательно, а второго - из-за формы.

Третьим мог быть кто угодно. Это было не важно. За ними следовали Ольга, рыжая девица с пышной грудью, которая нервничала и, чтобы успокоиться, жевала резинку, и ее подруга, которая дожидалась ее у дверей на улице Вашингтона. И наконец, официант из бара, одетый в пальто, с клетчатой фуражкой в руках, старая продавщица цветов и дежурный по приему постояльцев из "Скриба".

- Полагаю, вы узнаете этих людей? - заговорил Мегрэ. - Сейчас мы сядем в моем кабинете и выслушаем их одного за другим. У вас есть письменные показания, Люка?

- Да, шеф...

Мегрэ открыл дверь между кабинетами.

- Прошу вас, входите, мистер Арнольд...

Перед тем как двинуться с места, тот на секунду словно прирос к полу и впился взглядом в глаза комиссара.

Мегрэ не имел права отвернуться: он любой ценой должен был выглядеть уверенным в себе.

- Прошу вас, входите! - повторил он.

У себя в кабинете Мегрэ зажег лампу с зеленым абажуром на письменном столе и указал Арнольду на кресло, стоявшее напротив его собственного.

- Можете курить...

Когда он снова взглянул на своего собеседника, то понял, что Арнольд все это время продолжал и теперь продолжает напряженно следить за ним взглядом, полным неподдельного ужаса.

Мегрэ набил табаком одну из своих трубок и заговорил:

- А теперь, если вы желаете, мы начнем вызывать свидетелей по одному, чтобы зафиксировать ваши передвижения по городу с того момента, как в ванной комнате полковника Уорда...

Он протянул руку к звонку так, чтобы это бросалось в глаза, и увидел, как выпуклые глаза Арнольда стали влажными от слез, а нижняя губа приподнялась, словно тот собирался заплакать. Но англичанин не заплакал. Проглотив слюну, чтобы избавиться от комка в горле, Арнольд произнес голосом, который больно было слышать:

- Это бесполезно...

- Вы признаетесь?

Молчание. Потом - утвердительное движение век вниз и вверх.

И тут произошло то, чего с Мегрэ, пожалуй, не было ни разу за всю его карьеру. Его напряжение и мучительная тревога перед этим были так сильны, что теперь он вдруг весь расслабился и обмяк. Мегрэ выдал себя: не смог скрыть свое облегчение.

Арнольд, не сводивший с него глаз, при виде этого сначала был изумлен, потом сдвинул брови, пытаясь понять, и, наконец стал землисто-бледным.

- Вы... - Он говорил с трудом. - Вы этого не знали, да? - И наконец понял все:

- Они меня не видели?

- Видели не все, - признался Мегрэ. - Простите меня, мистер Арнольд, но лучше покончить с этим, разве вы так не считаете? А другого способа не было...

И разве это не избавило Арнольда от долгих часов, а может быть, целых дней допроса?

- Уверяю вас, что так лучше и для вас тоже...

Они по-прежнему ждали рядом, все свидетели, те, кто действительно что-то видел, и те, кто не видел ничего.

Построив их в том порядке, в котором Арнольд мог бы их встретить, комиссар создал впечатление, будто имеет прочную цепочку свидетельских показаний.

Настоящие свидетельства в каком-то смысле делали истинными ложные.

- Я полагаю, их можно отпустить?

Англичанин все-таки сделал слабую попытку защититься:

- Что это доказывает теперь, когда...

- Послушайте, мистер Арнольд. Теперь я, как вы говорите, знаю. Вы можете отказаться от вашего признания и даже заявить, будто его вырвали у вас с помощью жестокого обращения...

- Этого я не говорил...

- Видите ли, отступить уже поздно. Я пока не считал необходимым беспокоить одну даму, которая сейчас живет в отеле на набережной Гран-Огюстен и с которой вы сегодня завтракали в двенадцать часов дня. Но я могу это сделать. Она займет ваше место напротив меня, и я задам ей столько вопросов, что в конце концов она ответит...

Наступило тяжелое молчание.

- Вы собирались на ней жениться?

Ответа не было.

- Через сколько дней развод был бы завершен и ей пришлось бы отказаться от претензий на наследство?

Не дожидаясь ответа, Мегрэ подошел к окну и открыл его. Небо начинало бледнеть, были слышны гудки, которыми баржи на реке выше по течению, за островом Сен-Луи, подзывали свои буксиры.

- Три дня...

Он это действительно слышал или показалось? Мегрэ, как будто ничего не произошло, открыл дверь между комнатами.

- Дети мои, вы можете уходить. Больше вы мне не понадобится. Ты, Люка... - Мегрэ не сразу решил, кого выбрать, Люка или Лапуэнта. Увидев разочарование на лице "малыша", он добавил:

- И ты тоже... Идите сюда оба и запишите его показания...

Мегрэ выбрал новую трубку и медленно набил ее табаком, потом поискал взглядом шляпу.

- Вы мне позволите покинуть вас, мистер Арнольд?

Арнольд сжался в комок на своем стуле. Он вдруг сделался очень старым. И с каждой минутой он все больше терял... - как это назвать? Мегрэ трудно было подобрать подходящее слово - терял ту легкость, тот блеск, ту уверенность, которые отличают от всех прочих людей из высшего общества, людей из роскошных отелей...

Это уже был просто человек, раздавленный горем несчастный человек, который проиграл свою игру.

- Я иду спать, - сказал Мегрэ своим сотрудникам. - Если я вам понадоблюсь...

Лапуэнт заметил, что комиссар, проходя мимо Джона Т. Арнольда, как будто случайно на секунду опустил руку на плечо англичанина, и проводил своего шефа до двери полным тревоги взглядом.

<http://book.zehinli.info>

1957г.